НАУЧНО–ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2411–0590 (Print)
ISSN 2782–277X (Online)

ВИКТИМОЛОГИЯ

VICTIMOLOGY

2022. Т. 9, № 1

Журнал ВИКТИМОЛОГИЯ включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Цель журнала — создание единой научной площадки для исследований в области виктимологии, развитие данного научного направления.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

МАЙОРОВ А. В. Канд. юрид. наук, Челябинский государственный университет (ЧелГУ), г. Челябинск

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

ВОРОНИН С. В.
редакция журнала, г. Челябинск

ПЕРЕВОД:

МАРТЫНОВА М. А.
редакция журнала, г. Челябинск

УЧРЕДИТЕЛИ

ООО «Эскуэла»
ООО «Южно-Уральский юридический вестник»

ИЗДАТЕЛЬ

ООО «Эскуэла»
454080, г. Челябинск, ул. Коммуны, 139-39.

РЕДАКЦИЯ

454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.
Издательский центр,
тел.: +7 (908) 570-73-15.
E-mail: **victimologiy@mail.ru**

Журнал индексируется:
Европейский реферативный индекс **ERIH PLUS**
Российский индекс научного цитирования **РИНЦ**

Полнотекстовые версии размещены:
eLIBRARY.RU — www.elibrary.ru
КиберЛенинка — www.cyberleninka.ru
READera — www.readera.org

Сайт журнала: **www.victimolog.ru**

Журнал основан в 2014 г.
выходит 4 раза в год.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство ПИ № ФС 77–57507 от 27.03.2014)

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

5. Социальные и гуманитарные науки
5.1. Право; 5.1.4. Уголовно-правовые науки (Юридические науки)

КВАШИС В.Е. (науч. редактор). Д-р юрид. наук, проф., ВНИИ МВД России (Россия, г. Москва)

ВИШНЕВЕЦКИЙ К.В. Д-р юрид. наук, профессор, Краснодарский университет МВД России (Россия, г. Краснодар)

ВОРОНИН Ю.А. Д-р юрид. наук, профессор, ЮУрГУ (Россия, г. Челябинск)

ГЕНРИХ Н.В. Д-р юрид. наук, проф., РГУП (Россия, г. Москва)

ГИЛИНСКИЙ Я.И. Д-р юрид. наук, проф., РГПУ им. А. И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург)

КАБАНОВ П.А. (председатель). Д-р юрид. наук, профессор, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова (Россия, г. Казань)

САБИТОВ Р.А. Д-р юрид. наук, профессор, ЧелГУ (Россия, г. Челябинск)

ФЕЩЕНКО П.Н. Канд. юрид. наук, МГЮА им. О.Е. Кутафина (Россия, г. Киров)

ЮЗИХАНОВА Э.Г. Д-р юрид. наук, проф., Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (Россия, г. Тюмень)

5.3. Психология; 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (Психологические науки)

АНДРИЕНКО Е.В. Д-р пед. наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет (Россия, г. Новосибирск)

БАЗЕЛЮК В.В. Д-р пед. наук, проф., ЮУрГУ (Россия г. Челябинск)

ИОГОЛЕВИЧ Н.И. Д-р психол. наук, профессор, Тюменский индустриальный университет (Россия г. Тюмень).

КОСТЕНОК П. И. Д-р пед. наук, профессор, Уральский государственный университет физической культуры (Россия, г. Челябинск)

СИНЯКОВА М.Г. Д-р психолог. наук, доцент, Уральский институт Государственной противопожарной службы МЧС России (Россия, г. Екатеринбург)

ТАНАЕВА З.Р. Д-р пед. наук, доцент, ЮУрГУ (Россия, г. Челябинск)

ЦИРИНГ Д.А. Д-р психол. наук, проф., ЧелГУ (Россия, г. Челябинск)

ЯЩЕНКО Е.Ф. Д-р психолог. наук, доцент, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I (Россия, г. Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКСПЕРТЫ

ВАРИ В. PhD, доцент, Национальный университет государственной службы, факультет Правоохранительной деятельности (Венгрия, г. Будапешт)

КАРОВИЧ С. PhD — уголовное право, доцент Университет в Травнике, Юридический факультет (Босния и Герцеговина)

МАТЬЯШ С. PhD, доцент Национальный университет государственной службы, факультет Правоохранительной деятельности (Венгрия, г. Будапешт)

РАЙЕДЖИАН АСЛИ М. PhD — уголовное право и криминология, доцент Институт исследований и развития гуманитарных наук (SAMT), факультет Права и юриспруденции, декан (Иран)

© Редакция журнала «ВИКТИМОЛОГИЯ», 2022.

SCIENTIFIC & PRACTICAL JOURNAL

ISSN 2411–0590 (Print)
ISSN 2782–277X (Online)

VICTIMOLOGY

VIKTIMOLOGIYA

2022. Vol. 9, no 1

The journal VICTIMOLOGY is included in the list of peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published.

The purpose of the journal is to create a unified scientific platform for research in the field of victimology, the development of this scientific direction.

EDITOR IN CHIEF

A. V. MAYOROV. Cand. Sci. (Law), Chelyabinsk State University (CSU), Chelyabinsk, Russian Federation

DESKTOP PUBLISHING

S. V. VORONIN
editorial staff, Chelyabinsk

TRANSLATION

M. A. MARTYNOVA.
editorial staff, Chelyabinsk

THE FOUNDERS

Escuela LLC

South Ural Legal Bulletin LLC

PUBLISHER

Escuela LLC
139 Kommuny st., of. 39
Chelyabinsk 454080,
Russian Federation.

EDITORIAL OFFICE

Publishing Center
76 Lenina ave., Chelyabinsk 454080,
Russian Federation.
Phone: +7 (908) 570-73-15
E-mail: **victimologiy@mail.ru.**

Indexed by:
European Reference Index (**ERIH PLUS**)
Russian Science Citation Index (**RSCI**)

Full-text versions of articles published:
eLIBRARY.RU — www.elibrary.ru
CyberLeninka — www.cyberleninka.ru
READera — www.readera.org

Journal site: **www.victimolog.ru**

The journal was founded in 2014
and is published 4 times a year.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (certificate PI #FS 77-57507 from 27.03.2014)

The authors of the published materials are responsible for the authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information, as well as for compliance with the intellectual property law.

EDITORIAL BOARD

(Legal Sciences)

V.Ye. KVASHIS, scientific editor. Dr. Sci. (Law), Prof., All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

K.V. VISHNEVETSKIY. Dr. Sci. (Law), Prof., Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Yu.A. VORONIN. Dr. Sci. (Law), Prof., South Ural State University (SUSU), Chelyabinsk, Russian Federation

N.V. GENRIKH. Dr. Sci. (Law), Prof., Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

Ya.I. GILINSKIY. Dr. Sci. (Law), Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

P.A. KABANOV, chairman. Dr. Sci. (Law), Prof., V. G. Timiryasov Kazan Innovative University (IEML), Kazan, Russian Federation

R.A. SABITOV. Dr. Sci. (Law), Prof., Chelyabinsk State University (CSU), Chelyabinsk, Russian Federation

P.N. FESHCHENKO. Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Kirov, Russian Federation

E.G. YUZIKHANOVA. Dr. Sci. (Law), Prof., Tyumen Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russian Federation

(Psychological Sciences)

Ye.V. ANDRIENKO. Dr. Sci. (Ped.), Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

V.V. BAZELYUK. Dr. Sci. (Ped.), Prof., South Ural State University, (SUSU) Chelyabinsk, Russian Federation

N.I. IOGOLEVICH. Dr. Sci. (Psy.), Prof., Tyumen Industrial University, Tyumen, Russian Federation

P.I. KOSTENOK. Dr. Sci. (Ped.), Prof., Ural State University of Physical Culture, Chelyabinsk, Russian Federation

M.G. SINYAKOVA. Dr. Sci. (Psy.), Assoc. Prof., Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation

Z.R. TANAEVA. Dr. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., South Ural State University, (SUSU) Chelyabinsk, Russian Federation

D.A. TSIRING. Dr. Sci. (Psy.), Prof., Chelyabinsk State University (CSU), Chelyabinsk, Russian Federation

Ye.F. YASHCHENKO. Dr. Sci. (Psy.), Assoc. Prof., Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russian Federation

INTERNATIONAL EXPERTS

V. Vari. PhD, Assoc. Prof., Faculty of Law Enforcement, National University of Public Service in Budapest, Hungary

S. Karovic. PhD in Criminal Law, Assoc. Prof., Faculty of Law, University in Travnik, Bosnia and Herzegovina

S. Matyas. PhD, Assoc. Prof., Faculty of Law Enforcement, National University of Public Service in Budapest, Hungary

M. Rayejian Asli. PhD in Criminal Law & Criminology, Assoc. Prof., Dean of Department of Law & Jurisprudence, Institute for Research & Development in Humanities (SAMT), Iran

© Editorial Board of VICTIMOLOGY, 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

ВИКТИМОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

КАБАНОВ П. А.

Виктимологическое измерение криминальной смертности
в Российской Федерации: анализ статистических показателей 2015–2020 гг. 7

ГОНЧАРОВ Д. Ю.

Причины и условия, способствующие
совершению террористических преступлений
в период проведения массовых мероприятий 20

ТИМОШИНА Е. М., ЕВСЕЕВ А. В.

Виктимологические аспекты преступности
на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта
Российской Федерации 26

ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ЗАДОРОЖНАЯ В. А.

Цифровое неравенство в доступе потерпевших
к уголовному правосудию: дефиниция понятия 40

МЕШКОВ М. В., МИНУЛИН Р. М.

По каким преступлениям возможно
освобождение от уголовной ответственности
в связи с примирением сторон? 49

РАДОСТЕВА Ю. В.

К вопросу об уголовно-правовой охране
криоконсервированных человеческих эмбрионов 63

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

КОБЕЦ П. Н.

Законодательные основы прав потерпевших
на возмещение имущественного вреда
причиненного преступлением за рубежом 73

КАРОВИЧ С., ИГРАЧКИ Ж.

Виктимологические и криминологические аспекты
преступности несовершеннолетних в Боснии и Герцеговине 83

СОДЕРЖАНИЕ

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА

ЕВТУШЕНКО И. И.

Актуальные направления виктимологической профилактики дистанционных хищений 90

ЛУНИН Д. Н.

Понятие и виды антиобщественного поведения 99

ФЕЩЕНКО П. Н.

Место и роль виктимологической профилактики в учебных заведениях в системе мер по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации 108

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

РЕШНЯК М. Г.

Противодействие коррупции: к вопросу о проблемах защиты прав пострадавших от коррупционных преступлений 119

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

БЕГИШЕВ И. Р., ХИСАМОВА З. И.

Искусственный интеллект и уголовный закон : монография. Москва: Проспект, 2021. 192 с. 127

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления рукописей статей в научный журнал «ВИКТИМОЛОГИЯ» 130

CONTENTS

VICTIMOLOGY OF CRIME

KABANOV P. A.

The Victimological Dimension of Criminal Deaths
in the Russian Federation:
An Analysis of Statistical Indicators 2015-2020 8

GONCHAROV D. YU.

Reasons and Conditions Conducive to
the Commission of Terrorist Crimes
During the Period of Mass Events 21

TIMOSHINA E. M., EVSEEV A. V.

Victimological Aspects of Crime
at Railway, Water and Air Transport Facilities
of the Russian Federation 27

VICTIM OF CRIME

ZADOROZHNAYA V. A.

Digital Divide in Access to Criminal Justicefor Victims:
Definition of the Concept 41

MESHKOV M. V., MINULIN R. M.

What Crimes can be Exempted from Criminal Liability
in Connection with Reconciliation of the Parties? 50

RADOSTEVA YU. V.

On the Issue of Criminal Law Protection
of Cryopreserved Human Embryos 64

FOREIGN EXPERIENCE

KOBETS P. N.

The Legal Basis of the Rights of Victims to Compensation
for Property Damage Caused by a Crime Abroad 74

KAROVIĆ S., IGRAČKI J.

Victimological and Criminal Aspects of Juvenile Crime
in Bosnia and Herzegovina 83

CONTENTS

VICTIMOLOGICAL PREVENTION

EVTUSHENKO I. I.

Current Directions of Victimological Prevention of Remote Theft 91

LUNIN D. N.

The Concept and Types of Antisocial Behavior 99

FESHCHENKO P. N.

Place and Role of Victimological Prevention
in Educational Institutions in the System of Measures to Ensure
National Security of the Russian Federation 109

CRIME PREVENTION

RESHNYAK M. G.

Anti-corruption: on the Issue of the Problems
of Protecting the Rights of Victims of Corruption Crimes 120

SCIENCE LIBRARY

BEGISHEV I. R., KHISAMOVA Z. I.

Artificial Intelligence and Criminal Law: monograph.
Moscow: Prospekt, 2021. 192p. (in Russ.) 127

INFORMATION FOR AUTHORS

Terms of manuscripts of articles
in the scientific journal VICTIMOLOGY 130

V ВИКТИМОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Научная статья
УДК 343.988
DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10901

Виктимологическое измерение криминальной смертности в Российской Федерации: анализ статистических показателей 2015–2020 гг.

Павел Александрович Кабанов
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), Казань, Россия
kabanovp@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2964-004X

Аннотация. В статье исследуется состояние и тенденции криминальной смертности в России в период с 2015 по 2020 годы с использованием материалов официальной ведомственной статистики МВД России. Описывается структура криминальной смертности по уголовно-правовому критерию путем деления её на два крупных вида: преступлений против жизни и здоровья и преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, определяющих состояние криминальной виктимности в стране. Отмечается общая тенденция снижения криминальной смертности в Российской Федерации в указанный период, невзирая на рост преступности, виктимности и общей смертности. Эта тенденция затрагивает и наиболее социально уязвимые слои населения — женщин и несовершеннолетних, снижая негативные последствия российской преступности.

Ключевые слова: виктимология, жертва, криминальная виктимность, криминальная смертность, женская криминальная смертность, детская криминальная смертность
Для цитирования: Кабанов П. А. Виктимологическое измерение криминальной смертности в Российской Федерации: анализ статистических показателей 2015–2020 гг. // Виктимология. 2022. Т. 9, № 1. С. 7–19. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10901

© П. А. Кабанов

Scientific article

The Victimological Dimension of Criminal Deaths in the Russian Federation: An Analysis of Statistical Indicators 2015-2020

Pavel A. Kabanov
V. G. Timiryazov Kazan Innovative University (IEUP), Kazan, Russia
kabanovp@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2964-004X

Abstract. The article examines the state and trends of criminal mortality in Russia in the period from 2015 to 2020, using the materials of the official departmental statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia. It describes the structure of criminal mortality according to the criminal law criteria by dividing it into two major types: crimes against life and health and crimes against traffic safety and operation of transport, which determine the state of criminal victimization in the country. There is a general downward trend in the criminal mortality in the Russian Federation during this period, despite the growth of crime, victimization and overall mortality. This trend also affects the most socially vulnerable segments of the population — women and minors, reducing the negative consequences of Russian crime.
Keywords: victimology, victim, criminal victimhood, criminal mortality, female criminal mortality, child criminal mortality
For citation: Kabanov P. A. The Victimological Dimension of Criminal Deaths in the Russian Federation: An Analysis of Statistical Indicators 2015-2020. *Viktimologiya* [Victimology]. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 7-19. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10901 (In Russ.)

Введение

Преступность — сложное и трудно измеряемое социальное явление. Среди специалистов вопросы её измерения длительное время остаются дискуссионными. Хотя исследования, посвященные измерению реального состояния преступности в России, уже длительное время проводятся, а их результаты публикуются [1; 2; 3, с. 178–195; 4, с. 33–35; 5, с. 170–181]. Уполномоченными на то органами власти разрабатываются и устанавливаются количественные и качественные показатели преступности, совершенствуется система учета преступлений, формируются статистические базы данных, способные более точно учитывать специфику преступного поведения в обществе, которые и далее нуждаются в совершенствовании [6, с. 67–79]. В числе значимых статистических данных, отражающих состояние преступности и её негативных последствий, выступает ведомственная криминальная виктимологическая статистика, формируемая правоохранительными органами, в том числе МВД России. Исследования негативных последствий в виде криминальной смертности проводились отечественными и зарубежными специалистами при оценке общей смертности в Российской Федерации, где криминальная смертность отмечалась лишь как один из видов смертности вне специального анализа проблемы [7, с. 383–388; 8, с. 239–261; 9, с. 312–317]. Отдельные зарубежные социологи также обращались к проблеме криминальной смертности, связывая её с другими социальными явлениями, например, мобильностью населения [10, с. 162–171].

Криминальная смертность как самостоятельный показатель невосполнимых потерь от преступности, невзирая на его важность и значимость в установлении «цены преступности» в современной криминологии, исследуется недостаточно. Имеются лишь небольшие по объему научные публикации, в которых отражаются отдельные аспекты этого социального феномена [11, с. 53–59; 12, с. 15–22; 13, с. 62–63; 14, с. 26–30], иногда обусловленные новыми

условиями жизни [15, с. 123–128]. При этом специалистами криминальная смертность исследуется, как правило, на основе официальной демографической и/или медицинской статистики [16, с. 2; 17, с. 14–23; 18, с. 31–38; 19; 20, с. 128–134], без привлечения данных ведомственной криминальной виктимологической статистики МВД России и/или Следственного комитета Российской Федерации. На наш взгляд, этот вид статистики относительно полно отражает реальные негативные последствия преступного поведения. Преимуществом ведомственной криминальной виктимологической статистки МВД России является то, что она позволяет более точно отражать не только общую криминальную смертность, но и видовую составляющую применительно к конкретным нормам российского уголовного законодательства (главам и статьям УК РФ). Это позволяет дополнительно классифицировать криминальную смертность по различным основаниям. Среди этих оснований выделяют:

— социально-демографические признаки жертвы: пол, возраст, социальный статус, состояние здоровья и т. д.,

— подвиды криминального насилия, применяемые к жертве: убийства, неосторожное причинение вреда здоровью, доведение до самоубийства, дорожно-транспортные происшествия и т. д.;

— сфера проявления криминальной смертности: в процессе прохождения военной и/или государственной службы, осуществления экономической деятельности и т. д. Как показывают проведенные нами предыдущие виктимолого-статистические исследования криминальной смертности в России [21, с. 48–53; 22] и её отдельных регионах [23, с. 108–126], они являются востребованными при оценке реального состояния российской преступности и её негативных последствий для современного российского государства и общества [24, с. 113–116; 25, с. 30–33]. Наши исследования были проведены в период с 2009 по 2014 годы, и эти начинания другие специалисты своими исследованиями не поддержали. Поэтому мы и решили провести данное исследование как тематическое продолжение предшествующих изысканий. В связи с этим представленное исследование обладает не только научной новизной, но и последовательностью. К тому же исследуемый нами период отличается разной направленностью тенденций преступности в Российской Федерации. Если в период с 2015 по 2018 годы динамично происходило ежегодное снижение преступности, то в 2019 (+1,6 %) [26, с. 3] и 2020 (+1,0 %) [27, с. 3] годах отмечены тенденции к росту зарегистрированных преступлений и закономерному росту количества учтенных потерпевших от преступлений. Более того, по данным Роскомстата, в 2020 году, на фоне продолжительного снижения резко возросла общая смертность в Российской Федерации, на 18,14 %. В связи с этим становится очевидным вопрос: как повлияло увеличение показателя учтённых преступлений, потерпевших и общий смертности в Российской Федерации на показатели криминальной смертности.

Объект исследования — общественные отношения, связанные с криминальной смертностью и её отдельными разновидностями (женской и детской криминальной смертностью).

Предмет исследования — тенденции криминальной смертности в Российской Федерации, специфика изменения её отдельных видов.

Цель исследования — виктимологическая оценка (виктимологический мониторинг) состояния и тенденций криминальной смертности в Российской Федерации за период 2015–2020 годов на основе ведомственной криминальной виктимологической статистики МВД России.

В качестве основных задач проведенного нами исследования выступили:

а) выявление основных тенденций криминальной смертности в Российской Федерации на основе базовых показателей (состояние, структура и динамика);

б) установление состояния криминальной смертности в Российской Федерации отдельных категорий потерпевших с повышенной уязвимостью или криминальной виктимностью — женщин и несовершеннолетних.

В качестве основных методов познания криминальной смертности в исследуемый

период в Российской Федерации мы использовали общепринятые в отечественной криминологии статистические методы: сводку, группировку и статистический анализ [28, с. 148–376]. Это позволило нам подготовить сводные таблицы с количественными показателями криминальной смертности в России в исследуемый период, проанализировать полученные статистические данные и интерпретировать полученные результаты.

Эмпирическая база исследования — статистические данные, отражающие статистический учет потерпевших от преступлений, предоставленные ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России», статистические данные Росстата, размещенные на официальном сайте в информационно-коммуникационной сети Интернет.

Территориальные и хронологические рамки исследования. Территориальные рамки исследования включают в себя территорию Российской Федерации, включая вошедшие в её состав в 2014 году город федерального значения Севастополь и Республику Крым. Хронологические рамки исследования затрагивают лишь период с 2015 по 2020 годы, хотя в отдельных случаях для достижения целей исследования и отражения тенденций будут использоваться и статистические данные (показатели) прошлых периодов.

Основные терминологические единицы криминологической виктимологии, используемые в работе

Криминальная виктимологическая статистика — совокупность официально собираемых уполномоченными на то государственными органами, обрабатываемых и хранящихся сведений о жертвах преступлений, а также направление юридической статистики, изучающее количественную сторону негативных последствий преступности в целях выявления её тенденций и закономерностей.

Криминальная смертность — статистический показатель, отражающий количество физических лиц, погибших от совершения преступлений, независимо от вида преступлений и формы вины лиц, их совершивших.

Женская криминальная смертность — статистический показатель, отражающий количество женщин, погибших от совершения преступлений.

Детская криминальная смертность — статистический показатель, отражающий количество лиц несовершеннолетнего возраста, погибших от совершения преступлений.

Состояние криминальной смертности — количественный признак последствий преступности, который представляет собой количество лиц, погибших от совершения преступлений за определенный период времени и на определенной территории.

Структура криминальной смертности — представляет собой качественную характеристику криминальной смертности, то есть указывает на то, из каких видов жертв преступлений она состоит.

Динамика криминальной смертности — показатель, отражающий изменение состояния, уровня и структуры криминальной смертности в течение определенного периода времени.

Процесс и результаты проведенного исследования

Смертность, в том числе и криминальная, является объектом исследования специалистов различных отраслей знания: медиков, демографов, социологов, психологов, философов и др. Но для них она является одной из разновидностей общей смертности, вызванной внешней причиной её наступления. При этом показатели смертности, в том числе и криминальной, находят своё отражение в официальной демографической либо медицинской статистике без указания на виды криминальной смертности. Даже в криминальной статистике состояния преступности, формируемой правоохранительными органами Российской Федерации, этому показателю уделяется немного места — указывается лишь общее количество погибших от преступлений за отчетный период, что не подчеркивает значение этого показателя в «цене преступности».

Проведенное нами исследование показало, что общее количество учтенных и отраженных в виктимологической статистике Российской Федерации криминальных

смертей за 2015–2020 гг. составило 162 396 единиц. Удельный вес криминальной смертности составил 1,86 от общего количества учтенных жертв из числа физических лиц. Показатель криминальной смертности в исследуемый период снизился по сравнению с предшествующим шестилетним периодом 2009–2014 гг. на 23 973 погибших от преступлений, или на 12,86 %. При этом в структуре учётных потерпевших от преступлений физических лиц в 2009–2014 гг. и в исследуемый нами период удельный вес криминальной смертности мало изменился. В предыдущий исследуемый период он составлял 1,83, или на 0,03 меньше, то есть в пределах арифметической погрешности.

По данным Роскомстата, в общей структуре смертности в Российской Федерации (а в исследуемый нами период она составила 11 377 377 человек[1]) удельный вес криминальной смертности составил 1,43. Минимальным стал показатель 2020 года, когда криминальная смертность составила 1,07 от общего количества зарегистрированных смертей.

В динамике показатель криминальной смертности в Российской Федерации в исследуемый период выглядит следующим образом: в 2015 г. было зарегистрировано и учтено 32 352 криминальных смертей потерпевших, в 2016 г. — 29 933, в 2017 г. — 27 330, в 2018 г. — 25 978, в 2019 г. — 24 030, в 2020 г. — 22 783. Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что в абсолютных показателях ежегодная криминальная смертность с 2015 г. по сравнению с показателями 2020 г. снизилась на 9569 единиц или на 29,6 %. При этом ежегодно отчетливо просматривалась тенденция к снижению этого показателя в абсолютных данных к базовому показателю 2015 г. Эта же тенденция отражается и процентном выражении: 2016 г. — 7,5 %; 2017 г. — 8,7 %; 2018 г. — 4,9 %; 2019 г. — 7,5 %; 2020 г. — 5,2 %. Следовательно, увеличение количества учтенных и зарегистрированных преступлений и их жертв в 2019 и 2020 годах, а также всплеск общий смертности в Российской Федерации в 2020 году не повлияли на тенденцию снижения криминальной смертности в России в исследуемый период.

Структура криминальной смертности в Российской Федерации достаточно полно отражена в статистической базе. Она распределена по главам Уголовного кодекса России и отдельно по некоторым видам преступлений и даже отдельным составам преступлений. Наибольшее количество смертей потерпевших приносят две группы преступлений: против жизни и здоровья и против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Эти группы преступлений в исследуемый период суммарно дали количественный показатель 153 891 смертей и составили 94,76 % в общей структуре криминальной смертности в России. Все остальные виды преступлений оказались менее смертоносными — на их долю приходится лишь 5,24 % в общей структуре криминальной смертности. Поэтому мы более подробно остановимся на статистическом анализе криминальной смертности именно от этих двух групп преступлений.

Наиболее смертоносными преступлениями в Российской Федерации является группа преступлений против жизни и здоровья. В исследуемый нами период было зафиксировано и учтено российскими правоохранительными органами 100 774 криминальных смертей от этого вида преступлений, что составило 62,05 % от их общего количества. При этом было учтено 49 048 смертей от убийств, предусмотренных статьями 105, 106, 107 УК РФ и 29 822 смертей от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ).

В структуре насильственной криминальной смертности от преступлений против жизни и здоровья смертность от убийств составила 48,67 %, в то время как в структуре общей криминальной смертности этот показатель составил 30,20 %. Криминальная смертность от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в общей структуре криминальной смертности от преступлений против жизни и здоровья, составила 29,59 %, а в структуре общей криминальной смертности 18,36 %. Проведенный нами краткий структурный

[1] Естественная убыль населения // Росстат : [сайт]. URL: https://rosinfostat.ru/estestvennaya-ubyl-naseleniya/#i-2 (дата обращения: 20.01.2022).

анализ статистических данных о потерпевших от преступлений свидетельствует о том, что криминальное насилие, за которое уголовная ответственность предусмотрена главой УК РФ о преступлениях против жизни и здоровья, является основным источником криминальной смертности в России.

Объективная оценка криминальной смертности от преступлений против жизни и здоровья невозможна без анализа статистических показателей в динамике. В динамике количественные показатели выглядят следующим образом: в 2015 г. было зарегистрировано и учтено 20 040 криминальных смертей от этого вида преступлений, в 2016 г. — 18 775, или на 6,3 % меньше, чем годом ранее, в 2017 г. — 16 854 или на 10,2 % меньше чем в предыдущем году, в 2018 г. — 15 941, или на 5,4 % ниже аналогичного показателя прошлого года, в 2019 г. — 1482, или на 7,0 % меньше прошлогоднего показателя, в 2020 г. — 14 343 — этот показатель стал меньше прошлогоднего на 3,2 %.

И так, мы видим, что произошло снижение криминальной смертности от преступлений против жизни и здоровья в исследуемый период — на 28,43 %. Общее снижение криминальной смертности от преступлений против жизни и здоровья было обусловлено снижением этого показателя от убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. В динамике эти показатели выглядели так. В 2015 году количество учтенных криминальных смертей от убийств составило 10 285 единицы, а криминальных смертей от причинения умышленного тяжкого вреда здоровью 6302. В 2016 г. эти показатели снизились до следующих значений: учтенных криминальных смертей от убийств до 9656 (–6,1 %), а криминальных смертей от причинения умышленного тяжкого вреда здоровью до 5929 (–5,9 %). В 2017 г. данные показатели снизились ещё соответственно до 8400 криминальных смертей от убийств (–13,0 %) и 4791 от причинения умышленного тяжкого вреда здоровью (–19,2 %). В 2018 г. криминальная смертность от убийств и причинения умышленного тяжкого вреда здоровью продолжала снижаться и достигла показателей 7318 (–12,9 %) и 4486 (–6,4 %). При этом снижение криминальной смертности от убийств происходило более заметными темпами, чем снижение криминальной смертности от причинения умышленного тяжкого вреда здоровью. В 2019 г. темпы снижения криминальной смертности снизились и достигли показателей 6873 (–6,1 %) и 4231 (–5,7 %). В 2020 г. темпы снижения криминальной смертности от убийств и причинения умышленного тяжкого вреда здоровью замедлились до минимума в исследуемый период и составили 6516 (–5,2 %) и 4083(–3,5 %) соответственно. Анализ статистических данных в динамике показывает, что в исследуемый период просматривается устойчивая тенденция к снижению криминальной смертности от убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. По отношению к базовому 2015 году она снизилась соответственно на 46,38 % и 35,21 %.

Особое место в числе основных показателей, характеризующих криминальную смертность в России, следует отнести смертность от совершения преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. На это обстоятельство указывают современные специалисты в области социальной демографии [29; 30, с. 151–176; 31, с. 101–108; 32, с. 46–54]. В общей структуре криминальной смертности в исследуемый период эта смертность составила 53 117 человек, а ее удельный вес 32,71. Она заняла второе место по степени криминальных потерь населения, после группы преступлений против жизни и здоровья.

Динамика криминальной смертности в Российской Федерации от совершения преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта в исследуемый период свидетельствует о снижении количественных показателей. В 2015 г. было зарегистрировано и учтено 10 986 криминальных смертей от совершения преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, а в 2016 г. уже 9506, то есть на 13,5 % меньше, чем в предыдущем году. В 2017 г. криминальная смертность от совершения преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта снизилась ещё на 5,2 % и составила 9014 погибших. В 2018 г. снижение

этого показателя продолжилось. В этом году было учтено 8676 криминальных смертей, или на 3,7 % меньше, чем годом ранее. В 2019 г. криминальная смертность от совершения преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта составила 7819 человек и сократилась ещё на 9,9 %.

В 2020 г. тенденция снижения криминальной смертности от совершения преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта сохранилась и достигла абсолютного показателя в 7116 погибших, или на 9,0 % меньше аналогичного показателя прошлого года. Анализ статистических данных в динамике показал устойчивую тенденцию снижения криминальной смертности от совершения преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта на протяжении всего исследуемого периода. По отношению к базовому 2015 г., в 2020 г. этот показатель снизился на 35,23 %. Снижение данного показателя в исследуемый период произошло за счет уменьшения количества криминальных смертей, вызванных нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ).

Криминальная смертность от преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, в общей структуре криминальной смертности от совершения преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта в указанный период составляет 52 525 погибших, а удельный вес 98,9. В исследуемый период криминальных смертей от этого вида преступлений было зарегистрировано: в 2015 г. — 10 887, 2016 г. — 9401, 2017 г. — 8952, 2018 г. — 8609, 2019 г. — 7676, 2020 г. — 7000. Динамика криминальной смертности от преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, показывает снижение этого показателя в исследуемый период на 35,7 %.

Показатель криминальной смертности имеет свои разновидности, которые дополнительно подчеркивают его общественную опасность и социальную вредность — это криминальная смертность наименее защищенных или криминально уязвимых социальных групп, иногда именуемых «группами с повышенной криминальной виктимностью». К этой категории жертв преступлений относят различные социальные группы, в том числе женщин и детей. Степень их защищенности от криминальных угроз может являться одним из показателей цивилизованности российского государства и общества. Поэтому для оценки «цены преступности» в числе важнейших показателей должны отражаться «детская криминальная смертность» и «женская криминальная смертность», на которые мы обращали свое внимание в предыдущих своих исследованиях [33, с. 76–80; 34, с. 13–26].

В общей структуре физических лиц, погибших от преступлений в исследуемый период, на данную категорию приходилось 65 191 учтенных жертв, или 40,14 % от их общего количества. При этом среди этой категории жертв были учтено 15 180 человек, или 9,35 %, не доживших до своего совершеннолетия, и 50 011, или 30,79 %, женщин различных возрастов, погибших от преступлений.

В динамике эти показатели выглядели по-разному. Количественные показатели детской криминальной смертности в Российской Федерации имели разнонаправленные колебания. В 2015 г. было зарегистрировано 2792 детских смертей от преступлений, в 2016 г. — 2443, или на 12,5 % меньше, чем в предыдущем году. Эта позитивная тенденция не нашла своего продолжения в 2017 и 2018 гг. В 2017 г. детская криминальная смертность составила 2612, больше на 6,9 %, чем годом ранее, а в 2018 г. уже 2750, или больше на 5,3 %, чем в предыдущем году и на 11,2 % больше, чем в 2016 г. В течение двух последующих годов тенденция стала более благоприятной, произошло снижение детской криминальной смертности в абсолютных показателях. В 2019 г. было поставлено на учет 2329 детских криминальных смертей, или на 15,3 % меньше, чем в предыдущем году, а в 2020 году — 2254, или на 3,2 % меньше, чем годом ранее и на 18,04 % меньше, чем в 2018 г. Учитывая разнонаправленность данного показателя для отражения его тенденций можно применить метод укрупнения

интервалов. В такие интервалы можно объединить показатели детской криминальной смертности с 2015 по 2017 гг. и с 2018 по 2020 гг. В результате такого объединения оказалось, что среднее значение детской криминальной смертности в первом периоде составило 7847 погибших, а во втором — 7333, или на 514 (6,55 %) меньше, что в динамике показывает тенденцию снижения детской криминальной смертности в исследуемый период.

В общей структуре лиц несовершеннолетнего возраста, пострадавших от преступлений, уровень детской криминальной смертности в 2015 г. составил 2,72 %, в 2016 г. — 3,10 %, в 2017 г. — 2,48 %, в 2018 г. — 2,58 %, в 2019 г. — 2,17 %, в 2020 г. — 2,38 %. Колебания этого показателя незначительны. Доля детской криминальной смертности среди лиц несовершеннолетнего возраста, потерпевших от преступлений, не велика.

Проведенное статистическое исследование показывает, что, несмотря на разнонаправленные количественные и качественные показатели детской криминальной смертности, в России отмечается тенденция к снижению этого показателя.

Количественные показатели женской криминальной смертности в Российской Федерации в исследуемый период выглядят следующим образом: в 2015 г. учтено 9802 криминальных смертей женщин, в 2016 г. — 9149, в 2017 г. — 8502, в 2018 г. — 8274, в 2019 г. — 7504, в 2020 г. — 6780. Здесь следует отметить позитивную тенденцию ежегодного снижения женской криминальной смертности. В 2016 году по сравнению с предыдущим годом криминальная смертность этой категории потерпевших снизилась на 6,7 %, в 2017 г. на 7,1 %, в 2018 г. на 2,7 %, в 2019 на 9,3 %, в 2020 на 9,6 %. Динамика изменений женской криминальной смертности в исследуемый период в России свидетельствует о том, она последовательно снижалась, а 2020 г. она, по сравнению с 2015 г., снизилась на 30,83 %.

В общей структуре женщин, пострадавших от преступлений, удельный вес женской криминальной смертности составил: в 2015 г. — 1,22, в 2016 г. — 1,25, в 2017 г. — 1,31, в 2018 г. — 1,35, в 2019 г. — 1,17, в 2020 г. — 1,01. Этот показатель женской криминальной смертности остается стабильно невысоким, а последние два года имеет тенденцию к уменьшению.

Анализ количественных и качественных показателей женской криминальной смертности в Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что в исследуемый период имеется устойчивая тенденция к снижению женской смертности от преступных посягательств, невзирая на неблагоприятные условия: рост в 2019 и 2020 гг. общего количества учтенных женщин-жертв преступлений, вызванных ростом преступности и виктимности, а также общей смертности в 2020 г.

Выводы по результатам проведенного исследования

Проведенное нами статистическое исследование криминальной смертности в Российской Федерации в 2015–2020 гг., на основе ведомственной виктимологической статистики МВД России и общей статистики Росстата, позволяет сделать некоторые общие выводы.

Во-первых, в период с 2015 по 2020 гг. изменения в состоянии преступности и виктимности населения Российской Федерации, в том числе рост преступности и виктимности в 2019–2020 гг., а также всплеск общей смертности в 2020 г. не повлияли существенным образом на состояние криминальной смертности потерпевших от преступлений. Криминальная смертность снизилась на 29,6 %. Это свидетельствует о смягчении характера негативных последствий преступности, а также о снижении её «цены» для государства и общества.

Во-вторых, в структуре криминальной смертности в Российской Федерации отчетливо просматриваются две группы преступлений, совершение которых существенно влияют на этот показатель — это преступления против жизни и здоровья и преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Криминальная смертность от этих групп преступлений имеет тенденцию к сокращению, при этом темпы снижения разные. Если для преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта снижение

произошло на 35,23 %, то преступлениям против жизни и здоровья лишь на 29,6 %.

В-третьих, тенденция снижения криминальной смертности в Российской Федерации в исследуемый период отразилась на показателях женской и детской криминальной смертности. При этом женская криминальная смертность снизилась на 30,83 %, а детская на 6,55 %.

В-четвертых, выявленные нами тенденции криминальной смертности лишь дают её общую характеристику, а для объяснения причин таких изменений необходимо дальнейшее исследование этого феномена с использованием не только официальной статистической информации, но и других источников и методов познания.

Список источников

1. Конев А. А. Преступность и проблемы измерения её реального состояния : дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 1993. 449 с.

2. Конев А. А. Преступность в России и ее реальное состояние : монография. Н. Новгород: Гос. фирма «Сэтрик», 1993. 324 с.

3. Сердюк П. Измерение преступности в относительных величинах // Право и жизнь. 2012. № 168. С. 178–195.

4. Скифский И. С. Криминологическое измерение реальных масштабов насильственной преступности // Российский следователь. 2010. № 20. С. 33–35.

5. Тимошенко Ю. А. Криминологическое измерение экологической преступности // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5, № 4 (17). С. 170–181.

6. Гирько С. И. Проблемы регистрации и учета пенитенциарных преступлений в Российской Федерации // Современный юрист. 2021. № 3 (36). С. 67–79.

7. Leon D., Chenet L., Shkolnikov V. M., Zakharov S., Shapiro J., Rakhmanova G., et al. Huge variation in Russian mortality rates 1984–1994: artefact, alcohol, or what? // Lancet 1997. No. 350. P. 383–388.

8. Bobadilla J.L., Costello C.A., Mitchell F., Shkolnikov V.M., Nemtsov A. The anti-alcohol campaign and variations in Russian mortality. In: Bobadilla JL, Costello CA, Mitchell F, eds. Premature death in the New Independent States. Washington: National Academy Press, 1997. Pp. 239–261.

9. Walberg P., McKee M., Shkolnikov V., Chenet L., Leon D.A. Economic change, crime, and mortality crisis in Russia: regional analysis BMJ 1998. Pp. 312–317. DOI: 10.1136/bmj.317.7154.312

10. Robins L.N., O'Neal P. Mortality, Mobility, and Crime: Problem Children Thirty Years Later // American Sociological Review. 1958. Vol. 23. No. 2. P. 162–171. DOI: 10.2307/2089000

11. Михайличенко А. А. Криминальная смертность в России и проблемы обеспечения криминологической безопасности // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с преступностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе: сборник материалов международной научно-практической конференции, 17–18 мая 2007 г. Хабаровск, 2007. С. 53–59.

12. Ким Е. П., Михайличенко А. А. Состояние и структура криминальной смертности в России и некоторые проблемы её предупреждения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2007. № 3-4. С. 15–22.

13. Лебедев А. С. Криминальная смертность в России // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 3. С. 62–63.

14. Стешич Е. С. Факторы, влияющие на оценку уровня криминальной смертности // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Международной научно-практической конференции (Краснодар, 15 сентября 2017 года). Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. С. 26–30.

15. Стешич Е. С. Методика исследования криминальной смертности в условиях пандемии // Философия права. 2020. № 4 (95). С. 123–128.

16. Семенова В. Г., Антонова О. И. Достоверность статистики смертности (на примере смертности от травм и отравлений в Москве) // Социальные аспекты здоровья населения. 2007. № 2 (2). С. 2.

17. Семенова В. Г., Дубровина Е. В., Гаврилова Н. С. и др. Оценки реальных уровней насильственной смертности в России // Общественное здоровье и профилактика заболеваний. 2005. № 3. С. 14–23.

18. Вайсман Д. А., Дубровина Е. В., Редько А. Н. Информационное обеспечение исследований по проблемам смертности в России //Общественное здоровье и профилактика заболеваний. 2006. № 6. С. 31–38.

19. Дубровина Е. В. Медико-социальная трансформация травматической смертности в период экономических реформ (на примере Кировской области) : дис. … канд. мед. наук. М., 2005. 219 с.

20. Кучмаева О. В., Пеньковская Т. С. Статистический анализ смертности в Республике Саха (Якутия) // Экономические науки. 2006. № 22. С. 128–134.

21. Кабанов П. А. Виктимологическое измерение криминальной смертности в современной России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 1 (36). С. 48–53.

22. Hairutdinova L., Kabanov P. Children's Criminal Mortality in Modern Russia: Victim Measurement // SSRN Electronic Journal. 2015. DOI: https://ssrn.com/abstract=2623450 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2623450

23. Кабанов П. А. Виктимологическое измерение криминальной смертности в Республике Татарстан: анализ статистических показателей 2009–2013 гг. // Полицейская и следственная деятельность. 2015. № 1. С. 108–126. DOI: 10.7256/2409-7810.2015.1.14137

24. Аблиязова Е. Б. Уголовная статистика как источник информации о профилактике преступлений, совершаемых в отношении мигрантов // Право и государство: теория и практика. 2019. № 6 (174). С. 113–116.

25. Афанасьев П. Б. Виктимологический анализ состояния преступности // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 3. С. 30–33.

26. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. Москва: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2020. 66 с.

27. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. Москва: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2021. 66 с.

28. Лунеев В. В. Юридическая статистика : учебник. — 2–е изд., перераб. и доп., с изм. М., 2007. 392 с.

29. Аксенова Е. И., Иванова А. Е., Семенова В. Г., Евдокушкина Г. Н., Кочкина Е. В., Зайко Е. С. Смертность от ДТП в Москве. Москва: Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, 2019. 14 с.

30. Пьянкова А. И., Фаттахов Т. А., Баканов К. С., Юрасова Е. Д. Смертность от дорожно-транспортных происшествий в Москве: анализ связанных данных полиции и государственного статистического учета умерших // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 1. С. 151–176.

31. Семенова В. Г., Боровков В. Н., Хрупалов А. А., Сорокин Г. В., Боровков Н. В. Дорожно-транспортный травматизм как комплексная медико-социальная проблема потерь здоровья населения России // Травматология и ортопедия России. 2011. № 3. С. 101–108.

32. Kudryavtsev A. V., Kleshchinov N., Ermolina M., Lund J., Grjibovski A. M., Nilssen O., Ytterstad B. Road traffic fatalities in Arkhangelsk, Russia in 2005–2010: reliability of police and healthcare data // Accident Analysis and Prevention. 2013. № 53. С. 46–54.

33. Кабанов П. А. Виктимологическое измерение детской криминальной смертности в России: анализ статистических показателей 2009–2015 гг. // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 9. С. 76–80.

34. Кабанов П. А. Женская криминальная смертность в современной России: виктимологическое измерение статистических показателей 2009–2014 гг. // Юридические исследования. 2015. № 10. С. 13–23. DOI: 10.7256/2409-7136.2015.10.1625

References

1. Konev AA. *Crime and the Problems of Measuring its Real State*. [dissertation]. Moscow, 1993. (In Russ.)

2. Konev AA. *Crime in Russia and its real state*: monograph. N. Novgorod: Gos. firm "Satrick", 1993. (In Russ.)

3. Serdyuk P. Measuring Crime in Relative Values. *Pravo i zhizn'* [Law and Life]. 2012. № 168. C. 178-195. (In Russ.)

4. Skifsky IS. Criminological measurement of the real scale of violent crime. *Rossijskij sledovatel'* [Russian investigator]. 2010;(20):33–35. (In Russ.)

5. Timoshenko YuA. Criminological dimension of environmental crime. *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij* [Russian Journal of Legal Studies]. 2018;5(4) (17):170–181. (In Russ.)

6. Girko SI. Problems of registration and accounting of penitentiary crimes in the Russian Federation. *Sovremennyj yurist* [Modern Lawyer]. 2021;(3):67–79. (In Russ.)

7. Leon D, Chenet L, Shkolnikov VM, Zakharov S, Shapiro J, Rakhmanova G, et al. Huge variation in Russian mortality rates 1984–1994: artefact, alcohol, or what? *Lancet.* 1997;350:383–388.

8. Bobadilla JL, Costello CA, Mitchell F, Shkolnikov VM, Nemtsov A. The anti-alcohol campaign and variations in Russian mortality. In: Bobadilla JL, Costello CA, Mitchell F, eds. *Premature death in the New Independent States*. Washington: National Academy Press, 1997:239–261.

9. Walberg P, McKee M, Shkolnikov V, Chenet L, Leon D A. *Economic change, crime, and mortality crisis in Russia: regional analysis BMJ*. 1998;312–317. DOI: 10.1136/bmj.317.7154.312

10. Robins LN, O'Neal P. Mortality, Mobility, and Crime: Problem Children Thirty Years Later. *American Sociological Review*. 1958;23(2):162–171. DOI: 10.2307/2089000.

11. Mikhajlichenko AA. Criminal mortality in Russia and the problems of providing criminological safety. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki bor'by s prestupnost'yu v Aziatsko-Tihookeanskom regione* [Actual problems of the theory and practice of struggle against crime in the Asian-Pacific region]. Proceedings of the International scientific conference, 2007 May 17–18. Khabarovsk, 2007:53–59. (In Russ.)

12. Kim EP, Mikhailichenko AA. State and structure of criminal mortality in Russia and some problems of its prevention. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminological Journal of Baikal State University of Economics and Law]. 2007;(3–4):15–22. (In Russ.)

13. Lebedev AS. Criminal mortality in Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2008;(3):62–63. (In Russ.)

14. Steshich ES. Factors influencing the assessment of the level of criminal mortality. *Ugolovnaya politika i kul'tura protivodejstviya prestupnosti* [Criminal policy and culture of counteraction to crime]: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference (2017 September 15). Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017:26–30. (In Russ.)

15. Steshich ES. Methodology for the study of criminal mortality in pandemic conditions. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. 2020;(4):123-128. (In Russ.)

16. Semenova VG, Antonova OI. Reliability of mortality statistics (by the example of mortality from injuries and poisonings in Moscow). *Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social aspects of public health]. 2007;(2):2. (In Russ.)

17. Semenova VG, Dubrovina EV, Gavrilova NS et al. Estimates of Real Levels of Violent Deaths in Russia. *Obshchestvennoe zdorov'e i profilaktika zabolevanij* [Public Health and Disease Prevention]. 2005;(3):14–23. (In Russ.)

18. Vaisman DA, Dubrovina EV, Redko AN. Information support for research on mortality in Russia. *Obshchestvennoe zdorov'e i profilaktika zabolevanij* [Public health and disease prevention]. 2006;(6):31–38.

19. Dubrovina EV. *Medico-social transformation of traumatic mortality in the period of economic reforms (at the example of the Kirov region).* [dissertation]. Moscow, 2005. (In Russ.)

20. Kuchmaeva OV, Penkovskaya TS. Statistical Analysis of Death Rate in the Republic of Sakha (Yakutia). *Ekonomicheskie nauki* [Economics]. 2006;(22):128–134. (In Russ.)

21. Kabanov PA. Victimological measurement of criminal mortality in modern Russia. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow]. 2015;(1):48–53. (In Russ.)

22. Hairutdinova L, Kabanov P. Children's Criminal Mortality in Modern Russia: Victim Measurement. *SSRN Electronic Journal*. 2015. DOI: https://ssrn.com/abstract=2623450 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2623450

23. Kabanov PA. Victimological Measurement of Criminal Mortality in the Republic of Tatarstan: Analysis of Statistical Indicators 2009–2013. *Policejskaya i sledstvennaya deyatel'nost'* [Police and Investigative Activities]. 2015;(1):108–126. DOI: 10.7256/2409-7810.2015.1.14137. (In Russ.)

24. Ablyazova EB. Criminal statistics as a source of information on the prevention of crimes committed against migrants. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice]. 2019;(6):113–116. (In Russ.)

25. Afanasyev PB. Victimological analysis of the state of crime. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami* [Actual issues of combating crime]. 2017;(3):30–33. (In Russ.)

26. *State of Crime in Russia for January-December*. 2019. Moscow, 2020. (In Russ.)

27. *State of Crime in Russia for January-December*. 2020. Moscow, 2021. (In Russ.)

28. Luneev VV. *Legal statistics*: textbook.—2nd ed., revised and supplemented, with modifications. Moscow, 2007. (In Russ.)

29. Aksenova EI, Ivanova AE, Semenova VG, Evdokushkina GN, Kochkina EV, Zaiko ES. *Mortality from traffic accidents in Moscow*. Moscow: Research Institute of Health Organization and Medical Management of the Department of Health of the City of Moscow, 2019. (In Russ.)

30. Pyankova AI, Fattakhov TA, Bakanov KS, Yurasova ED. Death rate from traffic accidents in Moscow: analysis of related data from the police and state statistical records of the dead. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. 2019;6(1):151–176. (In Russ.)

31. Semenova VG, Borovkov VN, Khrupalov AA, Sorokin GV, Borovkov NV. Road traffic injuries as a complex medico-social problem of health losses in Russia. *Travmatologiya i ortopediya Rossii* [Traumatology and Orthopedics of Russia]. 2011;(3):101–108. (In Russ.)

32. Kudryavtsev AV, Kleshchinov N, Ermolina M, Lund J, Grjibovski AM, Nilssen O, Ytterstad B. Road traffic fatalities in Arkhangelsk, Russia in 2005-2010: reliability of police and healthcare data. *Accident Analysis and Prevention*. 2013;(53):46–54.

33. Kabanov PA. Victimological measurement of child criminal mortality in Russia: analysis of statistical indicators 2009–2015. *Vestnik Nizhegorodskoj pravovoj akademii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of Law]. 2016;(9):76–80. (In Russ.)

34. Kabanov PA. Women's criminal mortality in modern Russia: victimological measurement of statistical indicators 2009–2014. *Yuridicheskie issledovaniya* [Legal Studies]. 2015;(10):13–23. DOI: 10.7256/2409-7136.2015.10.1625 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кабанов Павел Александрович доктор юридических наук, доцент; профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП).

420111, Казань, ул. Московская, д. 42.
kabanovp@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2964-004X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel A. Kabanov Doctor of Law Science, Associate Professor, Professor of Criminal Law and the University of Kazan innovation process them. V.G. Timiryasova.

42 Moskovskaya st., Kazan 420111, Russia.
kabanovp@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2964-004X

Дата поступления статьи / Received: 05.02.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.02.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.03.2022.

V

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10902

Причины и условия, способствующие совершению террористических преступлений в период проведения массовых мероприятий

Гончаров Денис Юрьевич
Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия
goncharov_d@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3347-2533

Аннотация. Реализация государственной политики в сфере экономики, развития правовой грамотности и правосознания граждан, культуры и спорта в России с богатым опытом межнационального единства, межконфессионального диалога и статусом одной из самых спортивных стран мира[1], представляется фикцией без проведения на ее территории публичных массовых, культурных, религиозных, спортивных и зрелищных мероприятий. Массовые мероприятия, с одной стороны, наряду с другими задачами, способствуют реализации основных задач культуры и спорта, связанных с укреплением духовных ценностей общества, идей толерантности, пропагандой культурных и духовных ценностей, популяризацией массового спорта, включая пропаганду здорового образа жизни. С другой стороны, к сожалению, места проведения массовых мероприятий становятся удобной площадкой для совершения террористических преступлений, вызывая широкий общественный резонанс. Эффективное и адекватное реагирование на террористические преступления, так называемые «преступления террористического характера», совершаемые в период проведения массовых мероприятий немыслимо без глубокого и комплексного анализа причин и условий, способствующих их совершению. Научное обоснование причин и условий, способствующих совершению террористических преступлений во время массовых мероприятий, послужит повышению эффективности органов внутренних дел в вопросах предупреждения указанных преступлений, что напрямую будет способствовать росту доверия к органам внутренних дел и поступательному развитию Российской Федерации.

Ключевые слова: массовые мероприятия; терроризм; террористические преступления; преступления террористического характера; причины и условия, способствующие совершению террористических преступлений

Для цитирования: Гончаров Д. Ю. Причины и условия, способствующие совершению террористических преступлений в период проведения массовых мероприятий // Виктимология. 2022. Т. 9, № 1. С. 20–25. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10902

[1] Рейтинг самых спортивных стран в мире. Считали в том числе результаты на соревнованиях // Чемпионат.com : [сайт]. URL: https://www.championat.com/lifestyle/article-4226349-5-samyh-sportivnyh-strany-mira-mirovoj-rejting-samyh-sportivnyh-derzhav.html?utm_source=copypaste (дата обращения: 01.12.2021).

© Д. Ю. Гончаров

Scientific article

Reasons and Conditions Conducive to the Commission of Terrorist Crimes During the Period of Mass Events

Denis Yu. Goncharov
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation
goncharov_d@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3347-2533

Abstract. The implementation of state policy in the field of economy, the development of legal literacy and legal awareness of citizens, culture and sports in Russia with a rich experience of interethnic unity, interfaith dialogue and the status of one of the most sporting countries in the world, is a fiction without holding public mass, cultural, religious, sports and entertainment events on its territory. Mass events, on the one hand, along with other tasks, contribute to the implementation of the main tasks of culture and sports related to the strengthening of the spiritual values of society, the ideas of tolerance, the promotion of cultural and spiritual values, the popularization of mass sports, including the promotion of a healthy lifestyle. On the other hand, unfortunately, the venues of mass events are becoming a convenient platform for committing terrorist crimes, causing a wide public response. An effective and adequate response to terrorist crimes, the so-called "crimes of a terrorist nature" committed during mass events is unthinkable without a deep and comprehensive analysis of the causes and conditions that contribute to their commission. The scientific substantiation of the causes and conditions that contribute to the commission of terrorist crimes during mass events will serve to increase the effectiveness of the internal affairs bodies in preventing these crimes, which will directly contribute to the growth of confidence in the internal affairs bodies and the progressive development of the Russian Federation.

Keywords: mass events; terrorism; terrorist crimes; crimes of a terrorist nature, reasons and conditions conducive to crime

For citation: Goncharov D. Yu. Reasons and Conditions Conducive to the Commission of Terrorist Crimes During the Period of Mass Events. *Viktimologiya* [Victimology]. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 20-25. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10902 (In Russ.)

Введение

Реализация государственной политики в сфере экономики, развития правовой грамотности и правосознания граждан, культуры и спорта в России с богатым опытом межнационального единства, межконфессионального диалога и статусом одной из самых спортивных стран мира, представляется фикцией без проведения на ее территории публичных массовых, культурных, религиозных, спортивных и зрелищных мероприятий[1]. Массовые мероприятия, с одной стороны, наряду с другими задачами, способствуют реализации основных задач культуры и спорта, связанных

[1] В настоящей статье под массовыми мероприятиями следует понимать публичные массовые, массовые культурные, религиозные, спортивные и зрелищные мероприятия. В действующем федеральном законодательстве Российской Федерации нет легального понятия массового мероприятия с обозначением критериев количественного и качественного характера. В широком смысле под массовыми мероприятиями мы подразумеваем, все массовые публичные, массовые спортивно-зрелищные, массовые культурно-зрелищные, религиозные и иные мероприятия с участием неограниченного количество участников, независимо от того, согласовано оно с органами государственной власти или органами местного самоуправления или нет (протестные мероприятия, акции протеста, стихийные массовые мероприятия). В узком смысле в настоящей статье под массовыми мероприятиями следует подразумевать все массовые мероприятия, регламентированные в установленном порядке и согласованные с органами государственной власти и органами местного самоуправления.

с укреплением духовных ценностей общества, идей толерантности, пропагандой культурных и духовных ценностей, популяризацией массового спорта, включая пропаганду здорового образа жизни. С другой стороны, к сожалению, места проведения массовых мероприятий становятся удобной площадкой для совершения террористических преступлений, вызывая широкий общественный резонанс.

Необходимо отметить, что в современных демократических государствах, в том числе и в России, вопросы обеспечения безопасности и охраны общественного порядка в период проведения массовых мероприятий, особенно в дни государственных и религиозных праздников, были и остаются приоритетными, прежде всего для правоохранительных органов России. Так на заседании коллегии МВД России Президент России В. В. Путин отметил, что «*самого серьезного внимания требует обеспечение безопасности в местах массового пребывания граждан, особенно в период проведения масштабных мероприятий*»[1].

Описание исследования

В современной научной литературе социологами, политологами, криминологами с разных ракурсов дается анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений террористического характера. Несмотря на большое количество научных исследований, посвященных обозначенной научной проблеме [1; 2 и др.], анализ и освещение причин и условий, способствующих совершению террористических преступлений, так называемых детерминант преступлений, совершаемых в период проведения массовых мероприятий, не получили должного освещения в современной научной литературе, что не может не сказаться на эффективности борьбы с этим негативным общественным явлением.

В современной отечественной криминологии проблемы причины преступлений наряду с предупреждением преступлений ни столько не потеряли свою значимость и актуальность, сколько требуют дальнейшей разработки и напрямую зависят от уголовной политики государства, особенно, когда речь идет о криминализации новых деяний. Известный отечественный ученый-криминолог И. Я. Козаченко отмечает, что «изучение преступности во всем ее многообразии, ее форм, причин и условий, показателей, характеристик и последствий необходимо для противостояния этому явлению и выработке эффективных путей и методов его профилактики, сокращения и сдерживания» [3, с. 5]. Сказанное в полной мере относится к детерминантам террористических преступлений, совершаемых в период проведения различных массовых мероприятий.

Разделение обстоятельств в криминологии, характеризующих причинный комплекс, на общие и специальные, является достаточно условным. Применительно к террористическим преступлениям, совершаемым при проведении массовых мероприятий, мы остановимся на наиболее значимых, по нашему мнению, детерминантах, не получивших должного обоснования в современной юридической литературе.

Нельзя не признать, что объективные процессы расслоения общества в современной России накладывают свой отпечаток и на детерминацию преступности в целом, террористические преступления, совершаемые при проведении массовых мероприятий, в частности. По мнению известного отечественного криминолога В. В. Лунеева главными детерминантами преступности всегда были и остаются социально-экономические причины [4, с. 933]. «Бедное общество бедно и духовно, что является одной из главных причин…высокого уровня безнравственности и преступности», — отмечает и Ю. М. Антонян [5, с. 141–144]. В нашем государстве фактически существуют «две России» — «страна богатых» и «страна бедных». Подобные тенденции наблюдаются практически в любом регионе России, где разрыв между доходами представителей крупного бизнеса и простых граждан значительно растет, причем из года в год. Такое социальное расслоение общества ведёт к повышению агрессивности, негатива и озлобленности бедных

[1] Путин призвал силовиков обезопасить граждан во время празднования юбилея Победы // 5 канал : [сайт]. URL: https://www.5-tv.ru/news/285770/putin-prizval-policiu-obezopasit-grazdan-vovrema-prazdnovania-ubilea-pobedy/ (дата обращения: 26.12.2021).

слоёв населения по отношению к более обеспеченным слоям [5].

Одним из главных негативных факторов, связанных с подготовкой и проведением массовых мероприятий являются криминальные интересы так называемых «спящих ячеек», контролируемых террористическими и экстремистскими организациями, запрещенными на территории Российской Федерации. Очевидно, в дни проведения праздников в любых крупных городах России проводятся массовые мероприятия на конкретных территориях, площадях, скверах с участием большого количества граждан, которое следует различать от мест массового скопления людей. При этом организаторы и исполнители террористических преступлений нацелены на совершение последних именно в специальных местах проведения массовых мероприятий, причем в дни их проведения, в период праздников, что значительно повышает общественную опасность указанных преступлений. Так, В. В. Путин, комментируя террористический акт, совершенный 9 Мая 2002 года на специальном месте проведения массового мероприятия — центральной площади города Каспийска отметил: «Это преступление совершили подонки, для которых нет ничего святого. И у нас есть полное право относиться к ним так же, как к нацистам, единственная цель которых — нести смерть, сеять страх, убивать, — сказал он»[1].

Любое террористическое преступление особенно в период массовых мероприятий, получает широкий общественный резонанс, сопровождающийся критикой деятельности правоохранительных органов, психологическим шоком населения. Достаточно привести следующие примеры совершения преступлений террористического характера во время массовых публичных, культурно-зрелищных и религиозных мероприятий: террористические акты 9 мая 2002 г. (г. Каспийск), 09 мая 2004 г. (г. Грозный); 3 сентября 2004 г. (г. Беслан); 8 июня 2018 г. в ходе спецоперации в Назрани были уничтожены боевики, которые планировали совершить теракты во время празднования Ураза-байрам[2].

Сложившаяся ситуация крайне негативно влияет на эффективность развития культуры, укрепление межнационального единства и межконфессионального согласия, сохранение памяти этноса о Дне Победы и иных памятных датах истории России и религиозных праздниках, которая во многом зависит от состояния его защищенности от различных угроз противоправного характера. Они дестабилизируют процесс достижения основной цели публичного мероприятия[3], которая заключается в свободном выражении и формировании мнений, выдвижении требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики или информировании избирателей о своей деятельности при встрече депутата законодательного (представительного) органа государственной власти, депутата представительного органа муниципального образования с избирателями.

Как показала практика, не все массовые мероприятия достигали своих законных целей, а напротив, превращались в массовые протестные акции, становясь удобной площадкой для ее использования деструктивными силами в преступных целях. К примеру, началом событий, произошедших в 2014 г. на Украине, так называемой «оранжевой революции» послужили проведенные несогласованные массовые мероприятия, получившие в народе название «Евромайдан». Протестные акции, по мнению отдельных экспертов и политиков, рассматриваются как «зародыши революций»[4]. По мнению Президента РФ В. В. Путина «протестные акции — нормальное явление

[1] Этот День победы порохом пропах // Lenta.RU : [сайт]. URL: https://lenta.ru/articles/2002/05/09/teract/ (дата обращения: 08.06.2021).

[2] Уничтоженные в Назрани боевики готовили теракт на Ураза-байрам // Версия : [сайт]. URL: https://kavkaz.versia.ru/unichtozhennye-v-nazrani-boeviki-gotovili-terakt-na-uraza-bajram (дата обращения: 18.12.2021)

[3] О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях : Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // СПС «Консультант Плюс (дата обращения: 18.12.2021).

[4] Генерал ФСБ объяснил беспомощность Кремля перед протестами в Хабаровске // NEWS.ru : [сайт]. URL: https://news.ru/politics/general-fsb-obyasnil-bespomoshnost-kremlya-v-dele-furgala/ (дата обращения: 18.12.2021).

демократического общества, но любые формы протеста должны оставаться в рамках закона»[1]. Очевидно, для России, пережившей революции и государственный переворот в двадцатом веке, «цветные революции» и их инициирование деструктивными силами в российской обществе крайне опасны и могут представлять потенциальную угрозу безопасности. Так, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации инспирирование «цветных революций»[2] отнесено к угрозам государственной и общественной безопасности России.

Следует отметить, что в настоящее время в действующем Уголовном кодексе РФ нет понятия «террористические преступления»[3]. Имеется официальное понятие «преступления террористической направленности» в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1[4] и встречается в ведомственной статистике Генеральной прокуратуры РФ и МВД России схожее понятие «преступления террористического характера». Как справедливо отмечает С. К. Бадамшин, перечень таких преступлений выводится из содержания статей 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.6 УК РФ и в настоящее время не закрыт [6]. Таким образом, перечень преступлений террористического характера может быть расширен по усмотрению законодателя.

Нельзя не отметить также общие для всех видов преступности, включая террористических преступлений, проблемы в организации деятельности органов внутренних дел, на которых возложены обязанности по охране общественного порядка в период проведения массовых мероприятий, как низкий уровень технической оснащенности подразделений полиции, отток квалифицированных специалистов, и общий некомплект личного состава, большая загруженность работой, зачастую не позволяющая на высоком уровне выполнять обязанности по обеспечению охраны общественного порядка на специальных местах проведения массовых мероприятий во время их проведения.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что эффективное и адекватное реагирование на террористические преступления, так называемые «преступления террористического характера», совершаемые в период проведения массовых мероприятий немыслимо без глубокого и комплексного анализа причин и условий, способствующих их совершению.

Безусловно, перечисленные детерминанты террористических преступлений в период проведения массовых мероприятий занимают далеко не последнее место в системе детерминант, наряду с социально-экономическими, политическими и идеологическими. В свою очередь, построенная система позволяет осуществлять на ее основе целенаправленное планирование мер уголовно-правого, криминологического, криминалистического, а также общеправового, и социально-экономического характера, направленных на устранение выявленных детерминантов, что и должно в результате оказать положительное влияние на укрепление правопорядка в нашей стране. Думается, научное обоснование причин и условий, способствующих совершению террористических преступлений во время массовых мероприятий, послужит повышению эффективности правоохранительных органов в вопросах предупреждения указанных преступлений, что напрямую будет способствовать росту доверия населения к органам власти и поступательному развитию Российской Федерации.

---

[1] Официальный сайт Российского информационного агентства «Новый день». URL: https://newdaynews.ru/moskow/606039.html (дата обращения: 28.12.2021).

[2] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 24.02.2021).

[3] Понятия «террористические преступления», «преступления террористического характера», преступления террористической направленности» являются схожими и выводится из содержаний одних и тех же статей Уголовного Кодекса Российской Федерации.

[4] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) // СПС «Консультант Плюс.

Список источников

1. Этнорелигиозный терроризм / Ю. М. Антонян, Г. И. Белокуров, А. К. Боковиков и др. ; под ред. Ю. М. Антоняна. Москва : Аспект Пресс, 2006.

2. Дикаев С. У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004.

3. Козаченко И. Я. Криминология : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / И. Я. Козаченко, К. В. Корсаков. Москва : Издательство Юрайт, 2018.

4. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. Москва : Юрайт, 2011.

5. Антонян Ю. М. Причины преступного поведения. Москва : Акад. МВД РФ, 1992.

6. Бадамшин С. К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : дис.…канд. юрид. наук : 12.00.08 / Салават Курбангалиевич Бадамшин. Москва, 2018.

References

1. Antonyan YuM, Belokurov GI, Bokovikov AK et al; Edited by Antonyan YuM. *Ethnoreligious Terrorism*. Moscow: Aspect Press; 2006. (In Russ.)

2. Dikaev SU. *Terrorism: phenomenon, conditionality and measures of counteraction (criminal-legal and criminological study)*. [dissertation]. St. Petersburg; 2004. (In Russ.)

3. Kozachenko IYa, Korsakov KV. *Criminology*. Textbook and workshop for bachelor and specialist. Moscow: Publishing house Yurait, 2018. (In Russ.)

4. Luneev V.V. *Course of world and Russian criminology*. Textbook. In 2 vols. Vol. 1. The General Part. Moscow: Yurite; 2011. (In Russ.)

5. Antonyan YuM. *Causes of criminal behavior*. Moscow: Acad. of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 1992. (In Russ.)

6. Badamshin SK. *Crimes of terrorist orientation committed with the use of electronic or information-telecommunication networks: criminal-legal and criminological characteristics*. [dissertation]. Moscow; 2018. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гончаров Денис Юрьевич доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Челябинского гос. университета. 454001, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.
goncharov_d@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-3347-2533

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis Yu. Goncharov Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Prosecutorial Supervision and Organization of Law Enforcement Activity, Chelyabinsk State University. 129 Br. Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.
goncharov_d@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-3347-2533

Дата поступления статьи / Received: 03.02.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 20.02.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.03.2022.

Научная статья
УДК 343.97+343.988
DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10903

Виктимологические аспекты преступности на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта Российской Федерации

Елена Михайловна Тимошина[1], Андрей Васильевич Евсеев[2]
[1, 2]Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия
[1]emtimoshina@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-5903-6014
[2]andrei.evseew@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7229-0962

Аннотация. Статья посвящена одному из важных критериев оценки эффективности криминологического обеспечения предупредительной деятельности органов внутренних дел — характеристике виктимологических аспектов преступности. Авторами осуществлён всесторонний и глубокий анализ потерпевших от преступных посягательств на объектах транспорта Российской Федерации за период с 2016 по 2020 годы. Исследована структура криминальной виктимизации на объектах транспорта в России, её тенденции и закономерности. Доказывается, что управленческие решения в сфере предупреждения преступности должны основываться на анализе виктимологических показателей преступности и прогнозах возможного развития виктимологической ситуации.

В статье нашли свою оценку мотивы преступных посягательств на объектах транспорта и результаты социологических исследований, проведённых с целью выяснения мнения об уровне защищённости личности от преступных посягательств на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта в России.

На основе проведённого исследования определяются категории лиц, профилактическое воздействие на которых должно являться первоочередной задачей субъектов предупредительной деятельности, а также виды преступных посягательств, минимизация которых позволит снизить уровень виктимности населения на объектах транспорта Российской Федерации.

Ключевые слова: виктимологические аспекты преступности, преступность на объектах транспорта, криминальная виктимизация на объектах транспорта, развитие виктимологической ситуации, уровень защищенности от преступных посягательств, уровень виктимности населения

Для цитирования: Тимошина Е. М., Евсеев А. В. Виктимологические аспекты преступности на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта Российской Федерации // Виктимология. 2022. Т. 9, № 1. С. 26–39. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10903

© Е. М. Тимошина, А. В. Евсеев

Scientific article

Victimological Aspects of Crime at Railway, Water and Air Transport Facilities of the Russian Federation

Elena M. Timoshina[1], Andrey V. Evseev[2]
[1,2]All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
[1]emtimoshina@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-5903-6014
[2]andrei.evseew@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7229-0962

Abstract. The article is devoted to one of the important criteria for evaluating the effectiveness of criminological support for the preventive activities of internal affairs bodies — the characteristic of victimological aspects of crime. The authors carried out a comprehensive and in-depth analysis of the victims of criminal attacks on transport facilities of the Russian Federation for the period from 2016 to 2020. The structure of criminal victimization at transport facilities in Russia, its trends and patterns are studied.
It is proved that managerial decisions in the field of crime prevention should be based on the analysis of victimological indicators of crime and forecasts of the possible development of the victimological situation.
The article found its assessment of the motives of criminal encroachments on transport facilities and the results of sociological studies conducted to clarify the opinion on the level of protection of the individual from criminal encroachments on railway, water and air transport facilities in Russia. On the basis of the study, the categories of persons are determined, the preventive impact on which should be a priority for the subjects of preventive activities, as well as the types of criminal attacks, the minimization of which will reduce the level of victimization of the population at the transport facilities of the Russian Federation.
Keywords: victimological aspects of crime, crime at transport facilities, criminal victimization at transport facilities, the development of a victimological situation, the level of protection from criminal attacks, the level of victimization of the population
For citation: Timoshina E. M., Evseev A. V. Victimological Aspects of Crime at Railway, Water and Air Transport Facilities of the Russian Federation. *Viktimologiya* [Victimology]. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 26-39. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10903 (In Russ.)

Введение

Одной из главных задач государства является обеспечение безопасности общества и личности, защита человека от противоправных посягательств. Одним из подходов к решению этой задачи является профилактическая работа с потерпевшими от преступлений и потенциальными жертвами противоправных посягательств. Виктимологическое направление предупреждения преступлений начало развиваться в странах Запада с 40-х годов XX века, превратившись в настоящее время в один из неотъемлемых элементов саморегуляции общества [1, с. 63]. Зарубежный опыт и мнения экспертов свидетельствуют, что виктимологическая профилактика представляет собой наиболее перспективное, гуманное и не требующее больших материальных затрат направление профилактики преступлений.

Мы полагаем, что криминологическое изучение потерпевших от преступлений имеет практическое значение в аспекте будущего построения системы виктимологической профилактики в Российской Федерации. Важно отметить, что в последние годы не только зарубежные, но и российские учёные уделяют повышенное внимание изучению виктимологических аспектов преступности и проблем снижения виктимности населения [2–5]. Однако необходимо признать, что в настоящее время анализу виктимологических аспектов

преступности и выработке на его основе мероприятий, направленных на снижение виктимности населения, как и ранее, внимания уделяется не достаточно.

Целями виктимологической профилактики на объектах транспорта является выявление, изучение и воздействие на виктимогенные факторы транспортной сферы и виктимно уязвимых лиц в целях снижения уровня их виктимности, и, как следствие, сокращения числа совершаемых преступлений.

Для грамотной организации виктимологической профилактики необходимо исследовать показатели виктимизации пассажиров и иных лиц, пользующихся транспортной инфраструктурой. Исследование потерпевших от преступлений показывает, что зачастую именно их поведение, а также некоторые виды ролевой и личной виктимности в конкретной криминогенной ситуации выступают в качестве необходимых или достаточных условий общественно-опасного поведения преступника [6, с. 11].

Основные показатели виктимизации, рассматриваемые в работе, базируются на анализе данных статистических форм учёта преступности[1].

К таким показателям относятся: состояние виктимизации — общий показатель количественной характеристики потерпевших на конкретной территории за определенный промежуток времени; структура виктимизации — распределение жертв преступлений по типам и видам преступлений, по социально-демографическим и другим признакам; динамика виктимизации — показатель, описывающий процесс и закономерности распределения виктимизации во времени.

Описание исследования и постановка проблем

Ежегодное количество потерпевших от преступлений на объектах транспорта России за период с 2016 по 2020 годы находилось в числовом диапазоне 17 335–20 910 человек.

На протяжении исследуемого периода наименьшие показатели количества потерпевших от преступлений на транспорте были зафиксированы в 2020 году (17 335; –17,1 % к 2019 г.), что противоречит общей тенденции роста преступности в России. Это объясняется введением ограничительных мер в период пандемии новой коронавирусной инфекции, которые существенно снизили возможности людей пользоваться услугами транспортной сферы и обусловили рекордное снижение количества потерпевших за пятилетний период (–14,3 % к 2016 г.).

Наибольшее количество лиц, признанных потерпевшими от преступлений, в указанный период наблюдалось в 2019 году — 20 910 человек.

Прирост количества потерпевших по сравнению с предыдущим годом, составивший 2,6 %, не позволяет говорить об устойчивой тенденции снижения (увеличения) виктимности населения на объектах транспорта за исследуемый период. Несмотря на усилия транспортного комплекса в направлении повышения качества и работоспособности инфраструктуры, реализации стратегически важных проектов и кадровую обеспеченность отрасли[2], с 2016 по 2019 годы количество потерпевших от преступлений на транспорте в целом увеличилось на 3,4 %.

В структуре потерпевших за рассматриваемый период соотношение юридических и физических лиц было нестабильным: если в 2016, 2018 и 2020 годы превалировало количество потерпевших юридических лиц (52,3 %, 52,5 % и 55,9 % соответственно), то в 2017 году их количество было равно, а в 2019 году среди потерпевших незначительно преобладали физические лица (50,8 %) (рис. 1).

По половой характеристике среди потерпевших на транспорте доминируют мужчины, доля которых на протяжении всего исследуемого периода находилась в пределах 69,9–71,8 %.

Как сказано ранее, в оценке динамики виктимности показатели 2020 года не могут

[1] В работе используются данные статистики ГИАЦ МВД России: Ф 493, раздел 4 «Сведения о количестве потерпевших»; Ф. 130, кн. 21, «Сводный отчет о состоянии преступности на транспорте».

[2] Министр транспорта РФ Максим Соколов выступил на Правительственном часе в Государственной Думе РФ. URL: https://www.mintrans.ru/press-center/news/7925 (дата обращения: 24.07.2018).

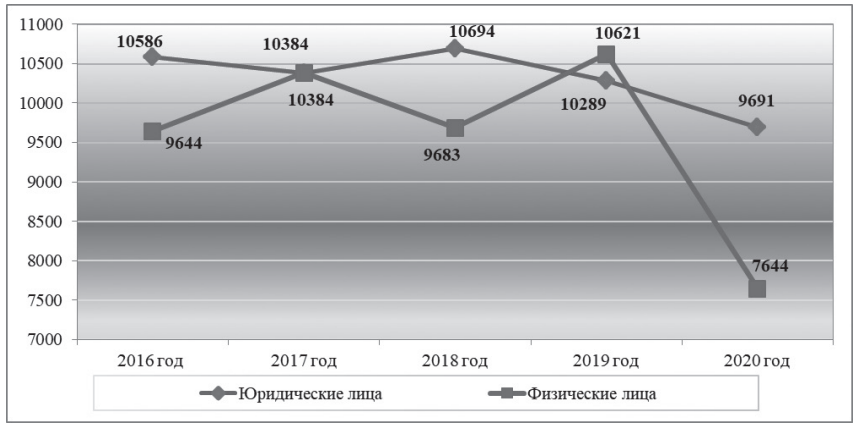

Рис. 1. Структура потерпевших от преступлений на объектах транспорта Российской Федерации (2016–2020 гг.)

[Structure of victims of crime at transportation facilities Russian Federation (2016-2020)]

считаться максимально информативными по причине действовавших в этом году ограничительных мер, снизивших возможности людей пользоваться транспортной инфраструктурой.

По этой причине более показательной представляется динамика периода 2016 по 2019 годы, за который число потерпевших мужского пола выросло на 9,9%. В 2020 году по сравнению с 2019 годом, напротив, количество мужчин, потерпевших от противоправных деяний, сократилось на 27,9% (с 7425 до 5354 человек).

Доля женщин, ставших жертвами преступных посягательств, среди всех потерпевших от преступлений на объектах транспорта в исследуемый период составляла 28,2–30,1%. Число потерпевших женщин в период с 2016 по 2019 годы выросло на 10,8%, продолжая сложившуюся в предыдущие годы тенденцию. Вместе с тем, в 2020 году по сравнению с 2019 годом количество потерпевших на объектах транспорта женщин снизилось на 28,3% (с 3196 до 2290 чел.).

Минимальное количество потерпевших от преступлений на объектах транспорта среди основных статистически наблюдаемых возрастных групп приходится на лиц, не достигших совершеннолетия, доля которых в рассматриваемый период в структуре всех потерпевших составляла 2,1–2,8%.

На протяжении последних пяти лет потерпевшими от преступлений признавалось 212–269 несовершеннолетних ежегодно. Максимальные значения абсолютных показателей количества потерпевших несовершеннолетних наблюдались в 2017 и в 2018 годах (265 и 269 человек соответственно), а с 2019 года зафиксировано снижение данного показателя.

Так, по сравнению с предыдущим годом, сокращение ежегодного количества несовершеннолетних потерпевших составило: в 2019 году — 16,4%, в 2020 году — 5,8%.

В структуре потерпевших от преступных посягательств на объектах транспорта удельный вес лиц пожилого возраста[1] ежегодно возрастал: с 5,7% в 2016 году до 7,7% в 2019 году, продержавшись на данном уровне до 2020 года. В то же время количество потерпевших данной возрастной группы не отличалось стабильным ростом: снижение показателей на 5,1% зафиксировано в 2018 г., и на 27,8% – в 2020 г.

Максимальное количество потерпевших пожилого возраста в рассматриваемый период наблюдалось в 2019 году, составив 820 человек (+22,8% к 2018 г.), что говорит о росте виктимности лиц данной возрастной группы, несмотря на снижение данного показателя в 2020 году на 27,8% (с 820 до 592 человек).

Рост количества потерпевших пожилого возраста отчасти закономерен и объясняется увеличением доступности транспортной

[1] К лицам пожилого возраста, согласно подходу статистики ГИАЦ МВД России, относятся мужчины в возрасте старше 60 лет и женщины старше 55 лет.

инфраструктуры и ростом мобильности и транспортной активности лиц данной возрастной группы.

Вместе с тем это требует разработки специальных мер, направленных на повышение уровня безопасности этих лиц от преступных посягательств, с учетом их психовозрастных и физических особенностей. В противном случае можно ожидать дальнейший рост количества потерпевших лиц пожилого возраста от преступлений, совершаемых на объектах транспорта.

Количество иных категорий потерпевших от преступлений, данные о которых фиксируются уголовной статистикой, весьма разнообразно.

Так, на протяжении последних пяти лет количество потерпевших инвалидов 1 и 2 группы составляло 26–46 человек в год.

При этом с 2016 по 2019 годы этот показатель стабильно возрастал, увеличившись на 76,9% (с 26 до 46 человек). Рост количества потерпевших данной группы от преступных посягательств на объектах транспорта может объясняться увеличением числа лиц этой категории, использующих разные виды транспорта, большей доступностью и возросшими возможностями пассажирских перевозок для инвалидов в целом. Современность и доступность пассажирских перевозок для лиц с ограниченными возможностями, несомненно, является положительным моментом в развитии объектов транспорта, вместе с тем, актуализирует необходимость разработки дополнительных мер виктимологической профилактики в отношении рассматриваемой группы лиц. Необходимо отметить, что в 2020 г. количество указанных потерпевших сократилось до 31 человек (–32,6% к 2019 г.).

Динамика количества потерпевших лиц без определённого места жительства отличалась большей стабильностью, что объясняется меньшей их зависимостью от мер ограничения, введённых в период пандемии коронавирусной инфекции.

Ежегодное количество лиц без определённого места жительства, признанных потерепвшими от преступных посягательств, преимущественно возрастая, составляло 9–19 человек, стабилизировавшись на отметке 2019 года (рис. 2). За анализируемый пятилетний период данный показатель вырос в 2,1 раза.

Количество мигрантов, признанных потерпевшими от преступных посягательств на объектах транспорта, на протяжении исследуемого периода насчитывалось 30–44 человека в год (рис. 2). При этом, в период с 2016 по 2019 годы их количество увеличилось на 46,6%. В 2020 г. количество указанных потерпевших сократилось до 31 человек (–1,8% к 2019 г.).

Потерпевшие беженцы составляют самую малочисленную из рассматриваемых

Рис. 2. Динамика количества отдельных групп потерпевших от преступлений на объектах транспорта в Российской Федерации (2016–2020 гг.)

[Dynamics of the Number of Certain Groups of Victims of Crimes at Transport Facilities in the Russian Federation (2016-2020)]

групп потерпевших на объектах транспорта: 0–4 человека в год. Максимальные значения данного показателя (4 человека) наблюдались в 2016, 2017 годы, в 2018, 2020 годах беженцы потерпевшими не признавались (рис. 2).

Обращает на себя внимание динамика числа безработных потерпевших от преступлений на объектах транспорта. С 2016 по 2020 годы зафиксировано резкое снижение данного показателя в 30 раз (со 150 до 5 человек в год).

В рассматриваемый период максимальные темп снижения этого показателя наблюдался в 2017 году: с 150 до 28 человек, затем ежегодное количество безработных потерпевших изменялось не столь масштабно: в 2018 году с 28 до 9 человек, в 2019 году — с 9 до 3 человек, в 2020 году — с 3 до 5 человек.

Полагаем, что резкое уменьшение количества безработных, признанных потерпевшими от преступлений в исследуемый период, объясняется ухудшением материального положения в связи с пандемией, а также высокой латентностью преступлений, совершаемых в отношении этой категории лиц.

Изучение преступлений, по которым установлены потерпевшие, также может осветить некоторые виктимологические аспекты преступности на объектах транспорта в Российской Федерации.

Ежегодное количество преступлений на объектах транспорта в отношении приезжих (без учёта вынужденных мигрантов и беженцев) на протяжении последних пяти лет в среднем составляла 3758 преступлений в год. Максимальное количество преступлений в отношении данной категории лиц зафиксировано в 2017 году (4415), минимальное — в 2020 году (2607).

Это обстоятельство закономерно объясняется введёнными в России и мире ограничениями на передвижение, обусловленными мерами недопущения распространения новой коронавирусной инфекции. Тем не менее, ежегодное количество преступлений в отношении приезжих начало планомерно сокращаться ещё в 2018 году (–5,7 % к 2017 г.), в 2019 году снижение составило уже 9,8 %, в 2020 году — 31,4 %.

Доля преступлений в отношении потерпевших данной категории в общем объёме преступлений, по которым установлены потерпевшие, весьма существенна и в исследуемый период составляла 38,9–49,2 %. При этом максимальные значения этого показателя наблюдались в 2017 году (49,2 %), в 2018 году (47,5 %) и в 2019 году (45,2 %).

Самый минимальный удельный вес таких преступлений (45,2 %) закономерно зафиксирован в 2020 году.

Подавляющее количество преступлений в отношении приезжих лиц составляют кражи (ст. 158 УК РФ), удельный вес которых в период с 2016 по 2019 годы был выше 80 % (81,8–83,1 %), в 2020 году — снизился до 78,7 %.

Учитывая это обстоятельство, полагаем необходимым принять меры по совершенствованию виктимологической профилактики краж, совершаемых в отношении приезжих лиц.

Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства на протяжении изучаемого периода составляло в среднем 379 преступлений в год. Максимальный абсолютный показатель зафиксирован в 2018 году (453 преступления), минимальный — в 2020 года (233 преступления). Ежегодное количество преступных деяний в отношении данной группы лиц росло в 2017 году (+11,4 %) и в 2018 году (+5,6 %), снижалось в 2019 году (–12,8 %) и в 2020 году (–41,0 %).

Резкое сокращение преступности в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства в 2020 году также объясняется уменьшением количества данных лиц на территории Российской Федерации вследствии введения мер ограничения, принятых в целях недопущения распространения новой коронавирусной инфекции.

Доля преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства в структуре всех преступлений на объектах транспорта на протяжении рассматриваемого периода составляла 3,5–5,2 %, при этом стабильно снижалась с 2019 года, достигнув минимального значения в 2020 году (3,5 %).

Большинство преступлений в отношении данной категории лиц (69,7–9 %) составляют кражи (ст. 158 УК РФ), при этом

максимальное их количество (79%) было выявлено в 2019 году, что актуализирует необходимость организации работы в направлении виктимологической профилактики краж, совершаемых на объектах транспорта в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства.

Количество зарегистрированных преступлений, совершённых в отношении работников коммерческих структур, в рассматриваемый период характеризуется стабильной динамикой роста.

Несмотря на снижение данного показателя в 2020 году (–18% к 2019 г.), в целом за последние пять лет количество этих преступлений выросло на 88,8% (с 755 до 1463). Абсолютный показатель стабильно возрастал вплоть до 2019 года, достигнув в этом году максимального значения — 1784 преступления.

Ещё более стабильным выглядит рост доли преступлений в отношении работников коммерческих структур в общей структуре преступности на объектах транспорта, что подтверждает ухудшение виктимогенной ситуации с преступлениями в данной сфере.

Так, доля преступлений в отношении работников коммерческеих структур в общей структуре преступности на объектах транспорта составляла: в 2016 году — 9,3%, в 2017 году — 13,2%, в 2018 году — 14,8%, в 2019 году — 21,2%, в 2020 году — 21,8%.

Среди преступлений в отношении данной группы потерпевших лидирующее место занимают кражи (71,9–81,8%).

Динамика абсолютных показателей, а также рост удельного веса преступлений на объектах транспорта, совершаемых в отношении работников коммерческих структур, может свидетельствовать о росте их виктимности и (или) о возникновении новых виктимогенных факторов, способствующих совершению в отношении них преступных посягательств, актуализируя разработку новых мер виктимологической профилактики.

Ежегодное количество преступных посягательств в отношении собственников и предпринимателей без образования юридического лица, совершенных на объектах транспорта Российской Федерации, имеет положительную динамику последовательного снижения. В период с 2016 по 2020 годы абсолютный показатель количества этих преступлений сократился в 2,6 раза (с 415 до 158). Их доля в общем массиве преступных посягательств, совершаемых на объектах транспорта, стабильно снижаясь, составляла 2,3–5%.

Как и ранее рассмотренная группа потерпевших, собственники и предприниматели без образования юридического лица, чаще становились жертвами краж (ст. 158 УК РФ). Доля таких преступлений варьировалась от 72,8% до 86% в общем массиве всех совершённых в отношении них преступлений на объектах транспорта. Причём максимальный удельный вес наблюдался в 2019 году, что указывает на возрастание виктимности данной группы лиц.

В 2020 году значительно сократилось количество зарегистрированных преступлений, совершенных в отношении сотрудников правоохранительных органов (–10,6%). При этом в период с 2016 по 2018 годы отмечен рост этого показателя на 25,9% (с 1159 до 1459 преступлений), а в целом за последние пять лет прирост преступлений в отношении указанных лиц составил 9,0%.

Об ухудшении ситуации с виктимностью сотрудников правоохранительных органов свидетельствует и последовательный рост удельного веса преступлений в отношении них в общем объёме преступности на объектах транспорта. Доля таких преступлений составляла: в 2016 году — 13,9%, в 2017 году — 15,1%, в 2018 году — 16,7%, в 2019 году — 16,8%, в 2020 году — 18,8%. Примечательно, что на фоне снижения числа зарегистрированных преступлений, совершенных в 2020 году в отношении рассматриваемой категории лиц, удельный вес этих преступлений продолжил устойчивую динамику роста.

Этот факт также обосновывает необходимость совершенствования профилактики преступлений против данной категории лиц и мер защиты их жизни и здоровья.

Преступные посягательства против представителей органов власти, совершённые на объектах транспорта в целом также характеризовались динамикой роста. В период с 2016 года по 2019 год их количество увеличилось на 27,5% (с 902 до 1150).

Несмотря на снижение абсолютного показателя в 2020 году (–8,3% к 2019 г.), в целом за исследуемый пятилетний период прирост преступлений в отношении данной группы лиц составил 17%. Рост виктимности представителей органов власти подтверждается и стабильным ростом удельного веса преступлений в отношении них в общем объёме преступности на объектах транспорта. Доля этих преступлений составляла: в 2016 году — 10,8%, в 2017 году — 12,0%, в 2018 году — 13,1%, в 2019 году — 13,7%, в 2020 году — 15,7%.

Очевидно, что необходимость осуществления виктимологической профилактики преступлений, совершаемых в отношении представителей органов власти, является актуальной задачей на современном этапе.

Динамика преступных посягательств в отношении работников кредитно-финансовой и банковской системы на объектах транспорта в целом характеризуется относительной стабильностью показателей.

Абсолютные значения ежегодного количества преступлений соответствовали: в 2016 году — 77, в 2017 году — 55, в 2018 году — 70, в 2019 году — 77, в 2020 году — 53. Доля этих преступлений среди всех преступлений на объектах транспорта, по которым имеются потерпевшие, составляла менее одного процента (0,6–0,9%).

Следует отметить, что в 2019 году наблюдался рост как самих преступных посягательств в отношении работников кредитно-финансовой и банковской системы на объектах транспорта (+10% к 2018 г.), так и незначительный рост доли этих преступлений (с 0,8% до 0,9%). Кражи составляют большую часть преступлений, совершаемых в отношении указанных лиц, однако их доля за последние пять лет существенно отличалась.

Так, минимальный удельный вес краж среди всех преступлений на объектах транспорта в отношении работников кредитно-финансовой и банковской системы зафиксирован в 2020 году (66,0%), максимальный — в 2019 году (83,1%). При этом в предыдущие четыре года наблюдался стабильный и активный рост данного показателя, который соответствовал: в 2016 году — 66,2%, в 2017 году — 72,7%, в 2018 году — 78,6%, в 2019 году — 83,1%.

Несмотря на снижение показателей данных преступлений в 2020 году, их рост с 2016 по 2019 годы свидетельствует о возникших условиях дальнейшей виктимизации работников кредитно-финансовой и банковской системы, а также возросшем для них риске стать жертвой краж на объектах транспорта.

В структуре преступлений в отношении работников кредитно-финансовой и банковской системы статистикой выделяются следующие группы преступлений: в отношении кассиров, в отношении инкассаторов, а к третьей группе можно отнести преступления в отношении иных работников данной системы.

За последние пять лет на объектах транспорта в отношении инкассаторов совершалось в среднем 1 преступление в год.

В отношении кассиров в среднем зарегистрировано 19,4 преступных посягательств ежегодно. При этом рассматриваемый показатель за период с 2016 по 2019 годы сократился на 32,1%, а за исследуемый период (2016–2020 гг.) — в 2,5 раза.

В отличие от преступлений в отношении кассиров и инкассаторов, преступные посягательства в отношении иных работников кредитно-финансовой и банковской системы в целом увеличивались. Стабильный рост абсолютного показателя наблюдался с 2017 по 2019 годы. В период с 2016 года по 2019 год количество таких преступлений выросло на 18,8%. В 2020 году зафиксировано естественное для периода ограничительных мер снижение абсолютного показателя данных преступлений в 2,4 раза.

Ежегодное количество преступлений в отношении работников сельского хозяйства, совершаемых на объектах транспорта, на протяжении последних пяти лет не поднималось свыше 10 в год. С 2016 до 2019 года этот показатель преимущественно возрастал, увеличившись в целом в 2 раза. Однако в 2020 году зафиксировано его снижение по сравнению с предыдущим годом в 2,5 раза.

Преступлений в отношении водителей междугородного транспорта регистрировалось от одного до пяти в год, в отношении водителей международного транспорта — не более одного.

Негативной динамикой можно охарактеризовать количество лиц, ежегодно погибающих от преступных посягательств, совершаемых на объектах транспорта. В целом за исследуемый период количество погибших выросло на 19,2 % с 146 человека в 2016 году до 174 человек в 2020 году.

Однако, учитывая изменения условий жизни населения нашей страны и мира, связанные с введёнными в 2020 году мерами ограничения, более показательной представляется динамика в период с 2016 по 2019 годы, за который количество погибших выросло на 96,6 %. Самый большой годовой прирост числа погибших от преступлений зафиксирован именно в 2019 году, составив 287 человек. При этом доля погибших от общего количества потерпевших, возрастая в предыдущие годы, достигла своего максимума (1,2 %).

Это также подтверждает предположение об ухудшении состояния виктимности населения от преступлений с тяжкими последствиями и актуализирует необходимость совершенствования мер защиты личности от преступных посягательств на объектах транспортной системы.

Предыдущий вывод подтверждает и анализ динамики количества зарегистрированных заявлений о безвестном исчезновении человека на объектах транспорта. Ежегодное количество таких заявлений стабильно росло с 2018 по 2020 годы. В 2020 году по сравнению с показателями 2019 года прирост заявлений о безвестном исчезновении человека составил 2,5 %, несмотря на введённые ограничения на передвижение с момента появления новой коронавирусной инфекции. В целом абсолютный показатель вырос за последние пять лет на 46,6 %, в среднем составив 3463 заявлений в год. Рост количества зафиксированных случаев пропавших лиц, продолжившийся в 2020 году, подтверждает ухудшение виктимогенной ситуации на объектах транспорта.

Результаты анализа виктимологических аспектов преступности свидетельствуют о том, что на объектах транспорта, как в целом и по России, более половины лиц, потерпевших от преступных посягательств, стали жертвами преступлений, предусмотренных ст. 158 УК РФ.

Так, доля потерпевших от краж среди всех потерпевших от преступлений на объектах транспорта на протяжении последних пяти лет составляла от 58,0 % до 63,5 %. При этом ежегодный удельный вес потерпевших от краж составлял: в 2016 году — 63,5 %, в 2017 году — 60,1 %, в 2018 году — 61,1 %, в 2019 году — 58,0 %, в 2020 году — 58,7 %. Как видно, доля потерпевших от краж в прошедшем году выросла на 0,7 %.

Вместе с тем, количество потерпевших от краж на объектах транспорта имеет устойчивую тенденцию ежегодного снижения. В целом за пять последних лет их количество сократилось на 20,8 % (с 12 846 до 10 174 человек). Темпы снижения этого показателя в анализируемом периоде составили: в 2017 году — 2,9 %; в 2018 году — 0,1 %; в 2019 году — 2,6 %; 2020 году — 16,2 %. Такая стабильная положительная динамика указывает на эффективную работу по профилактике данных преступлений со стороны сотрудников органов внутренних дел на объектах транспорта.

Поскольку виктимность от краж выше, чем от иных преступлений на объектах транспорта, следует уделить внимание виктимогенным детерминантам краж, выявленным в ходе проведенных исследований.

Было установлено, что в пути следования пассажирским железнодорожным транспортом значительная часть потерпевших заводит случайные знакомства, не опасаясь отрицательных последствий.

Большинство потерпевших от краж во время следования в поездах и электропоездах пригородного направления (43 %) вели себя нейтрально, но в 20,8 % случаях потерпевшие злоупотребляли спиртными напитками в пути следования, а в 36,2 % — облегчили преступнику совершение преступления: отлучались из купе и оставляли вещи без присмотра или просили присмотреть за ними незнакомых пассажиров; не закрывали купе во время ночного отдыха; в плацкартных вагонах не складывали вещи в рундук, а оставляли возле спальных мест; длительное время находились в вагонах-ресторанах [6, с. 12–13].

Важное значение при выработке и реализации мероприятий, направленных на минимизацию виктимности населения

на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры, имеет анализ мотивов преступных посягательств. Под мотивами преступлений понимается осознанное побуждение человека к конкретному преступлению, источник действия, его движущая сила.

и расовой вражды ненависти и мести (2; –71,4% к 2019 г.); ревности, ссоры и других бытовых причин (129; –9,8% к 2019 г.).

Вместе с тем, в 2020 году на объектах транспорта не зафиксировано преступлений по мотивам религиозной вражды, ненависти и мести, раздела сфер влияния, с целью

Таблица 1

Количество расследованных преступлений и мотивы преступных посягательств на объектах транспорта Российской Федерации (2016–2020 гг.)

[Number of crimes investigated and motives for criminal offenses at transportation facilities in the Russian Federation (2016-2020)]

Мотивы преступных посягательств		2016	2017	2018	2019	2020
Всего		4032	3848	4003	3881	3569
совершенных по мотивам:						
побуждений	сексуальных	7	15	5	8	22
	корыстных	2615	2301	2352	2346	2098
	хулиганских	608	663	775	489	517
вражды, ненависти, мести	национальной и расовой	3	0	3	7	2
	религиозной	2	0	0	0	0
ревности, ссоры и других бытовых причин		180	220	182	143	129
раздел сферы влияния		0	0	0	0	0
с целью приобретения (получения)	наркотических средств, сильнодействующих и психотропных веществ, прекурсоров	11	2	3	0	0
	спиртных напитков	0	2	0	0	1
	денежных средств	17	10	12	16	28
	кредита	0	0	0	0	0
с целью завладения	транспортным средством	1	4	1	1	5
	грузом	11	6	12	8	3
	оружием, взрывчатыми и взрывными устройствами, боеприпасами	0	1	0	1	2
с целью сокрытия другого преступления		1	2	3	1	2

Анализ виктимологических аспектов преступности на объектах транспорта показал, что в прошедшем году отмечено снижение количества расследованных уголовно наказуемых деяний, совершенных по мотивам: корыстных побуждений (2098; –10,6% к 2019 г.); с целью завладения грузом (3; –62,5% к 2019 г.); на почве национальной

приобретения наркотических средств, сильнодействующих и психотропных веществ, прекурсоров и получения кредита.

В то же время, наблюдалось увеличение числа преступлений, совершенных по мотивам: хулиганских побуждений (517; +5,7% к 2019 г.); сексуальных побуждений (22; +175,0% к 2019 г.); с целью получения

денежных средств (28; +75,0 % к 2019 г.); с целью сокрытия другого преступления (2; +100,0 % к 2019 г.); с целью завладения транспортным средством (5; +400,0 % к 2019 г.); с целью завладения оружием, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, боеприпасами (5; +100,0 % к 2019 г.) (табл. 1).

Важно отметить, что преступления, совершенные по мотивам корыстных и хулиганских побуждений, на почве ревности, ссоры и других бытовых причин, как и ранее, составляют большинство (76,87 %) от общего количества расследованных преступлений (рис. 3).

Рис. 3. Структура расследованных преступлений по мотивам преступных посягательств на объектах транспорта Российской Федерации в 2020 году

[Structure of investigated crimes on the basis of criminal offenses on transport facilities of the Russian Federation in 2020]

Причем в 2020 году в структуре преступности доля расследованных преступлений, совершенных по мотивам корыстных побуждений, сократилась на 1,66 %, на почве ревности, ссоры и других бытовых причин — на 0,07 % и составила 58,78 % и 3,61 % соответственно. При этом зафиксировано увеличение числа расследованных преступлений, совершенных по мотивам хулиганских и сексуальных побуждений, на 1,88 % и 0,41 % соответственно.

Анализ виктимологической ситуации за первое полугодие 2021 года на объектах транспорта Российской Федерации показал, что в период с января по июль потерпевшими было признано 9755 человек (+14,1 % к 2020 г.)[1], из них: 5556 (57,0 %) — юридических лиц, 4199 (43,0 %) — физических лиц. При этом удельный вес потерпевших юридических и физических лиц сохранился.

Важно отметить, что за рассматриваемый период на фоне значительного снижения количества потерпевших от преступлений, отнесенных к категории особо тяжких (–29,8 % к 2020 г.; с 57 до 40 человек), зафиксирован рост количества потерпевших от правонарушений, относящихся к категориям тяжких (+16,8 %; с 813 до 977 человек), средней (+25,7 %; с 2693 до 3386 человек) и небольшой тяжести (+11,2 %; с 4 814 до 5352 человек) преступлений. Наблюдается увеличение числа потерпевших от преступлений против жизни и здоровья (+21,1 %; с 218 до 264 человек), против собственности (+14,9 % с 6057 до 6951 человека), а также погибших (+51,1 %; с 88 до 133 человек).

Увеличение количества потерпевших в первом полугодии 2021 года связано в первую очередь со снятием ограничений на посещение общественных мест, существовавших в предыдущем году в связи с распространением новой коронавирусной инфекции. В связи с этим по нашему мнению нет веских оснований утверждать о возрастании реальных виктимологических угроз на объектах транспорта России, однако можно констатировать рост зафиксированной виктимизации, объясняющийся указанной причиной.

В июле-сентябре 2021 года был проведен опрос граждан с целью выяснения

[1] За тот же период 2019 г. на объектах транспорта потерпевшими было признано 8377 человек.

мнения об уровне защищенности от преступных посягательств на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта[1].

Согласно данным опроса, более одной трети респондентов (39%) отмечают, что «уверены в защищенности» от преступлений на объектах транспорта, мнения «скорее уверены» придерживается почти четверть (24%), «скорее не уверены» 8%, «не уверены» 22% и затрудняются ответить 7% опрошенных (таблица 2).

Таблица 2

Мнения экспертов об уровне защищенности от преступных посягательств на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта

[Experts' opinions on the level of protection against criminal attacks on railway, water and air transport facilities]

	Варианты ответов	% ответов	Количество ответов
1.	Уверен(а)	39	68
2.	Скорее уверен(а)	24	43
3.	Скорее не уверен(а)	8	14
4.	Не уверен(а)	22	40
5.	Затрудняюсь ответить	7	13

Заключение

На основании изложенного полагаем, что в целях обеспечения виктимологической безопасности[2] на объектах транспорта особый акцент виктимологической профилактики в краткосрочной перспективе следует сделать на работу со следующими категориями лиц:

- пожилого возраста;
- несовершеннолетними;
- работниками кредитно-финансовой и банковской системы;
- представителями органов власти;
- работниками коммерческих структур;
- приезжими лицами;
- иностранными гражданами и лицами без гражданства.

Учитывая количество и удельный вес потерпевших от преступлений против собственности на объектах транспорта, по-прежнему сохраняется актуальность совершенствования мер виктимологической профилактики преступлений данной категории, в первую очередь, краж.

[1] В соответствии с приказом МВД России от 1 декабря 2017 г. № 777 «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о полиции» Управлением по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации МВД России на базе АПК «Официальный Интернет-сайт МВД России» на постоянной основе проводятся тематические опросы интернет-пользователей.

[2] Виктимологическая безопасность — состояние защищенности лиц (особенно их виктимных категорий) от всевозможных угроз, в том числе криминальных, возникающих в экстремальных ситуациях, конфликтах, обеспечиваемое государством, широким кругом его субъектов посредством снижения виктимности этих лиц, а также ослабления негативного влияния виктимогенных и иных факторов и ситуаций, достигаемое активным внедрением и применением мер, выработанных криминальной виктимологией.

Список источников

1. Майоров А. В., Хашимов А. А. Общество и преступность: зарубежный опыт виктимологического воздействия // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № (38). С. 62–72.

2. Зубарева, Л. Л. Виктимологический аспект преступности иностранцев и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика: сборник материалов II Международной заочной научной конференции, Могилев, 19 мая 2017 года / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: В.Е. Бурый (отв. ред.) [и др.]. — Могилев : Могилев. институт МВД, 2017. — 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 195–198.

3. Сарсембаева Г. Ш., Тайлакова М. М. Виктимологическая профилактика преступлений в РК и за рубежом // Актуальные проблемы права и государства: материалы международной заочной научно-практической конференции. (11 июня 2012 г.). — Новосибирск : Изд-во «Сибир. ассоц. Консультантов», 2012. С. 15–23.

4. Окс Л.Е. Виктимологическая характеристика и профилактика корыстно-насильственной преступности в условиях мегаполиса : дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. — Москва, 2009. 212 с.

5. Клещина Е. Н. Жертва преступления как объект криминологического учения о жертве преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 2. С. 96–99.

6. Аверинская С. А. Виктимологическая характеристика потерпевшего от краж, совершаемых на пассажирском железнодорожном транспорте // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 3(9). С. 11–16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologicheskaya-harakteristika-poterpevshego-ot-krazh-sovershaemyh-na-passazhirskom-zheleznodorozhnom-transporte (дата обращения: 01.07.2021).

References

1. Mayorov AV, Khashimov AA. Society and crime: foreign experience of victimological impact. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava* [Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law]. 2017;(1):62-72. (In Russ.)

2. Zubareva LL. Victimological aspect of crime of foreigners and stateless persons in the Republic of Belarus [Electronic resource]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj yuridicheskoj nauki: teoriya, praktika, metodika* [Topical issues of modern legal science: theory, practice, methodology]. Proceedings of the II International Correspondence Scientific Conference, Mogilev, May 19, 2017 / Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, educational institution "Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus"; editor: V.E. Brown (ed.) [and others]. Mogilev: Mogilev. Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2017, 1 electron. opt. disk (CD-R):195-198.

3. Sarsembayeva GSh, Tailakova MM. Victimological prevention of crimes in the Republic of Kazakhstan and abroad. *Aktual'nye problemy prava i gosudarstva* [Actual problems of law and the state]. Proceedings of the international correspondence scientific and practical conference. (June 11, 2012). Novosibirsk: Sibir Publishing House. Assoc. Consultants, 2012:15-23. (In Russ.)

4. Oks LE. *Victimological characteristics and prevention of self-serving violent crime in a megalopolis*. [dissertations]. Moscow, 2009. (In Russ.)

5. Kleshchina EN. The victim of a crime as an object of criminological teaching about the victim of a crime. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2010;(2):96–99. (In Russ.)

6. Averinskaya SA. Victimological characteristics of the victim of thefts committed on passenger railway transport. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Journal of Criminology at Baikal State University of Economics and Law]. 2009;(3):11-16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologicheskaya-harakteristika-poterpevshego-ot-krazh-sovershaemyh-na-passazhirskom-zheleznodorozhnom-transporte (accessed: 01.07.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тимошина Елена Михайловна кандидат юридических наук, старший научный сотрудник науч.-исследовательского центра № 1, Всероссийский науч.-исследовательский институт МВД России.

121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1,

emtimoshina@rambler.ru,

https://orcid.org/0000-0001-5903-6014

Евсеев Андрей Васильевич кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник науч.-исследовательского центра № 1, Всероссийский науч.-исследовательский институт МВД России.

121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

andrei.evseew@yandex.ru

https://orcid.org/0000-0002-7229-0962

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena M. Timoshina Candidate of Law Science, Senior researcher of the Research Center no.1 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

25 Povarskaya st. bldg 1, Moscow 121069, Russia.

emtimoshina@rambler.ru,

https://orcid.org/0000-0001-5903-6014

Andrey V. Evseev Candidate of Law Sciences, Leading researcher of the Research Center no.1 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

25 Povarskaya st., bldg 1, Moscow 121069, Russia.

andrei.evseew@yandex.ru

https://orcid.org/0000-0002-7229-0962

ВКЛАД АВТОРОВ

Текст статьи подготовлен авторами совместно.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The text of the article was prepared jointly by the authors.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

COMPETING INTERESTS

The authors declare no conflicts of interests.

Дата поступления статьи / Received: 18.01.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 05.02.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.03.2022.

V ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Научная статья
УДК 343.13
DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10904

Цифровое неравенство в доступе потерпевших к уголовному правосудию: дефиниция понятия

Вера Александровна Задорожная
Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия
verum_z@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0001-2661

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена процессами цифровизации деятельности органов расследования и суда и их влиянием на доступность правосудия для граждан, в первую очередь, жертв преступлений. Одним из рисков цифровизации выступает цифровое неравенство граждан, имеющее негативный потенциал влияния на реализацию гражданами своих законных прав в условиях функционирования правоохранительных органов в цифровой среде. Предмет исследования — цифровое неравенство в сфере уголовного судопроизводства. Цель — разработка научно обоснованного понятия «цифровое неравенство» в уголовном судопроизводстве в контексте доступа потерпевших к уголовному правосудию. Гипотеза исследования предполагает возможность выделить существенный признак, отличающий «цифровое неравенство» от других сходных, но не тождественных феноменов и понятий. Применен формально-логический метод определения понятия. В результате получена дефиниция понятия «цифровое неравенство» в уголовном судопроизводстве, отражающая сущность и содержание данного феномена. Вывод: цифровое неравенство в уголовном судопроизводстве есть нарушение принципа равенства всех перед законом и судом, совершенное в связи с применением цифровых технологий в организации взаимодействия граждан с органами, осуществляющими уголовное судопроизводство.
Ключевые слова: цифровое неравенство, цифровой разрыв, цифровой барьер, цифровизация, доступ к правосудию, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, дефиниция, категория, формально-логическое определение понятия
Для цитирования: Цифровое неравенство в доступе потерпевших к уголовному правосудию: дефиниция понятия // Виктимология. 2022. Т. 9, № 1. С. 40–48. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10904

© В. А. Задорожная

Scientific article

Digital Divide in Access to Criminal Justicefor Victims: Definition of the Concept

Vera A. Zadorozhnaya
South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
verum_z@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0001-2661

Abstract. The relevance of the study is due to the digitalization of investigative and judicial procedures and their impact on the accessibility of justice for citizens, especially victims of crime. One of the risks of digitalization is the digital divide, having a negative potential impact on the implementation of the human rights in the digital environment. The subject of the study is the digital divide in the sphere of criminal justice. The objective is to develop a scientifically grounded concept of «digital divide» in criminal proceedings in the context of access to criminal justice for victims. The hypothesis of the study assumes the possibility to identify an essential feature that distinguishes «digital divide» from other similar, but not identical, phenomena and concepts. The formal-logical method of concept definition was applied. As a result, the definition of the concept of «digital divide» in criminal proceedings, reflecting the essence and content of this phenomenon, was obtained. Conclusion: the digital divide in criminal proceedings is a violation of the principle of equality before the law and the court, committed in connection with the use of digital technology in the organization of the interaction of citizens with the bodies conducting criminal proceedings.
Keywords: digital divide, digital gap, digitalization, access to justice, criminal procedure, definition, category, formal-logical definition of the concept
For citation: Zadorozhnaia V. A. Digital Divide in Access to Criminal Justicefor Victims: Definition of the Concept. *Viktimologiya* [Victimology]. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 40-48. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10904 (In Russ.)

Введение

Движение по пути цифровизации деятельности органов расследования и судов не должно создавать дополнительных препятствий для доступа к правосудию лиц, потерпевших от преступлений, не владеющих или недостаточно владеющих цифровыми технологиями, в связи с чем процессы цифровизации деятельности указанных органов необходимо регулировать с учетом критериев доступности уголовного правосудия для граждан, в первую очередь, для жертв преступлений. Внедрение цифровых технологий в юридический процесс, в том числе, в уголовное судопроизводство, сопровождается появлением в юридическом лексиконе новых терминов, одним из которых является термин «цифровое неравенство» и синонимичные ему «цифровой барьер», «цифровой разрыв», в целом по своему смыслу характеризующих доступность цифровой среды и свободу действия в ней для широкого круга граждан.

На сегодняшний день одновременно с практикой употребления упомянутых понятий отсутствует адекватное научно обоснованное определение данных терминов применительно к праву вообще и к уголовному судопроизводству, в частности. В связи с этим правовые исследования в области цифровизации уголовного судопроизводства не имеют должного понятийного аппарата для характеристики процессов цифровизации, что представляется проблемным вопросом, требующим решения в науке. Для разработки функционального определения предполагается выявить сущность и содержание феномена, именуемого понятием «цифровое неравенство», установив существенный признак, отличающий его от всех сходных феноменов и понятий.

Критерием отбора литературных источников для настоящего исследования послужило объяснение авторами научных работ понятия либо содержания таких терминов, как «цифровое неравенство»,

«цифровой разрыв», «цифровой барьер», для зарубежных источников — «digitaldivide», «digitalgap». Критерием критического анализа отобранных источников выступила научная обоснованность предлагаемого определения, обусловленная примененной исследователем методологией, полнота и точность отражения природы исследуемого объекта и его сущностных свойств.

Специальные исследования данных понятий в российской науке в целом локализованы в области экономики и управления, социологии; научная литература, представленная в зарубежных наукометрических базах данных на английском языке, содержит подобные исследования также и в области права. Научные исследования посвящены причинам цифрового неравенства, его уровням, его содержанию, в выделении элементного состава которого научное сообщество пользуется различными критериями, вследствие чего не выработало единой позиции по данному вопросу. Предлагаемые определения цифрового неравенства сложны, многоаспектны, трудно согласуемые между собой несмотря на то, что в целом не противоречат друг другу. Сложность, многоаспектность выделяемой учеными структуры цифрового неравенства не отражает его фундаментальных, сущностных характеристик, что позволяет поставить вопрос о наличии должного методологического инструментария при конструировании искомой дефиниции. В результате анализа научных публикаций было выявлено, что в исследованиях в большинстве случаев применяются общенаучные методы анализа научной литературы и синтеза. Однако при этом отсутствуют научно обоснованные алгоритмы исследования, что приводит к неполноте, фрагментарности и недостаточной системности описания определяемого объекта. Авторами не использованы методологические инструменты, специально предназначенные для разработки дефиниций. Из предложенных авторами определений не вполне ясно, какой из признаков цифрового неравенства является сущностным и отличает его от других схожих понятий. Таким образом, потребность в научно обоснованном, наиболее полном и точном определении цифрового неравенства для уголовного судопроизводства на текущий момент в науке не реализована.

Настоящее исследование ставит своей целью разработку научно обоснованного понятия «цифровое неравенство» в уголовном судопроизводстве в контексте доступа потерпевших от преступлений к уголовному правосудию. Для достижения поставленной цели применен общенаучный метод формально-логического определения понятия. Теоретическую основу исследования составили труды ученых в области социальной философии, экономики, социологии, права. Используемые в научной литературе термины «цифровое неравенство», «цифровой разрыв», «цифровой барьер», «цифровой дисбаланс», «информационное неравенство» рассматриваются в настоящем исследовании в качестве синонимов, имеющих одинаковое содержание.

Методы и материалы

Согласно общефилософскому подходу, важность корректной дефиниции состоит в способности адекватно определенного понятия выступать инструментом познания окружающей действительности, а совокупности таких понятий — обеспечивать системное и взаимосвязанное научное знание [14]. Дефиниция должна отражать содержание понятия путем перечисления совокупности признаков, благодаря которым обособляется объективная основа понятия, его предмет. В рамках данной работы предпринята попытка разработки дефиниции «цифровое неравенство» в применении к уголовному судопроизводству.

Основным научно-методологическим подходом в данном исследовании избран общенаучный подход, позволяющий применять общенаучные методы для получения нового научного знания, что предоставляет надёжную основу для применения частно-научных методов, специально разработанных для конструирования дефиниции понятий и работы с категориями. Избранным научным методом выступил формально-логический метод определения понятия через ближайший род и видовое отличие, позволяющий с помощью логической

процедуры получить научно обоснованное определение искомого понятия.

Технология применения метода [13; 14] состоит из следующих этапов: 1) избрание предмета исследования — понятия, для которого будет разрабатываться определение; 2) установление более общего (родового) понятия, частью которого является искомое понятие; 3) поиск необходимого и достаточного условия отграничения искомого понятия от всех других понятий, имеющих ту же родовую принадлежность; 4) формулирование определения. Применение данного метода приведет к логически корректному введению в предметное поле определения исследуемого объекта, а в перспективе — к разработке более полного и точного определения понятия с помощью специальных методов работы с категориями.

Результаты и их обсуждение

Начальный этап применения метода — избрание в качестве предмета исследования понятия «цифровое неравенство» в сфере уголовного судопроизводства выполнен при формулировании научной проблемы и цели исследования. При выполнении следующего этапа — поиска родового понятия, использованы результаты научных исследований цифрового неравенства, проведен анализ определений цифрового неравенства и синонимичных понятий (цифровой барьер, цифровой разрыв и других). Полученный результат сопоставлен с результатами отечественных исследований в области доступа потерпевших к уголовному правосудию. Далее было выявлено необходимое и достаточное свойство цифрового неравенства, которое выступает его видовым признаком в избранной сфере. На заключительном этапе сформулировано искомое определение.

Одно из первых официальных упоминаний понятия «цифровой разрыв» (digital divide) относится к 1995 г. и содержится в Докладе Администрации по национальным телекоммуникациям и информации правительства США (Connecting the Nation: Libraries and Health Care Organizations in the Information Age: prepared by National telecommunications and information administration, June 28, 1995) [5]. Как представляется, в тексты российских исследователей понятия «цифровое неравенство», «цифровой разрыв», «цифровой барьер», «цифровой дисбаланс», «информационная изоляция», «информационное неравенство» [11] имплементировано из зарубежной литературы, где упомянутые термины наиболее часто встречается встречаются в журналах по стратегии, управлению и финансам [5]. Как показал обзор научных публикаций, понятия «цифровое неравенство», «цифровой разрыв», «цифровой барьер» и другие («цифровой дисбаланс», «информационная изоляция», «информационное неравенство») в основном рассматриваются как синонимы. Особую позицию занимает М. А. Положихина, полагая, вышеупомянутые термины слишком узкими и используя в качестве перевода термина «digital divide» термин «информационно-цифровое неравенство» [12].

В целом научный поиск выявил неопределенность понимания исследуемого объекта. Как отмечает Д. Е. Добринская, даже после прочтения одного из масштабных исследований цифрового неравенства (Я. ван Дейк «Цифровой разрыв»), остается неясной позиция ее автора относительно содержательной трактовки терминов «цифровой разрыв» и «цифровое неравенство» [7]. По мнению М. А. Дедюлиной «цифровое неравенство» представляет собой многогранное явление, которое существует на многих уровнях, начиная от личности, общества, корпораций и регионов до глобального уровня [6]. Так, длясоциальной сферы авторы определяют цифровое неравенство его как один из аспектов социального неравенства [15], как результат определенных социальных изменений; как один из факторов социальной дифференциации [11]. С точки зрения своих функций цифровое неравенство понимается как ограничение возможностей социальной группы из-за отсутствия у нее доступа к современным средствам инфокоммуникационных технологий [4; 5]. С точки зрения своих последствий цифровой разрыв (информационное неравенство) определяют как неравенство в доступе к информационно-коммуникационным технологиям, имеющее своим следствием

усиление экономического, социального, культурного неравенства [9]. С позиций влияния на личность цифровое неравенство определяют как зависимость успеха человека от его способности использовать информационно-телекоммуникационные технологии для решения деловых и повседневных задач часто называют цифровым барьером или цифровым разрывом [10]. В связи с этим представляется продуктивным поиск родового понятия и сущностных свойств цифрового неравенства в уголовном судопроизводстве исходя из конкретных его проявлений в данной сфере.

Исследуя признаки цифрового неравенства, авторы предпочитают останавливаться на его причинах и конкретных проявлениях. Вклад в понимание цифрового неравенства вносит разделение его на несколько уровней: уровень доступа к цифровым технологиям; уровень различия в специфике использования данных технологий [1; 3]; уровень предоставленных цифровым пространством возможностей [8]. Конкретные проявления цифрового неравенства обусловлены 1) состоянием материальной базы (необходимых устройств надлежащего качества для цифрового взаимодействия); 2) наличием стабильного высокоскоростного интернет-соединения; 3) наличием и доступностью предоставленных государством и частными компаниями сервисов для цифрового взаимодействия; 4) имеющимися у граждан навыками функционирования в цифровой среде.

Цифровизация деятельности органов расследования, прокуратуры, суда способна оказать следующее влияние на обеспечение доступа жертв преступлений к уголовному правосудию: 1) подача заявлений о преступлении и иных обращений в органы расследования, прокуратуру или суд в электронном виде, в том числе, с применением цифровой идентификации обратившегося лица; 2) запрос и получение информации от органов, ведущих производство по уголовному делу, через электронные сервисы; 3) электронный документооборот между гражданином и органом, ведущим производство по уголовному делу; 4) участие в производстве процессуальных действий с использованием дистанционных технологий [16]. В связи с этим существуют определенные риски проявлений цифрового неравенства в данной сфере. В частности, переход на цифровые процедуры взаимодействия граждан и органов расследования, прокуратуры, суда 1) поставит в неравное положение жителей регионов, не располагающих стабильным высокоскоростным интернетом в сравнении с жителями территорий, более благополучных в данном отношении; 2) ограничит возможность запроса информации, подачи заявлений о преступлениях, ходатайств, жалоб и иных обращений и для лиц, не обладающих соответствующими навыками цифрового взаимодействия; 3) поставит в ущемленное положение лиц, не имеющих материальной возможности приобретения устройств для цифровой коммуникации с органами расследования, прокуратуры или суда. Данные обстоятельства являются факторами риска в деле обеспечения прав жертв преступлений, особенно в случаях, когда уголовное дело еще не возбуждено (на этапе подачи заявления), либо в возбуждении уголовного дела было необоснованно отказано. Лицо, не обладающее навыками интернет-поиска, перевода документов в электронную форму, использования электронной цифровой подписи, использования видеоконференцсвязи, либо не обладающее необходимыми техническими средствами или доступом к высокоскоростному интернету в случае полной цифровизации деятельности и правоохранительных органов будет фактически исключено из взаимодействия с ними и лишено возможности защищать свои права и законные интересы. Менее радикальным, но также влияющим на доступность уголовного правосудия обстоятельством может оказаться низкая эффективность коммуникации с правоохранительными органами лиц, имеющих слабые в техническом отношении устройства для цифрового взаимодействия или некачественное интернет-соединение в сравнении с более технически оснащенными гражданами.

Ущемленное положение одних участников производства по уголовному делу по сравнению с другими в зависимости от наличия у него технических средств или

необходимых навыков для информационно-коммуникационного взаимодействия, доступности и качества интернет-соединения, означает его неравенство с другими участниками в зависимости от каких-либо обстоятельств, то есть нарушает конституционный принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ). В связи с этим при конструировании дефиниции цифрового неравенства для уголовного судопроизводства предлагается в качестве родового понятия избрать «нарушение принципа равенства всех перед законом и судом». Далее следует выделить признак цифрового неравенства, отличающий его от других нарушений принципа равенства всех перед законом и судом. Цифровое неравенство касается неспособности гражданина взаимодействовать с органами, расследования, прокуратуры, суда в определенной (цифровой) среде в связи с особенностями его личности, навыками, материальным положением, доступной ему инфраструктурой. К мерам по профилактике и устранению цифрового неравенства в сфере уголовного судопроизводства могут быть отнесены: консультационная и тьюторская поддержка граждан, взаимодействующих с правоохранительными органами в интернет-среде; сохранение «традиционного» порядка взаимодействия граждан с правоохранительными органами и свобода выбора гражданином формата такого взаимодействия; создание удобных и доступных сервисов, в том числе для граждан, не имеющих навыков работы в сети Интернет и лиц с ограниченными возможностями. В связи с этим в качестве необходимого и достаточного условия отграничения цифрового неравенства от других нарушений принципа равенства всех перед законом и судом предлагается выделить применение цифровых технологий при взаимодействии граждан с органами, осуществляющими уголовное судопроизводство. Причем за организацию этого взаимодействия несут ответственность данные органы и государство в целом.

Выводы

В связи с изложенным предлагается сформулировать искомую дефиницию следующим образом: «Цифровое неравенство в уголовном судопроизводстве — это нарушение принципа равенства всех перед законом и судом, допущенное в связи с применением цифровых технологий в организации взаимодействия граждан с органами, осуществляющими уголовное судопроизводство». Разработанная дефиниция соответствует требованиям, точности, ясности, логичности, содержательности. В частности, она отражает реальные существенные признаки, характеризующие цифровое неравенство в уголовном процессе, в то же время в нее включены необходимые и достаточные признаки, не перегружающие определение. Применение формально-логического метода определения понятия обеспечивает, с одной стороны, логическую корректность разработанной дефиниции, с другой стороны, делает её научно обоснованной. В целом полученный результат согласуется с имеющимися в науке пониманием цифрового неравенства, соответствует выдвинутой гипотезе, может служить основой для дальнейших исследований цифрового неравенства в сфере уголовного судопроизводства, поскольку точно и полно передает смысл данного понятия.

Заключение

Таким образом, в результате настоящего исследования предложена дефиниция цифрового неравенства применительно к уголовному судопроизводству в контексте защиты прав жертв преступлений. Данный результат вносит вклад в развитие понятийного аппарата, используемого уголовно-правовыми науками. В качестве вклада в методологию юридических исследований можно предложить сформулированные в работе промежуточные выводы относительно продуктивности методов формальной логики для исследования природы объекта и проверки полученного определения объекта на предмет логической корректности. Практическая ценность полученного результата видится в том, что предлагаемое определение точно отражает смысл цифрового неравенства применительно к уголовному процессу, в связи с чем может быть использовано в качестве одного из целевых индикаторов оценки процессов

его цифровизации и обеспечения доступности уголовного правосудия для жертв преступлений. Перспективы дальнейших исследований видятся в том, чтобы на базе сконструированной дефиниции продолжить изучение таких аспектов цифрового неравенства, как его содержание, элементный состав, процессы его устранения и профилактики. Предложенное исследование является приглашением к дискуссии о понятии цифрового неравенства в уголовном судопроизводстве, его причинах, свойствах, способах преодоления, в том числе, в контексте защиты прав лиц, потерпевших от преступлений при их обращении в правоохранительные органы.

Список источников

1. Hargittai E. Second-level digital divide: mapping differences in people's online skills // http://arxiv.org/abs/cs/0109068 (Accessed 09 February 2022).

2. Scheerder A., van Deursen A. van DijkJ. Determinants of Internet skills, uses and outcomes. A systematic review of the second- and third-level digital divide // Telematics and Informatics. 2017. vol. 34, no. 8. P. 1607-1624. DOI:10.1016/j.tele.2017.07.007

3. Van Deursen A. J, van Dijk J. A. The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access // New Media and Society. 2019. vol. 21, no. 2. P. 1-21. DOI: 10.1177/1461444818797082

4. Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163—182.

5. Гайнанов Д. А., Шарифьянов Т. Ф. Эволюция цифрового неравенства и инструментарий нейтрализации его последствий // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 22. С. 2–18.

6. Дедюлина М. А. Цифровое неравенство: философское осмысление // Studia Humanitatis. 2017. № 2. С. 23—31.

7. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Возможно ли цифровое равенство? (О книге Я. ван Дейка «Цифровой разрыв») // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 158–164. DOI: 10.31857/S013216250009459-7

8. Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия Социология. 2019. № 19. Т. 1 С. 108–120. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120

9. Дятлов С. А., Селищева Т. А. Регионально-пространственные характеристики и пути преодоления цифрового неравенства в России // Экономика образования. 2014. № 2. С. 48–52.

10. Кузнецов Ю. А., Маркова С. Е. Некоторые аспекты количественной оценки уровня цифрового неравенства регионов Российской Федерации // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 32 (383). С. 2–13.

11. Перфильева О. В. Проблема цифрового разрыва и международные инициативы по ее преодолению // Вестник международный организаций. 2007 № 9. С. 34–38.

12. Положихина М. А. Информационно-цифровое неравенство как новый вид социально-экономической дифференциации общества // Экономические и социальные проблемы России. 2017. № 2. С. 119–140.

13. Светлов В. А. Логика. Современный курс. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2022. 403 с.

14. Сырых В. М. История и методология юридической науки. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2012. 464 с.

15. Шиняева О.В., Полетаева О.В., Слепова О.М. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические исоциальные перемены. 2019. № 4. С. 68–85.

16. Электронное правосудие : монография / Е. В. Бурдина [и др.] ; под ред. Е. В. Бурдиной; С. В. Зуева. М.: РГУП, 2021. 327 с.

References

1. Hargittai E. Second-level digital divide: mapping differences in people's online skills // http://arxiv.org/abs/cs/0109068 (Accessed 09 February 2022).

2. Scheerder A., van Deursen A. van DijkJ. Determinants of Internet skills, uses and outcomes. A systematic review of the second- and third-level digital divide. Telematics and Informatics. 2017;34(8):1607–1624. DOI:10.1016/j.tele.2017.07.007

3. Van Deursen AJ, van Dijk JA. The first-level digital divide shifts from inequalities in physical access to inequalities in material access. New Media and Society. 2019;21(2):1–21. DOI: 10.1177/1461444818797082

4. Volchenko OV. Dynamics of digital inequality in Russia. *Monitoring obshhestvennogo mnenija : Jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Public opinion monitoring : Economic and Social Changes].2016;(5):163–182. (In Russ.)

5. Gajnanov DA, Sharif'janov TF. The evolution of the digital divide and tools to address its effects. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika* [Regional Economy: Theory and Practice]. 2014;(22):2–18. (In Russ.)

6. Dedjulina MA. The digital divide: a philosophical reflection. Studia Humanitatis. 2017;(2):23–31. (In Russ.)

7. Dobrinskaja DE, Martynenko TS. Is digital equality possible? (On J. van Dijk's book «The Digital Divide»). *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies] 2020;(10):158–164. DOI: 10.31857/S013216250009459-7 (In Russ.)

8. Dobrinskaja DE, Martynenko TS. Prospects for Russia's Information Society: Levels of Digital Divide. *Vestnik RUDN. Serija Sociologija* [Bulletin RUDN. Sociology Series]. 2019;19(1):108-120. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120 (In Russ.)

9. Djatlov SA, Selishheva TA. Regional and territorial characteristics and ways to overcome the digital divide in Russia. *Jekonomika obrazovanija* [Economics of education]. 2014;(2): 48–52. (In Russ.)

10. Kuznecov JuA, Markova SE. Some aspects of quantifying the digital divide in the regions of the Russian Federation. *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika* [Economic analysis: Theory and practice]. 2014;32(383):2–13. (In Russ.)

11. Perfil'eva OV. The problem of the digital divide and international initiatives to bridge it. *Vesnik mezhdunarodnyj organizacij* [Journal of International Organisations]. 2007;(9):34–38. (In Russ.)

12. Polozhihina MA. The information-digital divide as a new type of socio-economic differentiation of society. *Jekonomicheskie i social'nye problemy Rossii* [Economic and social problems in Russia]. 2017;(2):119–140. (In Russ.)

13. Svetlov VA. *Logika. Sovremennyi kurs*. [Logic. A modern course] 2-e ed., ispr. i dop. Moscow: Izdatelstvo Urait, 2022. (In Russ.)

14. Syrykh VM. *Istoriia i metodologiia iuridicheskoi nauki*. [History and methodology of legal science]. Moscow: Norma: INFRA-M, 2012. (In Russ.)

15. Shinyaeva OV, Poletaeva OV, Slepova OM. Information and digital inequality: searching for effective population adaptation practices. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2019;(4):68–85.(In Russ.)

16. *Jelektronnoe pravosudie: monografija* [E-justice: monograph]. Moscow: RGUP, 2021. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Задорожная Вера Александровна
канд. юрид. наук, доцент кафедры правоохранительной деятельности и национальной безопасности, Южно-Уральский государственный университет (НИУ).
454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

verum_z@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-0001-2661

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera A. Zadorozhnaya Candidate of Law Sciences, Associate Professor of Department of Law Enforcement and National Security, South Ural State University (National Research University)
76 Lenina ave., Chelyabinsk 454080, Russia.
verum_z@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-0001-2661

Дата поступления статьи / Received: 10.02.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 20.02.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.03.2022.

Научная статья
УДК 343.13+343.988
DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10905

По каким преступлениям возможно освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон?

Михаил Викторович Мешков[1], Руслан Мусович Минулин[2]
[1]Московский университет МВД России, Москва, Россия
933241@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0622-573X
[2]Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия
mrm484@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9736-9482

Аннотация. Статья посвящена анализу концептуальных подходов к определению круга составов преступлений, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшими. Рассматриваются вопросы о распространении ст. 25 УПК РФ на дела частного и частно-публичного обвинения, возможности примирения по некоторым преступлениям небольшой или средней тяжести, в которых затрагиваются общественные интересы (убийство матерью новорождённого ребёнка, о дорожно-транспортных преступлениях), когда потерпевшим признан близкий родственник и (или) близкое лицо или иной родственник умершего пострадавшего, представитель власти, возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон по некоторым тяжким преступлениям (преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности), достаточность наличия в деле потерпевшего как критерия возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон.
Предлагается регламентировать в ст. 25 УПК РФ все составы преступлений, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон, а также составы тяжких преступлений, по которым возможно прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон, совершенных в отношении своего близкого родственника, родственника, близкого лица.
Ключевые слова: примирение, освобождение от уголовной ответственности, потерпевший, прекращение уголовного дела, круг преступлений
Для цитирования: Мешков М. В., Минулин Р. М. По каким преступлениям возможно освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон? // Виктимология. 2022. Т. 9, № 1. С. 49–62. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10905

© М. В. Мешков, Р. М. Минулин

Scientific article

What Crimes can be Exempted from Criminal Liability in Connection with Reconciliation of the Parties?

Mikhail V. Meshkov[1], Ruslan M. Minulin[2]
[1]State Adviser of Justice of the III class, Moscow, Russia
933241@mail.ru , https://orcid.org/0000-0003-0622-573X
[2]Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russia
mrm484@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9736-9482

Abstract. The article is devoted to the problem of determining the range of elements of crimes for which it is possible to be released from criminal liability in connection with reconciliation with victims. The controversial issues of the extension of Article 25 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to cases of private and public prosecution, the possibility of reconciliation for some crimes of small or medium gravity, in which public interests are affected (the murder of a newborn child by a mother, traffic crimes), when a close relative and (or) a close person or other relative of the deceased victim, a representative of the authorities, the possibility of exemption from criminal liability in connection with the reconciliation of the parties for some serious crimes (crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual), sufficiency of the presence in the case of the victim as a criterion for the possibility of release are considered from criminal liability in connection with the reconciliation of the parties. It is proposed to list in Article 25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation all the elements of crimes for which it is possible to release from criminal liability in connection with the reconciliation of the parties, as well as the elements of crimes for which it is possible to terminate criminal cases in connection with the reconciliation of the parties committed against their close relative, relative, close person.

Keywords: reconciliation, release from criminal liability, victim, termination of a criminal case, circle of crimes
For citation: Meshkov M. V., Minulin R. M. What Crimes can be Exempted from Criminal Liability in Connection with Reconciliation of the Parties? *Viktimologiya* [Victimology]. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 49-62. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10905 (In Russ.)

Введение

Российское законодательство допускает возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести (ст. 76 УК РФ, 25 УПК РФ). Таким образом возможность прекращения уголовного дела на основании примирения с потерпевшим законодатель связывает не с конкретными видами преступлений, а с тяжестью наказания, которое может повлечь совершенное преступление – не более пяти лет лишения свободы по делам об умышленных преступлениях, и не более десяти лет лишения свободы[1] по преступлениям с неосторожной формой вины (ст. 15 УК РФ).

Накопленный за более чем двадцатипятилетнюю практику опыт применения данных норм показывает, что в юридической науке так и не сложилось единого мнения о правильности такой законодательной техники, а у правоприменителей не сложилось единообразной практики в определении круга преступлений, по которым возможно освобождение от уголовной

[1] Федеральный закон от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ограничил круг преступлений средней тяжести в части неосторожных деяний, только теми, за совершение которых максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы. Федеральный закон от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Рос. газ. 2019. 19 июня.

ответственности в связи с примирением сторон.

Описание исследования

Прежде всего остается не ясным вопрос о распространении ст. 25 УПК РФ на дела частного и частно-публичного обвинения.

Часть 2 ст. 20 УПК РФ также предусматривает примирение потерпевшего с обвиняемым как основание прекращение уголовного дела. Но в отличие от ст. 25 УПК РФ, прекращение уголовного дела в соответствии с данной нормой.

Распространяется только на три состава преступления: это преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью без квалифицирующих признаков), ст. 116.1 (нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию) и ч. 1 ст. 128.1 (клевета, без квалифицирующих признаков) УК РФ.

Становится обязанностью уполномоченного лица (в то время как по остальным делам прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон является правом уполномоченных субъектов) [1, с. 76].

Следовательно, ч. 2 ст. 20 УПК РФ в части применения примирения сторон как основания прекращения уголовного дела является специальной нормой по отношению к ст. 25 УПК РФ, а прекращение дела частного обвинения в связи с примирением сторон на основании ст. 25 УПК РФ является нарушением уголовно-процессуального закона.

Таким образом, ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ являются изъятием из всего круга преступлений небольшой и средней тяжести, по которым возможно прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон в соответствии со ст. 25 УПК РФ. Следовательно в ст. 25 УПК РФ необходимо сделать оговорку — за исключением уголовных о преступлениях, указанных в ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

Следует отметить, что 6 апреля 2021 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление № 3 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)”», в соответствии с которым предлагает перевести уголовные дела об умышленном причинении легкого вреда здоровью без отягчающих обстоятельств, о нанесении побоев лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, и о клевете без отягчающих обстоятельств в категорию уголовных дел частно-публичного обвинения, которые возбуждаются по заявлению потерпевшего или его законного представителя, но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат[1].

Предлагаемые изменения обосновываются тем, что действующий частный порядок уголовного преследования возлагает на потерпевшего обязанность доказывания и поддержания обвинения в суде, что не отвечает потребностям эффективной уголовно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина.

Однако, предлагая ликвидировать существующий порядок частного уголовного преследования, предполагающий подачу заявления непосредственно в суд и вводя обязательное предварительное расследование, законодатели одновременно предлагают ликвидировать и такой, представляется что главный признак дел частного обвинения — обязательность прекращения таких дел в связи с примирением сторон. При этом аргументов в пользу таких изменений не приводится.

[1] О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 3 от 6 апреля 2021 года // https://vsrf.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2021 (дата обращения: 15.01.2022).

Иными словами, предлагаемые изменения защитят граждан с точки зрения освобождения их от обязанности доказывания, но в то же время ограничат их права с точки зрения свободного распоряжения судьбой уголовного дела в случае примирения сторон.

На наш взгляд, следует ограничиться введением обязательного досудебного производства по делам частного обвинения, не меняя сущности дел частного обвинения — возбуждения уголовных дел частного обвинения только по заявлению потерпевшего (за исключением ряда случаев) и обязательности их прекращения в случае примирения сторон.

Если же указанные предложения будут приняты, то данные дела станут делами частно-публичного обвинения. К уголовным делам частно-публичного обвинения относятся уголовные дела о преступлениях, указанных в ч. 3 ст. 20 УПК РФ. Анализ уголовно-правовых санкций указанных преступлений показывает, что большинство из них (за исключением ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132, ч. 6–7 ст. 159, ст. 159.3, ч. 3–4 ст. 159.5, ч. 3–4 ст. 159.6, ч. 3–4 ст. 160, ч. 4 ст. 180, ч. 2 ст. 201 УК РФ) относится к категориям небольшой и средней тяжести.

В соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ уголовные дела частно-публичного обвинения прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат. В тоже время в соответствии со ст. 25 УПК РФ, такие дела могут быть прекращены в связи с примирением сторон, как указывалось выше, это является правом уполномоченных субъектов. Очевидно, как и ч. 2 ст. 20 УПК РФ, ч. 3 ст. 20 УПК РФ устанавливает изъятие процессуального характера из правоотношений, регулируемых ст. 25 УПК РФ, то есть выступает специальной нормой по отношению к ст. 25 УПК РФ. Отсюда вытекает, на первый взгляд законный, а на самом деле абсурдный вывод о том, что дела частного публичного обвинения небольшой и средней тяжести в связи с примирением сторон прекращены быть не могут. На самом деле данный случай можно назвать правовым казусом, возникшим в силу несистемных изменений законодательства.

Дело в том, что норма, предусматривающая особенности производства по делам частно-публичного обвинения, появилась в российском уголовно-процессуальном законодательстве задолго до появления института прекращения уголовных дел публичного обвинения в связи с примирением сторон. Свойство дел частно-публичного обвинения — «прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат» следует толковать только как отличие от соответствующего свойства дел частного обвинения – «подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым».

На это указывает, во-первых, сравнение преступлений, преследуемых в частно-публичном порядке и иных преступлений, которые уполномоченный субъект вправе прекратить в связи с примирением сторон на основании ст. 25 УПК РФ. Очевидно, дела частно-публичного обвинения в гораздо большей степени соответствуют критериям затрагивания частных интересов, чем многие преступления публичного обвинения, которые могут быть прекращены в соответствии со ст. 25 УПК РФ. Об этом говорит и тот факт, что возбуждаются дела частно-публичного обвинения не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя. Во-вторых, до принятия Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ[1] часть 3 ст. 20 УПК РФ совершенно справедливо содержала следующую оговорку «…прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат, за исключением случаев, предусмотренных статьей 25 настоящего Кодекса».

Таким образом, свойство дел частно-публичного обвинения – «прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат» следует понимать только как «не обязательно должны быть прекращены в связи с примирением сторон, но могут быть прекращены в связи с примирением сторон, при наличии условий и в порядке, предусмотренном ст. 25 УПК РФ».

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // Рос. газ. 2012. 3 дек.

В нормативном регулировании ч. 3 ст. 20 УПК РФ в свою очередь необходимо вернуться к формулировке «…прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат, за исключением случаев, предусмотренных статьей 25 настоящего Кодекса».

Рассмотрим другие преступления небольшой и средней тяжести, которые относятся к делам публичного обвинения и могут быть прекращены в связи с примирением сторон на основании ст. 25 УПК РФ.

Как правило, ни в практической деятельности, ни в научных дискуссиях не возникает сомнений в возможности прекращения в связи с примирением сторон уголовных дел, в которых объектом преступления непосредственно являются права и законные интересы потерпевшего, и не затрагиваются интересы других лиц общества или государства.

Однако, в некоторых случаях, формальное подпадание преступления под категории небольшой или средней тяжести приводит к тому, что в связи с примирением сторон прекращаются уголовные дела по делам о преступлениях, в которых затрагиваются и общественные интересы.

Так, постановлением Молчановского районного суда Томской области от 10 сентября 2019 года, уголовное дело в отношении гражданки М. Е. В., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорождённого ребёнка), было прекращено в соответствии со ст. 25 УПК РФ, в связи с примирением сторон. Апелляционным постановлением Томского областного суда от 28 октября 2019 года[1] постановление Молчановского районного суда Томской области от 10 сентября 2019 года о прекращении уголовного дела в отношении гражданки М. Е. В. было отменено, уголовное дело направлено на новое рассмотрение в Молчановский районный суд Томской области. По мнению суда, преступление, совершенное М. Е. В., посягает на публичные интересы, и основным (непосредственным) объектом которого является жизнь новорожденного ребенка, а принесение обвиняемой извинений несоизмеримо с действиями, направленными на убийство новорожденного ребенка. В связи с чем полагает, что прекращение уголовного дела в отношении М. Е. В. за примирением сторон является несправедливым и не отвечает целям и задачам уголовного наказания и исправления виновной.

В данном случае мы полностью солидарны с позицией вышестоящего суда и считаем, что уголовные дела по преступлениях, предусмотренных ст. 106 УК РФ, не должны прекращаться за примирением сторон, поскольку они затрагивают важные публичные интересы.

Неоднозначным является вопрос о возможности прекращения в связи с примирением сторон дел о преступлениях небольшой или средней тяжести в случаях, когда потерпевшим признан близкий родственник и (или) близкое лицо или иной родственник умершего пострадавшего.

Применительно к преступлениям, последствием которых стала смерть лица (нескольких лиц), а потерпевшим выступает близкий родственник и (или) близкое лицо, родственник, стоит признать обоснованным подход, согласно которому право примириться с лицом, совершившим преступление, является неотделимым от личности потерпевшего и не подлежит преемству [2, с. 233]. Действия подсудимого по компенсации морального вреда родственникам умершего не могут восстановить нарушенное право на жизнь потерпевшего, а значит и загладить причиненный им вред. Соответствующие меры должны быть учтены судом только как обстоятельство, смягчающее подсудимому наказание [3, с. 319]. При этом близкий родственник умершего и иные лица, допущенные к участию в уголовном деле, не могут приобрести права на примирение независимо от того, явилась ли смерть потерпевшего результатом преступления или нет [4, с. 512]. Представляется, аналогичный подход применим и к делам, в которых непосредственно пострадавший в силу психических или психологических причин не осознает происходящего и не может сам примириться с обвиняемым.

[1] Апелляционное постановление № 22-2020/2019 от 28 октября 2019 г. по делу № 22-2020/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/gVkUe3Oyj1LZ/ (дата обращения: 15.01.2022).

Вызывающим большие споры в юридической науке и правоохранительной практике является вопрос о возможности прекращения в связи с примирением сторон уголовных дел, в которых потерпевшим является представитель власти.

Например, А. П. Анисимов отмечает, что не подлежат прекращению за примирением сторон уголовные дела о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка или против государственной власти, так как примирение с потерпевшим по делам о преступлениях против правосудия противоречит смыслу закона, защищающего от преступного посягательства интересы государственной власти. Пострадавшему от преступных действий физическому лицу в данном случае вред причиняется исключительно потому, что это лицо является представителем власти и исполняет определенные служебные обязанности. Следовательно, его волеизъявление о прекращении дела в связи с примирением с обвиняемым не имеет правового значения [5, с. 43].

Следует согласиться с С. Д. Захарчуком, что в указанных случаях невозможно достичь примирения с основным объектом. Более того, примирение с потерпевшим не устраняет вред, нанесенный основному объекту преступного посягательства, а значит, преступление в целом не теряет своей общественной опасности, и уголовное дело в отношении лица, его совершившего, не может быть прекращено [6, с. 167].

Кроме того, прекращение таких уголовных дел подрывает авторитет власти. Не секрет, что отдельными лицами, склонными к совершению преступлений, возможность примирения с потерпевшим-представителем власти рассматривается как способ избежать уголовной ответственности, и соответственно, не является фактором, сдерживающим от совершения преступления против представителя власти. Между тем, в практической деятельности случаи прекращения таких уголовных дел не редки[1].

Представляется, что по делам о таких преступлениях, примирение с потерпевшим, извинение, заглаживание причиненного вреда могут выступать лишь смягчающими вину обстоятельствами.

Затрагивающими в большей степени общественные или государственные интересы являются преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ), преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (глава 23 УК РФ), преступления против общественной безопасности и общественного порядка (раздел IX УК РФ), преступления против государственной власти (раздел X УК РФ), преступления против военной службы (раздел XI УК РФ), преступления против мира и безопасности человечества (раздел XII УК РФ).

Таким образом, по многим делам о преступлениях небольшой или средней тяжести не может применяться такое основание освобождения от уголовной ответственности, как примирение сторон, в связи с тем, что они в большей степени затрагивают интересы общества и государства, или непосредственный пострадавший умер или по иным причинам не способен выразить собственное волеизъявление.

В связи с этим в юридической литературе высказываются мнения об ограничении сферы действия ст. 25 УПК РФ отдельными главами УК РФ [7, с. 60].

Однако жизнь показывает, что по некоторым из преступлений, в которых основным объектом преступления выступают интересы общества, возможность прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон востребована. Так, достаточно часто в связи с примирением сторон прекращаются уголовные дела о дорожно-транспортных преступлениях.

Так, органом предварительного расследования гражданин Т. К. Г. обвинялся в нарушении лицом, управляющим автомобилем, Правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, если оно совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения, то есть по п. «а» ч. 2 ст. 264 УК РФ, совершенном 10 ноября 2019 года. Постановлением Калининского районного

[1] Постановление № 1-132/2020 от 23 сентября 2020 г. по делу № 1-132/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/w0v3iIo4TUUq/ (дата обращения: 15.01.2022).

суда города Тюмени от 12 мая 2020 года уголовное дело и уголовное преследование в отношении гражданина Т. К. Г. прекращено по основанию, предусмотренному ст. 25 УПК РФ, в связи с примирением сторон. Апелляционным постановлением Тюменского областного суда от 07 июля 2020 года данное постановление отменено в связи с тем, что цели уголовного преследования и уголовного наказания не достигнуты[1].

Практика свидетельствует о том, что для многих потерпевших по делам этой категории, главным является вопрос о возмещении ущерба. Между обвиняемым и потерпевшим по данным преступлениям, как правило, нет межличностного конфликта, поэтому у потерпевшего отсутствует желание наказать виновное лицо. Очень часто обвиняемыми и потерпевшими по таким делам выступают родственники, близкие или знакомые лица, например, когда обвиняемым привлекается водитель, а потерпевшими являются пассажиры, члены его же семьи.

Согласно положений п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 декабря 2008 года № 25 (в редакции от 24.05.2016)[2] «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», прекращение уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 264 УК РФ при принятии решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением лица, совершившего преступление, с потерпевшим, суду надлежит всесторонне исследовать характер и степень общественной опасности содеянного, данные о личности подсудимого, иные обстоятельства дела. Кроме того, принимая решение, следует оценить, соответствует ли оно целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства.

Под категории преступлений небольшой и средней тяжести подпадают преступления, предусмотренные ч. 1–3, 5 ст. 264 УК РФ. При этом последствием преступлений, предусмотренных ч. 3 и 5 ст. 264 УК РФ является смерть одного или более лиц. Примеры прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон по таким делам неоднократно приводились в литературе, в связи с чем многими авторами предлагается законодательно запретить возможность прекращения уголовных в связи с примирением сторон при совершении ДТП с одним [8, с. 55] или двумя погибшими [9, с. 64]. Одним из аргументов, в частности, приводится то, что сам пострадавший от преступления погиб, а близкие родственники не имеют право на примирение [3, с. 315].

Таким образом, практика показывает, что предлагаемые авторами ограничения круга дел небольшой и средней тяжести, по которым возможно прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон, отдельными главами УК РФ не является достаточным, чтобы установить единообразную практику применения закона и исключить излишне широкое толкование закона.

Кроме того, следует отметить, что круг преступлений небольшой и средней тяжести не является стабильным. При внесении в УК РФ изменений, связанных с криминализацией отдельных деяний или изменением санкций по отдельным составам преступлений, автоматически меняется и круг деяний, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон.

Поскольку формально закон не запрещает прекращать в связи с примирением сторон уголовные дела, затрагивающие публичные интересы, складывается ситуация, когда в зависимости от правопонимания конкретного правоприменителя зависит то, будет ли прекращено конкретное дело при наличия такого основания как примирение

[1] Апелляционное постановление № 22-1250/2020 от 7 июля 2020 г. по делу № 1-244/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/EHKyCSBXMjUx/ (дата обращения: 15.01.2022).

[2] О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008. № 25 (ред. от 24.05.2016). URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8156/ (дата обращения: 15.01.2022).

сторон. Такое положение дел представляется неприемлемым. Закон хоть и должен допускать усмотрение судьи или иного уполномоченного лица, тем не менее его границы должны быть достаточно четко определены, для единообразного применения закона.

С другой стороны, в юридической литературе и судебной практике нередко возникает вопрос о возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон по некоторым тяжким преступлениям [10, с. 13].

Одним из актуальных вопросов, касающихся значения примирения сторон, остается проблема допущения примирения по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Еще в советский период высказывались мнения как «за» возможность прекращения в связи с примирением сторон уголовных дел об изнасилованиях [11, с. 22], так и против [12, с. 23].

Изучение практики примирения сторон по делам об изнасилованиях показало, что отсутствие механизма примирения сторон по делам о половых преступлениях иногда приводит к тому, что, не желая привлекать виновника к ответственности и не имея возможности повлиять на дальнейший ход расследования, потерпевшие признаются в заведомо ложном доносе, а впоследствии уже эти дела прекращаются в связи с примирением сторон[1].

Действительно, специфика данных дела такова, что привлечение виновных лиц к ответственности иногда нецелесообразно ввиду налаживания отношений между потерпевшей стороной и обвиняемым, когда наказание виновного отрицательно повлияет на дальнейшие отношения между ними. Для общества в этих случаях важнее сохранение внутрисемейных отношений. Разрешение данного вопроса возможно путем законодательного отнесения наименее опасных из них к преступлениям средней тяжести или допущения такой возможности в исключительных случаях, когда лицо, совершившее какое-либо из деяний перечисленной категории, состоит в родстве или близких отношениях с потерпевшим (например, дети, супруги, родственники, родители, друзья, сослуживцы, соседи и т. д.) [13, с. 9].

В рамках действующего законодательства на стадии предварительного расследования прекратить уголовное дело о тяжком преступлении «за примирением сторон» невозможно, однако при рассмотрении уголовного дела судом такое решение может быть принято, и для этого, по мнению сторонников данной точки зрения, есть правовые основания.

Аргументы, сопровождающие данную правовую позицию, как правило, таковы.

В соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ, при наличии определяемых данной нормой закона условий, суд, назначив за совершение преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого наказание по правилам, установленным ч. 6 ст. 15 УК РФ, решает в соответствии с п. 6.1. ч. 1 ст. 299 УПК РФ вопрос о возможности изменения категории преступления по рассматриваемому делу на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию.

Как полагают отдельные правоведы, суд, изменив категорию преступления с «тяжкого» на преступление «средней тяжести», получает возможность обратиться к положениям ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ и рассмотреть вопрос о прекращении уголовного дела за примирением сторон.

Действительно, и Пленум Верховного Суда РФ[2], указывает, что изменение категории преступления на менее тяжкую улучшает правовое положение осужденного, поскольку влияет, в частности, на возможность освобождения от отбывания наказания в связи с примирением с потерпевшим (статья 76 УК РФ).

[1] Постановление № 1-126/2020 от 20 мая 2020 г. по делу № 1-126/2020 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». URL: https://sudact.ru/regular/doc/vdWVOu7oA2lV/ (дата обращения: 15.01.2022); Постановление № 1-162/2020 от 27 мая 2020 г. по делу № 1-162/2020 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации»». URL: https://sudact.ru/regular/doc/b4STSDpIgzNY/ (дата обращения: 15.01.2022).

[2] Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Рос. газ. 2018. 19 мая.

По нашему мнению, соображения сторонников подобной точки зрения в части, касающейся возможности прекращения судом уголовного дела о тяжком преступлении «за примирением сторон» посредством применения ч. 6 ст. 15 УК РФ и п. 6.1. ч. 1 ст. 299 УПК РФ, недостаточно убедительны, хотя и не лишены определенной логики. Причины уязвимости и юридической несостоятельности подобных правовых позиций состоят в следующем.

Во-первых, суд, по общему правилу, не вправе прекратить уголовное дело о тяжком преступлении «за примирением сторон». Препятствием для этого являются правовые положения ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, допускающие возможность прекращения дела «за примирением сторон» лишь по преступлениям небольшой или средней тяжести.

Во-вторых, на этапах судебного разбирательства, предшествующих удалению суда в совещательную комнату для постановления приговора, суд не вправе также рассматривать вопрос об изменении категории рассматриваемого преступления с более тяжкой на менее тяжкую в порядке, предусмотренном ч. 6 ст. 15 УК РФ. То есть не имеет принципиальной возможности сформулировать процессуальную ситуацию (путем изменения категории преступления с «тяжкого» на «средней тяжести»), создающую необходимые условия для последующего применения ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ и, соответственно, для прекращения уголовного дела «за примирением сторон».

В-третьих, суд разрешает вопрос об изменении категории преступления с более тяжкой на менее тяжкую только после удаления в совещательную комнату для постановления приговора.

При этом суду, вначале, надлежит констатировать факт виновности подсудимого в инкриминируемом ему преступлении, затем, — определить ему меру наказания и только после этого рассмотреть вопрос об изменении категории преступления с более тяжкой на менее тяжкую (ч. 1 ст. 299 УПК РФ).

Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 78, 80.1, 84, 92, 94 УК РФ, освободить осужденного от отбывания назначенного наказания. В этих случаях суд постановляет приговор, резолютивная часть которого должна, в частности, содержать решения о признании подсудимого виновным в совершении преступления, о назначении ему наказания, об изменении категории преступления на менее тяжкую с указанием измененной категории преступления, а также об освобождении от отбывания назначенного наказания (пункт 2 части 5 статьи 302 УПК РФ).

Таким образом, даже если суд изменит категорию преступления с «тяжкого» – на «средней тяжести», правовые условия для прекращения уголовного дела все равно образоваться не могут, поскольку суд уже пришел к выводу о виновности подсудимого и определил ему меру наказания, а при таком условии может состояться лишь одно процессуальное решение – постановление обвинительного приговора, но с освобождением от отбывания наказания.

В этой связи, закономерно возникает вопрос о том, чем может быть обусловлено существование мнения о возможностях суда, оперируя положениями ч. 6 ст. 15 УК РФ и п. 6.1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, сформулировать правовые условия, необходимые для прекращения «за примирением сторон» уголовного дела о тяжком преступлении.

Одной из вероятных причин может быть то, что при анализе смысла и содержания указанных выше правовых норм, нередко остаются без должного внимания: функциональная направленность данных норм закона, их соотношение с процессуальным порядком прекращения уголовного дела судом и особенностями его применения в стадии судебного разбирательства.

То есть скорее всего, остается без внимания тот факт, что юридическая предпосылка, необходимая для появления у суда потенциальной возможности прекращения «за примирением сторон» уголовного дела о тяжком преступлении (т. е. изменение

категории преступления с «тяжкого» — на «средней тяжести»), может образоваться лишь на том этапе производства по делу в суде (т.е. при постановлении приговора), на котором суд уже не обладает правом прекратить уголовное дело.

Иными словами применение данной нормы, во-первых, возможно только в судебных стадиях[1], во-вторых изменение категории преступления, и, соответственно, освобождение от отбывания наказания в связи с примирением сторон возможно только после того, как осужденному назначено наказание с учетом предусмотренных УК РФ правил назначения наказания, при условии, что вид и срок назначенного наказания отвечают требованиям ч. 6 ст. 15 УК РФ[2]. Соответственно, данная норма не предоставляет возможность освобождать от уголовной ответственности в связи с примирением сторон по делам о тяжких преступлениях на стадии предварительного расследования [14, с. 118].

Таким образом, указание в законе на возможность прекращения уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести не является тем достаточным критерием, который бы чётко определял круг уголовно-наказуемых деяний, окончание которых возможно в связи с примирением сторон.

В этой связи в юридической литературе высказывается мнение, что освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон должно допускаться только по составам преступлений, затрагивающим права и законные интересы отдельных лиц (объект преступления — общественные отношения, обеспечивающие интересы личности) [7, с. 60].

Н. В. Артеменко и А. М. Минькова также указывают, что примирение возможно, когда преступное посягательство осуществляется на интересы, находящиеся в частной сфере. По мнению авторов, невозможно освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, когда в качестве основного и единственного объекта преступления выступают интересы общества и государства [15, с. 50].

Схожей позиции придерживаются Е. В. Смахтин и А. А. Ларионова. По их мнению, прекращены могут быть только такие дела, по которым имеется потерпевший и преступные действия совершены непосредственно против него и его прав. В тех случаях, когда преступное посягательство обращено на иной защищаемый законом объект, по роду которого указанные преступления расположены в соответствующих главах УК РФ, а потерпевший выступает лишь как дополнительный объект этого посягательства, примирение с потерпевшим не устраняет вред, нанесенный основному объекту преступного посягательства [16, с. 207].

Соглашаясь с принципиальным подходом по данному вопросу отметим, что данного предложения также недостаточно для формулирования законодательных изменений.

Более определенно по этому вопросу высказывается Л. Н. Лянго, предлагающая ограничить ст. 25 УПК РФ случаями, когда преступление причинило вред или создавало реальную угрозу причинения вреда исключительно интересам потерпевшего [17, с. 79].

Но может ли наличие в деле потерпевшего быть критерием возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон? Потерпевшим в соответствии со ст. 42 УПК РФ может быть и юридическое лицо.

Возможно ли примирение сторон по уголовным делам, по которым потерпевшим выступает юридическое лицо? Ведь фактически по таким преступлениям вред причиняется не частным, а корпоративным интересам. В гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном законодательстве заключение мирового соглашения, где одна или обе стороны представлены юридическими лицами, выступает одним из вариантов разрешения дела. Применяя аналогию закона можно заключить, что и по таким делам возможно прекращение уголовного дела на основании ст. 25 УПК РФ.

[1] Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Рос. газ. 2018. 19 мая.

[2] Там же. п. 6.

Хотя, говоря о характере примирения сторон, нельзя не заметить существенную разницу в примирении сторон между физическими и между юридическими лицами. Если между физическими лицами примирение сторон носит межличностный характер, означает какую-то степень улучшения отношений между людьми, то между юридическими лицами оно больше формализовано, как правило носит характер сделки.

Однако представляется, что с юридической точки зрения разница в характере примирения сторон между физическими или юридическими лицами не должна иметь значение.

Ряд авторов в толковании данных норм закона идут дальше, и считают, что прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон должно применяться шире, в том числе и по делам об экологических преступлениях, и других, а потерпевшей стороной в таких случаях должны выступать представители государственных органов [18, с. 234].

Не отрицая в принципе возможности применения альтернативных форм разрешения таких уголовных дел, считаем, что при наличии соответствующих условий данные дела должны прекращаться не на основании примирения сторон, а по другим основаниям, например, в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ, ст. 28.1 УПК РФ) или с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ).

Таким образом, само по себе наличие или отсутствие в деле потерпевшей стороны не является достаточным критерием для определения того, можно ли в данном деле применить такое основание прекращения уголовного дела как примирение сторон.

Представляется, что разрешение всех поставленных вопросов возможно только одним путем — в ст. 25 УПК РФ необходимо перечислить все составы преступлений, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон независимо от того кто выступает потерпевшим и обвиняемым и в каких отношениях (родства или свойства) они находятся.

При этом отдельно следует перечислить тяжкие преступления, дела по которым возможно прекратить в связи с примирением сторон в исключительных случаях, когда преступления совершены в отношении своего близкого родственника, родственника, близкого лица.

Данный подход максимально конкретизирует волю законодателя по данному вопросу и будет способствовать применению данной нормы только в конкретных установленных законом случаях.

Конкретный предлагаемый перечень преступлений, по которым необходимо допустить прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон, авторы полагают сформулировать в последующих исследованиях и вынести его на дальнейшее обсуждение.

Заключение

Реформирование порядка производства по делам частного обвинения следует ограничить введением обязательного досудебного производства и не менять сущность дел частного обвинения — возбуждения уголовных дел частного обвинения только по заявлению потерпевшего (за исключением ряда случаев) и обязательности их прекращения в случае примирения сторон.

В нормативном регулировании дел частно-публичного обвинения (ч. 3 ст. 20 УПК РФ) необходимо вернуться к формулировке «…прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат, за исключением случаев, предусмотренных статьей 25 настоящего Кодекса».

Примирение сторон как основание прекращения уголовного дела должно допускаться только тогда, когда потерпевшим выступает дееспособное лицо, непосредственно пострадавшее от преступления.

Примирение сторон по делам, в которых потерпевшим является представитель власти, может выступать лишь смягчающим вину обстоятельством.

По многим делам о преступлениях небольшой или средней тяжести не может применяться такое основание освобождения от уголовной ответственности, как примирение сторон, в связи с тем, что они в большей степени затрагивают интересы общества и государства, или непосредственный пострадавший умер или по иным

причинам не способен выразить собственное волеизъявление.

Поэтому предлагается в ч. 1 ст. 25 УПК РФ указать все преступления, по которым возможно прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон независимо от того, кто выступает потерпевшим и обвиняемым и в каких отношениях (родства или свойства) они находятся. В круг этих дел не должны входить дела частного обвинения.

Статью 25 УПК РФ необходимо дополнить ч. 2, в которой регламентировать преступления, дела по которым возможно прекратить в связи с примирением сторон в исключительных случаях, когда преступления совершены в отношении своего близкого родственника, родственника, близкого лица.

Завершая анализ проблемы, следует отметить, что соответствующих дополнений требует и ст. 76 УК РФ.

Список источников

1. Минулин Р. М. Соотношение института примирения по делам частного и публичного обвинения // Научный вестник Тюменского юридического института МВД России: Сборник научных трудов. Выпуск 2. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2003. С. 76–79.

2. Стерлегова И. Л. Защита прав потерпевшего при применении норм о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 3. С. 233–237.

3. Патрушева А. А. Наступление смерти потерпевшего как препятствие прекращению уголовного дела в связи с примирением сторон // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 313–319.

4. Гаврилов М. А. Некоторые вопросы прекращения уголовного дела за примирение сторон в случае смерти потерпевшего // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 511–516.

5. Анисимов А. П. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон // Законность. 2009. № 10. С. 43–45.

6. Захарчук С. Д. Возможно ли примирение с представителем власти по уголовному праву России? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3. С. 164–172.

7. Шамардин А. Примирение сторон и отказ от поддержания обвинения должны утверждаться судом // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 60–61.

8. Кудряшов А. В. Примирение с потерпевшим по делам о преступлениях, повлекших по неосторожности смерть человека в результате дорожно-транспортных происшествий // Виктимология. 2017. № 4 (14). С. 53–55.

9. Королева Ю. А. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, предусмотренного ст. 264 УК РФ, в связи с примирением сторон // Научный поиск. 2014. № 2.7. С. 64–65.

10. Аликперов Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Законность. 1999. № 6. С.11–13.

11. Яни П. Возможно ли примирение по делам об изнасиловании // Социалистическая законность. 1991. № 10. С. 22–23.

12. Мыцыкова И. Примирение недопустимо // Социалистическая законность. 1991. № 10. С.23–24.

13. Ценева В. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2002. 24 с.

14. Муллахметова Н. Е. Примирение сторон при изменении судом категории преступления // Уголовное право. 2014. № 6. С. 115-118.

15. Артеменко Н. В., Минькова А. М. Спорные вопросы применения нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Российский судья. 2007. № 6. С. 48–54.

16. Смахтин Е. В., Ларионова А. А. к вопросу о примирении сторон в уголовном процессе // Вестник Пермского университета. 2013. № 1. С. 204–216.

17. Лянго Л. Н. Проблемы прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 219 с.

18. Волколуп О. В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. 267 с.

References

1. Minulin RM. Correlation of the Institute of reconciliation in cases of private and public prosecution. *Nauchnyj vestnik Tyumenskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii: Sbornik nauchnyh trudov* [Scientific Bulletin of the Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Collection of scientific papers. Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Tyumen, 2003:76-79. (In Russ.)

2. Sterlegova IL. Protection of the rights of the victim in the application of the norms on the termination of a criminal case in connection with the reconciliation of the parties. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector of Science of Togliatti State University]. 2014;(3):233–237. (In Russ.)

3. Patrusheva AA. The onset of the victim's death as an obstacle to the termination of a criminal case in connection with the reconciliation of the parties. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University of Legal Sciences]. 2020;6(1):313–319. (In Russ.)

4. Gavrilov M.A. Some issues of termination of a criminal case for reconciliation of the parties in case of death of the victim. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2018;(4):511–516.

5. Anisimov AP. Termination of a criminal case in connection with the reconciliation of the parties. *Zakonnost* [Legality]. 2009;(10):43–45. (In Russ.)

6. Zakharchuk SD. Is it possible to reconcile with a representative of the authorities in the criminal law of Russia? *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika* [Legal science and law enforcement practice]. 2018;(3):164–172. (In Russ.)

7. Shamardin A. Reconciliation of the parties and refusal to support the prosecution must be approved by the court. *Rossijskaya yusticiya* [Russian Justice]. 2001;(2):60–61.

8. Kudryashov AV. Reconciliation with the victim in cases of crimes that caused the death of a person by negligence as a result of road accidents. *Viktimologiya* [Victimology]. 2017;(4):53–55. (In Russ.)

9. KorolevaYuA. On the issue of exemption from criminal liability of a person who committed a crime under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the reconciliation of the parties. *Nauchnyj poisk* [Scientific Search]. 2014;(2.7):64–65. (In Russ.)

10. Alikperov X. Exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim. *Zakonnost* [Legality]. 1999;(6):11–13. (In Russ.)

11. Yani P. Is reconciliation possible in cases of rape. *Socialisticheskaya zakonnost'* [Socialist legality]. 1991;(10):22–23. (In Russ.)

12. Mytsykova I. Reconciliation is unacceptable. *Socialisticheskaya zakonnost'* [Socialist legality]. 1991;(10):23–24. (In Russ.)

13. Tseneva VV. *Exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim*. [abstract of dissertation]. Tomsk, 2002. (In Russ.)

14. Mullahmetova NE. Reconciliation of the parties when the court changes the category of crime. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. 2014;(6):115–118. (In Russ.)

15. Artemenko NV., Minkova AM. Controversial issues of the application of the norm on exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim. *Rossijskij sud'ya* [Russian judge]. 2007;(6):48–54. (In Russ.)

16. Smakhtin EV., Larionova AA. on the issue of reconciliation of the parties in criminal proceedings. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. 2013;(1):204–216. (In Russ.)

17. Lyango LN. *Problems of termination of a criminal case in connection with reconciliation with the victim*. [dissertation]. Volgograd, 2000. (In Russ.)

18. Volkolup OV. *The system of criminal justice and the problems of its improvement.* St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мешков Михаил Викторович кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции III класса.
933241@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-0622-573X

Минулин Руслан Мусович кандидат юридических наук, доцент, научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации.
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75.
mrm484@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-9736-9482

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail V. Meshkov Candidate of Legal Sciences, associate professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, State Adviser of Justice of the III class.
933241@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-0622-573X

Ruslan M. Minulin Candidate of Legal Sciences, associate professor, Research and editorial and publishing department; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

75 Amurskaya st., Tyumen 625049, Russia.
mrm484@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-9736-9482

ВКЛАД АВТОРОВ

Текст статьи подготовлен авторами совместно. Мешковым Михаилом Викторовичем осуществлено научное редактирование статьи. Минулиным Русланом Мусовичем оформлен текст статьи.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The text of the article was prepared jointly by the authors. Mikhail V. Meshkov carried out scientific editing of the article. Ruslan M. Minulin designed the text of the article.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

COMPETING INTERESTS

The authors declare no conflicts of interests.

Дата поступления статьи / Received: 26.01.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 05.02.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.03.2022.

V

Научная статья
УДК 343.62
DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10906

К вопросу об уголовно-правовой охране криоконсервированных человеческих эмбрионов

Юлия Викторовна Радостева
Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
la-venta@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6118-3478

Аннотация. Мир не стоит на месте. Стремительно развивающиеся технологии, с одной стороны, наглядно показывают неготовность общества и права к столь бурному развитию науки и уровню вмешательств в саму сущность человека, а с другой — отставание юридической науки и практики в оценке и осмыслении прав человека в данной области. Ярким примером этому выступают репродуктивные права человека.
Все более нарастающая тенденция в сфере вспомогательных репродуктивных технологий к криоконсервации эмбрионов человека обнажила проблему их надлежащей правовой охраны, в том числе и силами уголовно-правового принуждения. Имеющийся на сегодня пробел в уголовно-правовой оценке посягательств, направленных на недопущение возникновения новой жизни, требует соответствующего восполнения. И хотя подобного рода посягательства не причиняют непосредственно вреда жизни человека, поскольку последний еще не является рожденным, но они несомненно нарушают конституционные права потенциальных родителей, желающих родить ребенка. В связи этим автором предлагается внести в действующий уголовный закон норму, устанавливающую ответственность за умышленное уничтожение человеческих эмбрионов, предназначенных для использования в процедурах вспомогательных репродуктивных технологий, с системным размещением данной нормы в главе 19 УК РФ (Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина).
Ключевые слова: объект уголовно-правовой охраны; жизнь человека; эмбрион; уголовно-правовая охрана; преступление
Для цитирования: Радостева Ю. В. К вопросу об уголовно-правовой охране криоконсервированных человеческих эмбрионов // Виктимология. 2022. Т. 9, № 1. С. 63–72. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10906
Финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта № 18-29-14028 «Проект криминализации деяний в сфере исследования генома человека и других организмов».

© Ю. В. Радостева

Scientific article

On the Issue of Criminal Law Protection of Cryopreserved Human Embryos

Yulia V. Radosteva
Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
la-venta@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6118-3478

Abstract. The world does not stand still. Rapidly developing technologies, on the one hand, clearly show the unpreparedness of society and law for such a rapid development of science and the level of interventions in the very essence of man, and on the other hand, the lag in legal science and practice in assessing and understanding human rights in this area. Human reproductive rights are a clear example of this.
The growing trend in the field of assisted reproductive technologies towards cryopreservation of human embryos has exposed the problem of their proper legal protection, including by the forces of criminal law enforcement. The current gap in the criminal-legal assessment of encroachments aimed at preventing the emergence of a new life requires appropriate filling. And although such attacks do not directly harm a person's life, since the latter is not yet born, they undoubtedly violate the constitutional rights of potential parents who want to give birth to a child. In this regard, the author proposes to introduce into the current criminal law a norm establishing liability for the deliberate destruction of human embryos intended for use in assisted reproductive technologies procedures, with the systematic placement of this norm in Chapter 19 of the Criminal Code of the Russian Federation (Crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen).
Keywords: object of criminal law protection; human life; embryo; criminal law protection; the crime
For citation: Radosteva Yu. V. On the Issue of Criminal Law Protection of Cryopreserved Human Embryos. Viktimologiya [Victimology]. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 63-72. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10906 (In Russ.)
Funding: The research has been funded by the Russian Foundation for Basic Research within Grant No. 18-29-14028 A Project of Criminalizing Acts in Researching the Human Genome and Other Organisms.

Введение

С момента рождения первого ребенка, зачатого in vitro, прошло уже более сорока лет. За это время стремительное развитие биомедицины сделало обыденным то, что еще несколько десятков лет назад считалось скорее медицинским чудом. Так, например, развитие вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) позволило получать большое количество эмбрионов надлежащего качества. При этом с совершенствованием методов ВРТ число переносимых в полость матки эмбрионов постепенно снижалось: от всех имеющихся на день переноса эмбрионов до одного или двух.

По результатам мониторинга за ВРТ европейским обществом по репродукции человека и эмбриологии (European IVF monitoring of European Society of Human Reproduction and Embryology — EIM ESHRE), во многих европейских странах активно внедряется стратегия селективного переноса одного эмбриона в целях ограничения частоты многоплодных беременностей и сопутствующих им различного рода осложнений, а также для повышения достоверности выявляемых критериев качества переносимого эмбриона(ов) [24].

В Российской Федерации количество эмбрионов, переносимых в полость матки, регламентируется Приказом Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях

и ограничениях к их применению»: «перенос эмбрионов в полость матки (допускается перенос не более 2-х эмбрионов; пациенткам с отягощенным акушерским анамнезом и патологией матки показан селективный перенос 1 эмбриона)». В то время как ранее действующий Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» допускал перенос 3-го эмбриона по решению пациентки посредством дачи ей информированного добровольного согласия после предоставления полной информации лечащим врачом о высоком риске невынашивания беременности, низкой выживаемости и высоком риске инвалидности среди недоношенных детей). Кроме того, обоими документами допускается при определенных случаях использование донорских эмбрионов.

В связи с этим соответственно возрастает и потребность в сохранении неиспользованных человеческих эмбрионов, которые либо могут быть использованы в случае неудачного переноса эмбрионов в предшествующих процедурах ВРТ, либо позднее, если родители захотят иметь еще детей, либо в процедурах донорства эмбрионов. Таким образом, криоконсервация человеческих эмбрионов является одним из возможных альтернативных вариантов их использования.

Современные банки репродуктивных клеток и медицинские центры репродуктологии широко используют технологию сверхбыстрой заморозки — витрификацию, а криохранилища позволяют сохранять эмбрионы фактически не ограниченное время, после оттаивания эмбрион полностью сохраняет свои качества до заморозки. Из этого можно заключить, что наука и биомедицина сделали все для физического сохранения эмбрионов, чего не скажешь об их надлежащей правовой охране. Вопросы уголовно-правовой оценки посягательств на криоконсервированные человеческие эмбрионы более чем дискуссионны.

К числу наиболее спорных из них относится проблема квалификации умышленного уничтожения криоконсервированных человеческих эмбрионов, как некоего возможного варианта «убийства» будущей жизни, напрямую соприкасающаяся с вопросом начала уголовно-правовой охраны самой жизни, решение которого предопределено самим объектом этой охраны.

И здесь обращает на себя внимание наименование раздела VII Уголовного кодекса РФ (далее по тексту УК РФ) «Преступления против личности», включающего в себя различного рода посягательства на человека, что является свидетельством различения законодателем уголовно-правовой охраны человека и любой иной живой субстанции.

1. Дискуссии в вопросе начала уголовно-правовой охраны жизни

Как это точно было замечено представителем уральской школы уголовного права, профессором, доктором юридических наук М. И. Ковалевым, длительное время возглавлявшим кафедру уголовного права и криминологии Свердловского юридического института, дискуссии вокруг начала уголовно-правовой охраны жизни заключены прежде всего в «констатации ее наличия или окончания, установлении момента ее начала и конца» [3, с. 30]. С этой позиции жизнь человека хронологически защищается от различного рода посягательств с момента рождения до момента смерти. В этих же границах, соответственно, охраняется и право на здоровье личности.

Однако за все время существования человечества не только не сложилось общего понимания этих моментов, наоборот, на фоне возможностей современной перинатальной медицины, а также возможных прорывных открытий в области разработки искусственных сред, обеспечивающих пренатальное развитие плода, дискуссионность в этой сфере только нарастает.

Несмотря на явную поливариативность мнений по данной проблематике, большинством правоведов начало жизни автоматически связывается с началом ее уголовно-правовой охраны. Однако не решенным при этом является вопрос относительно того, с какой позиции необходимо подходить к определению начала жизни: как к процессу или как к состоянию. Теоретическая

значимость этого вопроса во многом предопределит и подход к разрешению проблемы установления ее начала, длительное время являющейся «камнем преткновения» и поводом для многочисленных дискуссий, условно делимых на две группы.

Первая группа связывает начало жизни и, соответственно, начало ее уголовно-правовой охраны с собственно процессом рождения. Вторая акцентирует внимание на том или ином состоянии: появлении любой части тела, первом самостоятельном вздохе, первом крике, перерезании пуповины, началом самостоятельной внеутробной жизни и т. д.

Так, по мнению А. А. Пионтковского «наиболее правильно, с точки зрения правосознания, охранять законом жизнь человека уже в самом процессе рождения. Поэтому следует рассматривать как детоубийство не только убийство новорожденного после отделения плода от утробы матери и начала самостоятельной жизни ребенка, но и убийство, совершенное во время родов, когда рождающийся ребенок еще не начал самостоятельной внеутробной жизни (например, нанесение смертельной раны в голову рождающемуся ребенку до того момента, когда он начнет дышать» [7, с. 479].

Этой же позиции придерживался и С. В. Бородин, считавший, что «жизнь человека начинается с момента начала родов и заканчивается смертью. Началом жизни считается появление плода во время родов, поэтому лишение жизни человека в этот момент и позднее рассматривается как убийство. Посягательство на жизнь человеческого плода до начала родов не образует убийства» [14, с. 126].

Г. Н. Борзенков считал, что «в принципе возможно убийство ребенка, выходящего из утробы матери, в момент прорезывания его головки» [2, с. 19].

С моментом начала родов связывал начало жизни и Л. Д. Гаухман [19, с. 38]. Начало физиологических родов, как начало жизни человека считали Н. И. Загородников [6, с. 35], А. С. Михлин [18, с. 27] и др. в подтверждение указывая, что этот момент свидетельствует о том, что плод достаточно созрел и приобрел все необходимые качества для внеутробной жизни.

Сторонников данной позиции можно найти и среди представителей дореволюционного уголовного права. Достаточно вспомнить работу М. М. Боротвинова «Детоубийство в уголовном праве» [1, с. 17], в которой при разграничении детоубийства от умерщвления плода ученым анализировались следующие подходы «Согласно одному мнению, защищаемому, между прочим германским имперским судом, с момента начала родового акта младенец должен рассматриваться не как зародыш или плод, а как человек, и лишение его жизни должно быть признаваемо убийством. Другое мнение обращает внимание не столько на время причинения повреждения, сколько на то, где последовало приложение силы — в утробе или вне утробы, и на этом основании относить к истреблению плода умерщвление его хотя бы и во время родов, после начавшихся родовых мук, но такими действиями (наложением щипцов, разрезыванием), которые прекращают его жизнь еще в утробе матери, к детоубийству — умерщвление действиями внеутробными, как, например, раздроблением головки, уже показавшейся из влагалища, задушением во время родов и т. п. Наконец, третье, господствующее и, казалось бы, наиболее правильное мнение — ставить признаком разграничения различия жизни несамостоятельной, утробной, от самостоятельной — внеутробной, характеризующейся главным образом началом дыхания. С точки зрения этого последнего мнения, следует признавать детоубийством, а не истреблением плода: 1) умерщвление младенца ранее окончания родового акта, еще не отделившегося от утробы, но уже начавшего дышать, и 2) умерщвление младенца, хотя бы и не начавшего дышать, если с отрезанием или оторванием пуповины прекратилась его связь с организмом матери. Второе в большинстве случаев мнение требует, однако, одной оговорки. В тех хотя и редких, но, по свидетельству медицинской науки, встречающихся случаях, когда начало дыхания совпадает с началом родового акта или даже предшествует ему лишение жизни ребенка до выхода наружу предлежащей части должно быть признаваемо не детоубийством, а умерщвлением плода».

Начало жизни человека с появлением из утробы матери какой-либо части тела ребенка, соответственно, изменение статуса «плод человека» на понятие «ребенок», отстаивал В. Д. Набоков [11, с. 5]. Поддерживал его спустя почти два десятка лет А. А. Жижиленко [5, с. 7].

Однако при столь весомой научной поддержке и представителей подхода, четко разграничивающего плод, как часть тела матери, и человека, отделенного от тела матери посредством родов, не меньше.

Так еще в 19 веке один из основателей немецкой классической школы уголовного права Пауль Йоханн Анзельм фон Фейербах рассматривая вопросы детоубийства, в качестве его признака выделял наличие жизни младенца после рождения и применительно к критерию способности его к жизни указывал, т. е. когда «младенец получил уже жизнь и члены, то есть живой членоустроенный младенец» [20, с. 75].

Альберт Фридрих Бернер под влиянием римского права указывал, что «эмбрион — часть матери, подобно как плоды — части дерева, и плод человеческий, не отделившийся от матери, существом самостоятельным признать нельзя» [16, с. 113].

Мнение австрийского и немецкого юриста Франца фон Листа о том, что «самостоятельное существование начинается с прекращением плацентарного дыхания и наступлением дыхания через легкие» [10, с. 5], также легло в основу многочисленных концепций уголовно-правовой охраны жизни, в том числе и благодаря развитию медицины. Так было установлено, что пока легочная ткань плода окончательно не сформировалась, процесс дыхания сначала происходит благодаря активной работе плаценты (примерно до 34–36 недели), однако затем, несмотря на то, что, начиная с 37-й недели легкие начинают разрабатываться, при дыхательных движениях плода они все же не расширяются. Соответственно, первый полноценный вдох происходит с рождением ребенка и сопровождается криком.

В числе сторонников данной позиции можно назвать одного из крупнейших отечественных криминалистов И. Я. Фойницкого, связывавшего начало жизни ребенка с моментом его отделения от чрева матери и начала самостоятельного дыхания [21, с. 18].

С началом дыхания и отделением пуповины связано было начало жизни у М. Д. Шаргородского [23, с. 59]. По мнению еще одного представителя уральской школы уголовного права Н. К. Семерневой со ссылками на достижения медицины жизнь также связывается с процессом родов «начинающегося прорезыванием головки ребенка, выходящего из утробы матери, и заканчивающийся отделением ребенка от тела и первым самостоятельным вздохом [12, с. 28]. Этого же мнения, связывающего первый вдох ребенка с моментом начала его жизни, говорит и Н. Г. Иванов [17, с. 38].

Несколько иного мнения придерживался еще один видный представитель дореволюционной отечественной школы уголовного права профессор Н. С. Таганцев, не связывавший начало жизни с дыханием и считавший, что такая позиция «не соответствует как теоретическому учению уголовного права о составе убийства, так и медицинской науке, и практике… Еще в прошлом веке повивальные бабки нередко «оживляли» бездыханного ребенка легким шлепком по ягодицам». В связи с этим началом жизни ребенка предлагал считать«отделение плода от организма матери, свидетельствующее о начале самостоятельной, внеутробной жизни» [15, с. 25–31].

Принимая во внимание, что одним из главных показателей жизнеспособности эмбриона является его сердцебиение, ряд авторов также учитывают его при определении состояния начала жизни. Так, С. Бояров начальным моментом жизни человека считает момент появления из организма роженицы части тела младенца, имеющего сердцебиение. Наличие или отсутствие дыхания может не определять первые моменты жизни. Сердцебиение же определяется задолго до рождения (авт.: начиная с пятой недели беременности, врач, проводящий ультразвуковую диагностику, отчетливо слышит сердцебиение плода) [3, с. 13–14].

Напротив, Р. Д. Шарапов за основу берет качественно иную характеристику и связывает начало уголовно-правовой охраны

жизни и здоровья с моментом начала жизни мозга: «…юридически жизнь человека есть жизнь мозга, и начало жизни мозга означает начало жизни человека. Следовательно, с правовых позиций начальная граница жизни человека на сегодняшний день как минимум должна связываться с появлением оформившейся массы мозговых клеток (рождением головного мозга), делающих плод жизнеспособным. А это происходит еще в материнской утробе задолго до рождения самого ребенка (к пятому месяцу беременности)» [22, с. 75].

Однако рядом ученых хронологические рамки жизни переносятся на еще более раннюю стадию, связывающую человеческую жизнь с самым ранним моментом — моментом зачатия. Так, А. Н. Попов считает, что человеческая жизнь начинается практически с момента зачатия, следовательно, и уголовно-правовая охрана жизни должна осуществляться с этого момента [13, с. 34]. Согласен с ним Л. Н. Линик [8, с. 23; 9, с. 16].

Таким образом, очевидна поливариативность представителей научного сообщества в вопросе начала уголовно-правовой охраны жизни, что вынуждает обратиться к имеющемуся нормативному материалу.

2. Нормативно-правовое регулирование момента начала жизни человека

Хронологически выстраивая границы возникновения жизни человека, можно выделить формирование и развитие человеческого зародыша, проходящего в своем внутриутробном развитии три стадии: проэмбрион (14 дней с момента зачатия); собственно эмбрион (8 недель с момента зачатия); плод (от 8 недель до момента рождения), и рождение человека.

Ст. 2 Федерального закона от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» определяет эмбрион человека как зародыш человека на стадии развития до восьми недель, что также соответствует медицинским критериям периодов зародышевого развития человека.

Соответственно, жизнь человека, а не его зародыша, будучи одним из объектов уголовно-правовой охраны, хронологически охраняется в пределах с момента рождения до момента смерти.

Ч. 1 ст. 53 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» законодатель впервые нормативно определил момент рождения ребенка, связав его с моментом отделения плода от организма матери посредством родов.

Тем самым законодателем был фактически определен, как момент начала жизни, так и момент начала ее уголовно-правовой охраны. И даже указание законодателем в диспозиции ст. 106 УК РФ на возможность убийства матерью новорожденного ребенка во время родов не меняет этого.

В современной медицине роды рассматриваются как сложный многоэтапный процесс, не заканчивающийся изгнанием плода. Третий период родов — последовый начинается после полного рождения плода и заканчивается изгнанием последа (плаценты, плодных оболочек и пуповины) из половых путей роженицы. Именно в этот момент уже существует объект уголовно-правовой охраны, хотя сам процесс родов еще не завершен, и именно в этот момент возможно совершение указанного преступления.

Иное толкование фактически нивелирует само значение объекта посягательства как элемента состава преступления. Нельзя ставить знак равенства в посягательстве на реальный объект и посягательстве на несуществующий, но потенциально возможный будущий объект, по аналогии с охраной будущей вещи в гражданском праве.

Соответственно, с этих позиций имеющийся механизм уголовно-правовой охраны жизни из системного выделения законодателем родового объекта посягательств — личность, и видового — жизнь и здоровье человека, не позволяет распространить границы такой охраны и на эмбрионы человека.

3. Уголовно-правовая охрана криоконсервированных эмбрионов

Несмотря на вышеизложенное, принимая во внимание значимость самого плода человека, как предпосылку и гарантию возможности возникновения будущей жизни человека, становится очевидным необходимость создания специального

уголовно-правового механизма охраны эмбрионов, прежде всего от умышленных посягательств, имеющих целью их уничтожение. И здесь вновь возникает вопрос относительно объекта уголовно-правовой охраны и соответствующего системного размещения нормы, устанавливающей ответственность за умышленное уничтожение криоконсервированных эмбрионов.

Учитывая систему уже имеющихся в действующем уголовном законе объектов уголовно-правовой охраны, бесспорно, можно заключить, что умышленные действия, направленные на причинение вреда эмбриону, вплоть до его физического уничтожения, причиняют вред конституционным правам его несостоявшихся родителей, прежде в части реализации ими права на рождение ребенка. Поскольку целью любой криоконсервации человеческих эмбрионов является их сохранение для дальнейшего использования в процедурах ВРТ и рождения ребенка, то противоправное уничтожение любых криоконсервированных эмбрионов, в том числе и донорских, ограничивает права людей, желающих родить ребенка. Соответственно, считаем необходимым в главе 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» разместить специальную норму, устанавливающую ответственность за умышленное уничтожение человеческих эмбрионов, предназначенных для использования в процедурах ВРТ.

Заключение

Подводя итоги сказанному, заметим, что в системе объектов уголовно-правовой охраны на первое место поставлена жизнь человека. При этом нормативное определение момента рождения человека в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», не только фактически предопределило нормативные рамки охраны такой жизни, но и создало пробельность в уголовно-правовой охране жизни на стадии зародышевого развития, отсутствие которой нельзя признать удовлетворительной.

Умышленные посягательства, направленные на причинение вреда человеческим эмбрионам, предназначенным для использования в процедурах ВРТ, вплоть до их физического уничтожения, не только не отвечают интересам общества в целом, нивелируют значимость самой жизни и негативно сказываются на нравственности членов этого общества, но и ущемляют конституционные права несостоявшихся родителей, прежде в части реализации ими права на рождение ребенка.

В связи с этим предлагается установление самостоятельной уголовной ответственности за умышленное уничтожение человеческих эмбрионов, предназначенных для использования в процедурах ВРТ, с системным размещением данной нормы в гл. 19 УК РФ.

Список источников

1. Боровитинов М. М. Детоубийство в уголовном праве. Санкт-Петербург, 1905. 29 с.

2. Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья : учебно-практическое пособие. Москва, 2005. 144 с.

3. Бояров С. Проблемы определения начала жизни человека в уголовном праве // Уголовное право. 2004. № 4. С. 13–14.

4. Генетические исследования: законодательство и уголовная политика : коллективная монография / под. ред. И. Я. Козаченко, Д. Н. Сергеева. Екатеринбург, 2019. 268 с.

5. Жижиленко А. А. Преступления против личности. Москва, 1927. 140 с.

6. Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. Москва, 1961. 278 с.

7. Кригер Г. Л., Пионтковский А. А., Ромашкин П. С. Курс советского уголовного права: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления. В 6-ти томах. Т. 5. Часть особенная. Москва : Наука, 1971. 572 с.

8. Линик Л. Н. Конституционное право на жизнь: введение в теорию. Чебоксары, 2005. 157 с.

9. Линик Л. Н. Конституционное право граждан РФ на жизнь : автореф. дис. … канд. юр. наук. Москва, 1993. 21 с.

10. Фон Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. Пер.: Ф. Ельяшевич. Москва, 1905. 427 с.

11. Набоков В. Д. Элементарный учебник особенной части русского уголовного права. Санкт-Петербург, 1903. 219 с.

12. Новое уголовное право России : учебное пособие. Особенная часть / Г. Н. Борзенков [и др.] ; под ред. Н. Ф. Кузнецова. Москва, 1999. 391 с.

13. Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. Санкт-Петербург, 2001. 465 с.

14. Советское уголовное право. Часть Особенная : учебник / С. В. Бородин [и др.] ; под ред. М. И. Ковалева. Москва, 1983. 480 с.

15. Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Санкт-Петербург, 1870. 466 с.

16. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Части общ. и особ. В 2 т. Т. 2. Часть особенная ; С прим., прил. и доп. по истории рус. права и законодательству положительному магистра уголов. права Н. Неклюдова ; Пер. и изд. Н. Неклюдова. С.-Петербург, 1867. 364 с.

17. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Н. И. Ветрова и Ю. И. Ляпунова. Москва, 1998.

18. Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. В. И. Радченко. Москва, 2004. 704 с.

19. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. 2-е изд., доп. и перераб. Москва, 2005. 839 с.

20. Фейербах П. А. Уголовное право. Кн. 2 : Содержащая положительную и Особенную часть уголовного права : с приложением Российских уголовных законов, к каждому преступлению порознь относящихся. Санктпетербург : Типография Государственной коммерц-коллегии, 1811. 329 с.

21. Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Санкт-Петербург, 1901.

22. Шарапов Р. Д. Начало уголовно-правовой охраны жизни человека: опыт юридического анализа // Уголовное право. 2005. № 1. С. 75–77.

23. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. Москва, 1947. 511 с.

24. Ferraretti A. P., Goossens V., Kupka M., Bhattacharya S., de Mouzon J., Castilla J. A., Erb K., Korsak V., Nyboe A. A. et al. Assisted reproductive technology in Europe, 2009: results generated from European registers by ESHRE. *Human Reproduction*. 2013, vol. 28, no. 9 pp. 2318–2331. Available at: https://paperity.org/p/41642021/assisted-reproductive-technology-in-europe-2009-results-generated-from-european-registers (accessed: 20 Jan 2022).

References

1. Borovitinov MM. *Infanticide in the Criminal Law*. St. Petersburg; 1905. (In Russ.)

2. Borzenkov GN. *Qualification of crimes against life and health: educational and practical manual*. Moscow; 2005. (In Russ.)

3. Boyarov S. Problems of determining the beginning of human life in criminal law. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. 2004;(4):13–14. (In Russ.)

4. Kozachenko IYa, Sergeev DN editors. *Genetic studies: legislation and criminal policy: collective*: monograph. Ekaterinburg; 2019. (In Russ.)

5. Zhizhilenko AA. *Crimes against the person*. Moscow, 1927. (In Russ.)

6. Zagorodnikov NI. *Crimes against life under the Soviet criminal law*. Moscow; 1961. (In Russ.)

7. Krieger GL, Piontkovsky AA, Romashkin PS. *Course of Soviet Criminal Law: Crimes against a Person and Her Rights. Economic Crimes*. In 6 volumes: Part Special. Vol. 5. Moscow: Nauka; 1971. (In Russ.)

8. Linik LN. *Constitutional right to life: introduction to the theory*. Cheboksary; 2005. (In Russ.)

9. Linik LN. *Constitutional right of citizens of the Russian Federation to life*: [abstract of dissertation]. Moscow; 1993. (In Russ.)

10. Von List F. *Textbook of criminal law. Special Part.* Trans.: F. Eliashevich. Moscow; 1905. (In Russ.)

11. Nabokov VD. *Elementary textbook of the Special Part of the Russian criminal law*. St. Petersburg; 1903. (In Russ.)

12. Borzenkov GN, Borodin SV, Volzhenkin BV, Komissarov VS et al. Kuznetsov NF editors. *New criminal law of Russia*. Textbook. Special part. Moscow; 1999. (In Russ.)

13. Popov AN. *Crimes against the person under mitigating circumstances*. St. Petersburg; 2001. (In Russ.)

14. Borodin SV, Voronin YuA, Galiakbarov RR, Zagorodnikov NI, et al. Kovalev MI editors. *Soviet Criminal Law. Part Special*. Textbook. Moscow; 1983. (In Russ.)

15. Tagantsev NS. *On crimes against life under Russian law.* St. Petersburg; 1870. (In Russ.)

16. Neklyudov N editors. *Textbook of criminal law: Parts: general and special.* Textbook of Criminal Law: Parts: General and Special / [Op. by] AF Berner; with appendices and additions on the history of Russian law and legislation of the positive master of criminal law N. Neklyudov. Vol. 2. St. Petersburg; 1867. (In Russ.)

17. Vetrov NI, Lyapunov YuI editors. *Criminal Law of the Russian Federation. Special Part*. Textbook. Moscow; 1998. (In Russ.)

18. Radchenko VI *Criminal Law. Special Part*. Textbook. Moscow; 2004. (In Russ.)

19. *Criminal Law of the Russian Federation. Special Part*. 2nd ed. Moscow, 2005. (In Russ.)

20. Feuerbach PA. *Criminal Law. Book 2: Containing the Positive and Special Part of Criminal Law: with the Appendix of Russian Criminal Laws*, Relating to Each Crime Separately. St. Petersburg; 1811. (In Russ.)

21. Foynitsky IYa. *Course of criminal law*. St. Petersburg; 1901. (In Russ.)

22. Sharapov RD. The beginning of criminal law protection of human life: experience of legal analysis. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. 2005;(1):75–77. (In Russ.)

23. Shargorodsky MD. *Crimes against life and health*. Moscow; 1947. (In Russ.)

24. Ferraretti AP, Goossens V, Kupka M, Bhattacharya S, de Mouzon J, Castilla JA, Erb K, Korsak V, Nyboe AA. et al. Assisted reproductive technology in Europe, 2009: results generated from European registers by ESHRE. *Human Reproduction*. 2013, vol. 28, no. 9 pp. 2318–2331. Available at: https://paperity.org/p/41642021/assisted-reproductive-technology-in-europe-2009-results-generated-from-european-registers (accessed: 20 Jan 2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Радостева Юлия Викторовна кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, доцент кафедры уголовного права.

620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 23, оф. 410.

la-venta@mail.ru

https://orcid.org/0000-0001-6118-3478

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Radosteva Candidate of Law Sciences, Associate Professor. Ural State Law University, Associate Professor of the Criminal Law Department, Ural State Law University.

23 Komsomolskaya st., off 410, Yekaterinburg 620137, Russia.

la-venta@mail.ru

https://orcid.org/0000-0001-6118-3478

Дата поступления статьи / Received: 15.02.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 17.02.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.03.2022.

V ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Научная статья
УДК 343.988
DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10907

Законодательные основы прав потерпевших на возмещение имущественного вреда причиненного преступлением за рубежом

Петр Николаевич Кобец
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия
pkobets37@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-6527-3788

Аннотация. Возмещение имущественного вреда потерпевшим от преступных посягательств лицам, в настоящее время являются одним из важнейших направлений правоохранительной деятельности за рубежом. При этом важно подчеркнуть о том, что, пожалуй, самыми передовыми странами по защите прав потерпевших, считаются те, которые сложились в странах, обладающих не только давними правовыми традициями в рассматриваемой области, но также имеющие серьезные наработки и положительный опыт. В этой связи автором была поставлена цель в настоящей статье проанализировать правовые проблемы и положительный опыт возмещения имущественного вреда, потерпевшим от преступных посягательств за рубежом. В процессе исследования данного института во многих зарубежных государствах автор приходит к выводу, что в большинстве зарубежных правовых систем он достаточно хорошо развит, при этом в нашей стране, данному вопросу уделяется сравнительно меньше внимания. В отечественном законодательстве, имеется ряд отдельных норм, позволяющих получить возмещение преступного вреда, однако сфера их применения требует дальнейшего совершенствования. Положительный зарубежный опыт института прав потерпевших является необходимым фундаментом для его развития в современной российской теории права. Исследование правовых аспектов положительного зарубежного опыта в рассматриваемой области представляет не только научный интерес, его результаты могут быть использованы при дальнейшем совершенствовании отечественного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: права жертв преступлений, возмещение имущественного вреда, преступные посягательства, зарубежный опыт, имущественные требования, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, виктимология, сравнительное правоведение, предупреждение преступности

Для цитирования: Кобец П. Н. Законодательные основы прав потерпевших на возмещение имущественного вреда причиненного преступлением за рубежом // Виктимология. 2022. Т. 9, № 1. С. 73–82. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10907

© П. Н. Кобец

Scientific article

The Legal Basis of the Rights of Victims to Compensation for Property Damage Caused by a Crime Abroad

Peter N. Kobets
All-Russia Scientific-research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russia
pkobets37@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-6527-3788

Abstract. Compensation of property damage to victims of criminal offenses are currently one of the most important areas of law enforcement activities abroad. It is important to emphasize that, perhaps, the most advanced countries for the protection of victims' rights are those that have developed in the countries that have not only long-standing legal traditions in this area, but also have serious developments and positive experience. In this regard, the author has set a goal in this article to analyze the legal problems and positive experience of compensation for property damage to victims of criminal offenses abroad. In the process of researching this institute in many foreign countries, the author concludes that in most foreign legal systems it is well developed, while in our country, this issue is given relatively less attention. In domestic legislation, there are a number of individual norms that allow obtaining compensation for criminal damage, but the scope of their application requires further improvement. The positive foreign experience of the institute of victims' rights is a necessary basis for its development in the modern Russian theory of law. The study of the legal aspects of positive foreign experience in the field under consideration is not only of scientific interest, its results can be used for further improvement of domestic legislation and law enforcement practice.
Keywords: rights of crime victims, compensation for property damage, criminal assaults, foreign experience, property claims, criminal procedure, criminal procedure, victimology, comparative law, crime prevention
For citation: Kobets P. N. The Legal Basis of the Rights of Victims to Compensation for Property Damage Caused by a Crime Abroad. *Viktimologiya* [Victimology]. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 73-82. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10907 (In Russ.)

Введение

Так уж сложилось исторически, что на протяжении многих столетий уголовное правосудие во большинстве странах мира было связано с преследованием, задержанием и наказанием виновников противоправных деяний. В то время как, жертвы преступных посягательств становились только свидетелями совершенных преступлений, о которых после получения свидетельских показаний, могли совсем забыть. С годами, с развитием правовых систем государств, гражданского общества, виктимологии, отношение к потерпевшим в процессе совершенных преступлений лицам, стало меняться. Постепенно государства совершенствуя свое уголовное правосудие, стали замечать, что и в правовом статусе потерпевших лиц стали появляться дополнительные гарантии их безопасности. И сегодня в большинстве стран мира, в том числе и в нашей стране, обеспечение необходимой помощи жертвам преступных посягательств, базируется на правовых институциональных мерах, реализуемых национальными системами уголовного правосудия [9, с. 17].

Постановка проблемы

Анализ рассматриваемой проблематике в отечественной литературе, свидетельствует о постоянном интересе исследователей к правовому регулированию института возмещения преступного вреда, даже несмотря на то, что вопросы защиты жертв преступлений широко освещались в работах известных отечественных специалистов [10, с. 1728]. При этом необходимо отметить, что несмотря на детальное изучение большинства проблем по данной теме, в условиях XXI столетия

не проводилось специального комплексного научного исследования вопросов возмещения имущественного вреда, потерпевшим от преступных посягательств за рубежом.

Проблематика возмещение имущественного вреда потерпевшим, известна со времен становления римского права, когда «общими основаниями обязательных отношений были внедоговорные правонарушения и за счет их происходило формирование общих правовых оснований, возникающих у потерпевших по возмещению нанесенного ими вреда в денежном эквиваленте, в последствии данный правовой институт римского права распространился в каждой правовой системе современных стран, имея свои национальные особенности» [12, с. 677]. Сегодня в каждой демократической стране среди целей уголовного правосудия важнейшим аспектом выступает защита прав жертв преступных посягательств. Как неотъемлемых участников уголовного судопроизводства, законодатель наделил их правами и обязанностями, которые в большинстве стран обладают своими специфическими особенностями.

В условиях начала третьего десятилетия XXI столетия во многих государствах мира произошло множество изменений в сфере защиты прав жертв преступных посягательств и значительно расширился правовой статус потерпевших лиц, при этом часть вопросов требующих своего разрешения все же еще остается. И это касается не только нашей страны, в которой недостаточно эффективно функционирует институт реституции, нет фонда специально защищающего права потерпевших, а также имеется еще ряд некоторых проблемных вопросов, требующих своего разрешения. Обозначенные проблемные аспекты являются не только российскими, масса нерешенных задач в рассматриваемой сфере имеется и в других странах, но при этом они постоянно заняты реформированием процесса возмещение имущественного вреда жертвам преступлений, а также поиском и решением эффективных путей по защите их прав.

Описание исследования

В ряде уголовно-процессуальных кодексах зарубежных стран (далее — УПК) содержатся уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие порядок и способы возмещения преступного вреда [14, с. 62]. Так, например, ст. 9 УПК Исламской Республики Иран (далее — Ирана) определяет потерпевших лиц или истцов, в соответствии которой, такими субъектами уголовно-процессуальных правоотношений выступают лица, понесшие потери в следствие совершенных преступлений либо ложных обвинений[1].

Уголовно-процессуальный кодекс Объединенных Арабских Эмиратов (далее — ОАЭ) также, как и УПК Ирана имеет нормы, в соответствии с которыми определен порядок возмещения преступного вреда, а также субъекты правомочные подавать гражданские иски, которым был причинен вред. В частности, на ст. 22 УПК ОАЭ лица, которым в процессе совершения преступных посягательств причинили вред, имеет право предъявления претензий обвиняемым в этих деяниях лицам. В случае причинения вреда юридическим лицам, в соответствии с действующим законодательством, судом самостоятельно принимается решение о компенсации нанесенного ущерба[2].

Нормы УПК Королевства Саудовской Аравии (далее — Саудовской Аравии) «закрепленные в ст. 148 предоставляют право жертвам преступлений и их родственникам подавать в суд исковые заявления по защите частных прав, в независимости от размеров заявленных претензий, а на основании ст. 151 УПК Саудовской Аравии, гражданские иски подаются в суды через их администрацию, а после принятия заявлений, жертв преступлений уведомляют администрации судов»[3].

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс общественных и революционных судов Исламской Республики Иран / Ассоциация юридический центр ; научное редактирование д-ра юрид. наук, проф. Н. Г. Стойко; вступительная статья и перевод с английского П. А. Гусеновой. — Санкт-Петербург : Юридический центр, 2016. С. 23.

[2] См.: Уголовный кодекс Объединенных Арабских Эмиратов. Уголовно-процессуальный кодекс Объединенных Арабских Эмиратов / Ассоциация Юридический центр ; пер. С. Н. Осипов. — Санкт-Петербург : Юридический центр, 2015. С. 2.

[3] См.: Уголовно-процессуальный закон Королевства Саудовская Аравия / Ассоциация Юридический центр; научное редактирование д-ра юрид. наук, проф. Н. Г. Стойко ; послесловие П. А. Гусеновой, Н. Г. Стойко ; перевод с английского П. А. Гусеновой. — Санкт-Петербург : Юридический центр, 2016. С. 56.

УПК Республики Индия (далее — Индии), как и уголовно-процессуальное законодательство многих государств обеспечивает механизм расследования преступлений, задержания подозреваемых преступников, установления вины или невиновности обвиняемого и определения наказания виновных, является основным законодательством о порядке применения материального уголовного права. УПК Индии также предусматривает ряд положений по компенсированию вреда жертвам преступлений[1]. Помимо финансовых компенсаций лицам, утратившим трудоспособность в результате совершенных в отношении них противоправных действий, также членам семей погибших лиц, в Индии предоставляется право получения карт медицинского обслуживания. Владельцам таких карт предоставлена возможность получение бесплатных медицинских услуг для лечения не только травм, полученных при совершении в отношении них преступных посягательств, но различных серьезных заболеваний.

Органами власти Республики Корея сразу же на стадии расследования уголовных дел, предпринимаются специальные защитные меры в отношении жертв преступных посягательств. В частности, назначаются помощники и попечители в целях сопровождения потерпевших и оказания им всяческой поддержки. Кроме того, органами исполнительной власти оказываются специальные меры в виде прикрепления адвокатов потерпевших лиц к следственной группе, расследующей совершенное в отношении жертвы преступление. Также могут быть заключены меморандумы о взаимопомощи с обладающими большим опытом группами и ассоциациями, в целях поддержки связи с пострадавшими в процессе совершенного преступления лицами, а также предоставления им необходимой информации по уголовным делам и оказания иной необходимой помощи [2, с. 196].

В соответствии с УПК Республики Беларусь, возмещение преступного вреда осуществляется в форме гражданского иска (ст. 52), реституции (ст. 98), инициативе суда (ч. 8 ст. 149)[2]. Рассматриваемый институт только свойственные одному ему признаки. Если в процессе расследования «потерпевшим гражданский иск не предъявлялся, суд самостоятельно может решать вопросы возмещения вреда, обязанности по возмещению вреда возлагаются на обвиняемых лиц, которые принимают непосредственное участие в судебном разбирательстве и имеют возможность не только доказывания своей невиновности в причиненном ущербе, но и иные обстоятельства, освобождающие их от материальной ответственности, при этом прекращаться уголовные дела по примирению сторон могут только при рассмотрении дел частного обвинения, все остальные категории не могут быть прекращены в связи с примирением с потерпевшими» [5, с. 4].

На основании ст. 191 УПК Азербайджанской Республики (далее — Азербайджана) «в случае обвинительного приговора и решении суда о выдачи потерпевшим компенсационных выплат из средств госбюджета страны, суд обязывает осужденного возвратить в госбюджет выделенную в качестве компенсации денежную сумму, а в соответствии со ст. 188 УПК Азербайджана, в случае невозможности личного отстаивания предъявленного гражданского иска во время судебных слушаний потерпевшим от преступных посягательств лицом, в исключительных случаях по инициативе суда принимается постановление по возмещению ущерба, который понесло данное лицо»[3].

А на основании стаей 275-286 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан «гражданский иск разрешается

[1] См.: Code of Criminal Procedure, 1973 UPL: http://devgan.in/all_sections_crpc.php (дата обращения 10.10.2021).

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.05.2021 г.) URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения 10.10.2021).

[3] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.04.2021 г.) URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения 10.10.2021).

и при обвинительном приговоре, и в случае вынесения определений по применению принудительных мер медицинского характера, или неприменении таких мер в тех случаях, когда лица по совершенных ими деяний и психическому состоянию не представляют общественной опасности, суд учитывая доказанность основания и размеры иска, может удовлетворить его полностью, либо частично или отказать в нем»[1].

В соответствии с ч. 2 ст. 55 УПК Украины «лицо предъявившее заявление о совершении в отношении него противоправного деяния, с момента его подачи, обладает правами и обязанностями потерпевшего, при этом в соответствии с ч. 3. ст. 55 УПК Украины, качестве потерпевшего может быть признано лицо, не являющееся заявителем, но которому в процессе совершения уголовного правонарушения был причинен ущерб, и им в процессе уголовного производства подавалось заявление о признании его в качестве потерпевшего»[2].

В соответствии со ст. 41 УПК Французской Республики (далее — Франции) «уголовно-процессуальное законодательство позволяет процедуру возмещения преступного вреда реализовывать на стадии возбуждения уголовного дела, непосредственно через уголовно-процессуальную реституцию. Принятый в 1977 г. Закон № 77-5 О возмещении ущерба за телесный вред, причиняемый потерпевшим преступлением сделал возможным введение в УПК Франции группы правовых норма (статьи 706.3 — 706.13), которые регулируют выплату государственной компенсации жертвам преступлений» [11, с. 165]. Принятие рассматриваемых законодательных норм, позволило государству компенсировать преступный вред потерпевшим до тех пор, пока подсудимые не предстанут перед судом, которым выносится приговор не только в части вины правонарушителя, но им также принимается решение по возмещению вреда потерпевшим. В результате судебных решений, государственные органы исполнительной власти взыскивают с осужденных затраченные средства, выплаченные государством, потерпевшим при возмещении вреда. Принятый в 2000 г. Закон Об укреплении презумпции невиновности и прав потерпевшего, значительно изменил и дополнил французское уголовно-процессуальное законодательно по защите прав потерпевших.

Во Франции вопросы, связанные с защитой потерявших и свидетелей преступлений, регулирует не только уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, но также и специальные законодательные акты. В рамках положительного опыта по возмещению преступного вреда, следует упомянуть следующие законодательные акты, Закон Об усилении безопасности и защите свободы личности № 81-82 от 2 февраля 1982 г. и № 83-608 от 8 июля 1983 г. Об усилении защиты потерпевших от преступлений [6, с. 56]. В соответствии с данными законами потерпевшим от преступлений оказывается всесторонняя помощь, а также полное и своевременное государственное возмещение материальных издержек, которые понесли участники уголовного процесса. Система компенсации жертвам тяжких преступлений распространяется на всех жертв, которым был причинен физический, моральный или материальный ущерб в результате уголовного преступления. Данные законодательные акты расширили круг лиц, которые стали обладать правом получения компенсационных выплат. В соответствии с этим законом система компенсации жертвам тяжких преступлений распространяется на всех жертв, которым был причинен физический, моральный или материальный ущерб в результате уголовного преступления.

Многие зарубежные правовые порядки «предусматривают в своих системах наличие консолидированных, межотраслевых, нормативно-правовых актов, которые целевым обозом регламентируют возмещение и компенсацию жертвам преступных

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-XII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.09.2021 г.) URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101 (дата обращения 10.10.2021).

[2] См.: Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года № 4651-VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.07.2021 г.) URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения 10.10.2021).

посягательств, так например, в Соединенных Штатов Америки (далее — США) таковыми являются — Закон О защите потерпевших и свидетелей преступлений 1982 г., Закон О потерпевших от преступлений 1984 г., Закон О правах потерпевших и возмещении причиненного им вреда 1990 г., Закон О контроле над насильственными преступлениями и правоприменительной практике 1994 г., Закон О противодействии терроризму и применении смертной казни 1996 г. и др.» [3, с. 21].

В Федеративной Республике Германии (далее — ФРГ, Германии) в целях возмещения преступного вреда гораздо чаще прибегают к возможностям гражданского судопроизводства [4, с. 32]. Успешное межотраслевое взаимодействие по рассматриваемой проблематике, наглядно продемонстрировано законодательством Федеративной Республики Германии. В Уголовном уложении Германии (далее — Уголовное уложение) отсоветует понятие гражданского иска. Однако при этом в соответствии с § 46а Уголовного уложения, который называется «Компенсация исполнитель-потерпевший», виновное лицо может быть освобождено от уголовного наказания, либо наказание может быть смягчено, если потерпевший и правонарушитель согласятся на примирение сторон [13, с. 123]. При этом необходимо отметить, что важным условием, которое влияет на смягчение наказания правонарушителю, не считая в полном объеме возмещенного вреда, должно быть личное смирение. Целью рассматриваемой правой нормы является, не только поддержание интересов потрепавших лиц, но и признание исполнителя противоправных деяний своей вины и взятие на себя личной ответственности за совершенные противоправные действия. Рассматриваемая норма права стимулирует исполнителя, поскольку в соответствии с § 49 Уголовного уложения, суду дано право смягчать наказание, либо вовсе воздерживаться от его назначения. Рассматриваемая норма может применяться при совершении различных видов правонарушений, поскольку она не содержит конкретного перечня преступных деяний.

С принятием Канадского Билля о правах жертв — Canadian Victims Bill of Rights (далее — CVBR)[1], в 2015 г. были внесены поправки в другие соответствующие федеральные законы, включая Уголовный кодекс Канады[2], Канадский закон о доказательствах 1985 г.[3], и др. Кроме того, в соответствии с CBVR преступление, совершенное против жертвы, должно подпадать под действие Уголовного кодекса Канады, Закона об уголовном правосудии для молодежи или Закона о преступлениях против человечности и военных преступлениях. Эти правила также распространяются на некоторые преступления, предусмотренные Законом о контролируемых наркотиках и веществах и частями Закона об иммиграции и защите беженцев. И теперь, в результате многочисленных законодательных изменений, жертвы преступлений в Канаде могут осуществлять свои права не только пока преступление расследуется, а также и когда преступник проходит процедуру исправления или условного освобождения. Они также стали обладать правом того, чтобы их безопасность и неприкосновенность частной жизни учитывались в полном объеме, а также чтобы они имели необходимую защиту от возможной мести преступника, и чтобы их личные данные не разглашались публично. Также они наделяются правом запрашивать вспомогательные средства для дачи показаний в суде. Суды учитывают ряд факторов, в том числе безопасность и защиту свидетелей, при принятии решения о том, разрешать ли потерпевшим давать свои показания по телевидению, за ширмой или с открытым лицом[4].

Анализ зарубежного опыта в сфере уголовной юстиции, свидетельствует о том, что в уголовно-процессуальном

[1] См.: Canadian Victims Bill of Rights (S.C. 2015, c. 13, s. 2) URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-23.7/page-1.html (дата обращения 10.10.2021).

[2] См.: Criminal Code (R.S.C., 1985, C-46) URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/page-1.html (дата обращения 10.10.2021).

[3] См.: Canada Evidence Act (R.S.C., 1985, C-5) URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-5/ (дата обращения 10.10.2021).

[4] См.: Victim's right to protection URL: https://www.justice.gc.ca/eng/cj-jp/victims-victimes/rights-droits/protection.html (дата обращения 10.10.2021).

законодательстве многих стран имеется ряд правовых норм, которые помогают разрешать уголовно-правовой конфликт достигая взаимовыгодных соглашений между спорящими сторонами идя друг другу на взаимные уступки. При этом, виновная сторона добровольно возмещает причиненный ущерб и активно содействует правосудию, а взамен этого законодатель и суд предоставляют гарантии по освобождению виновных лиц от уголовного преследования, либо значительное смягчение наказания за содеянное. За рубежом, в странах в которых устоялись демократические традиции, элементы примиряющей стратегии, позволяющие реагировать на противоправные деяния, весьма широко распространены. При этом правовое регулирование рассматриваемых институтов весьма разнообразно [7, с. 81]. Например, в Уголовном кодексе Королевства Бельгии действует статья 216-бис, которая дает основание избежать судебных разбирательств по различным делам, предусматривающим наказание до пяти лет лишение свободы, либо связанным с преступлениями. Для этого обвиняемому в совершении преступления, не отрицающему своей вины и уплатившему государству (в том случае если преступными деяниями был причинен вред только государству) установленную сумму, и в том числе в полном объеме возместившему вред потерпевшим (в случае причинения вреда частным лицам), может быть освобожден от уголовного преследования[1]. При этом важно подчеркнуть, что около одной трети уголовных дел, которые направляются полицией в прокуратуру, разрешаются при помощи примеряющей стратегии. Такую же процедуру, которая получила широкое распространение в 1980-х гг. в Королевстве Нидерландов, называют «трансакцией». С 1974 г. в УПК ФРГ действует статья 153а, которая предоставляет право прокуратуре отказываться от обвинений, в тех случаях если обвиняемыми выполняются все возложенные на них обязательства, среди которых заглаживание причиненного ими вреда, внесение необходимых установленных законодательством денежных сумм в государственную казну страны[2].

В нашей стране «механизм возмещения преступного вреда, основанный на подаче гражданского иска урегулирован статьями 42, 43, 44, 160.1, 216, 230, 250, 268, 309 УПК Российской Федерации (далее — УПК РФ)» [8, с. 810]. Кроме того, возмещение преступного вреда может в нашей стране происходит, «за счет добровольного возмещения вреда обвиняемыми в совершении преступления из собственных средств» [1, с. 150]. Правовая природа такого способа определена в ст. 1064 Гражданского кодекса РФ, а механизм реализации в УПК РФ, в котором перечислены основания по прекращению уголовных дел в следствии возмещения преступного вреда, причиняемого преступными проявлениями, в соответствии со ст. 25 и 28 УПК РФ, что не является гарантией освобождения от уголовной ответственности обвиняемых, поскольку происходит по усмотрению субъектов, расследующих преступления. В результате указанного обстоятельства, обвиняемые не стремятся принимать меры, направленные на заглаживание причиненного ими вреда потерпевшим.

Заключение

В заключении необходимо отметить, что важность проблемы оказания качественных услуг по защите прав потерпевших во многом обосновывает то обстоятельство, что с каждым годом у ученых и практиков только повышается интерес к исследованию уголовных и уголовно-процессуальных норм, а также особенностей правоприменительной практики стран, прошедших этап по разработке и совершенствованию законодательства, направленного на защиту прав и законных интересов жертв преступлений. При этом проблематика, связанная с возмещением преступного вреда, на протяжении всего периода становления и развития государственности

[1] См.: Уголовный кодекс Бельгии. Перевод с французского / пер.: Мачковский Г. И. ; науч. ред. и предисл.: Мацнев Н. И. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. С. 45.

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии. С изменениями и дополнениями на 1 января 1993 г. Перевод с немецкого / пер., предисл.: Филимонов Б. А. Москва : Манускрипт, 1994. С. 165.

на территории многих стран, представляла и продолжает представлять из себя краеугольный камень. В условиях начала нового тысячелетия, вопросы возмещения преступного вреда, продолжают быть актуальными во многих иностранных государствах. Публикации по рассматриваемой проблематике в отечественной и зарубежной литературе, также свидетельствуют о большом интересе к правовому регулированию института возмещения преступного вреда за рубежом. Сравнительно-правовой анализ законодательных норм по рассматриваемой проблематике показал, что в качестве правовой основой данной деятельности наравне с уголовно-процессуальным законодательством, также выступают межотраслевые, нормативные правовые акты, целевым образом регламентирующие возмещение и компенсацию преступного вреда. Во многих уголовно-процессуальных кодексах зарубежных стран содержатся нормы, регламентирующие порядок и способы возмещения преступного вреда. При этом уголовно-процессуальные и иные механизмы по возмещению со стороны государства преступного вреда, которые закреплены в иностранных и международных законодательных нормах, более эффективны чем в нашей стране. Поэтому положительный зарубежный опыт по возмещению преступного вреда необходимо использовать в отечественной законотворческой деятельности.

Список источников

1. Азаров В. А. Добровольное возмещение в уголовном процессе материального ущерба, причиненного преступлением // Укрепление законности в условиях перестройки : сборник научных трудов. Волгоград : ВСШ МВД СССР. 1990. С. 148–152.

2. Арутюнян А. А. Зарубежный опыт защиты участников уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2015. Т. 7, № 4. С. 195–199.

3. Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование / А. С. Автономов, В. Ю. Артемов, И. С. Власов [и др.]. Москва : Юридическая фирма «Контракт», 2016. 304 с.

4. Дубровин В. В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству федеративной республики германии // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 4. С. 31–36.

5. Емельянов С. Л. Возмещение вреда по инициативе суда и реституция в уголовном процессе: отдельные аспекты правового регулирования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 3-1. С. 301–306.

6. Кобец П. Н. Функционирование механизма по возмещению вреда, причиненного преступлением, в государствах с различными правовыми системами // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1 (43). С. 53–58. DOI: 10.37973/KUI.2021.64.21.009

7. Кобец П. Н. Правовое регулирование возмещения преступного вреда в государствах англосаксонской правовой системы и необходимость использования их опыта в отечественной законотворческой деятельности // Виктимология. 2021. Т. 8, № 1. С. 79–88.

8. Кобец П. Н. Генезис института возмещения вреда, причиненного преступлением: от карательных мер к стимулирующим // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 4. С. 800–813. DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.4.800-813

9. Майоров А. В. Правовые основы защиты жертв преступности в России // Виктимология. 2016. № 2 (8). С. 16–21.

10. Майоров А. В. Международный опыт защиты жертв преступлений // Наука ЮУрГУ : материалы 66-й научной конференции, Челябинск, 15–17 апреля 2014 года. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2014. С. 1726–1731.

11. Меньших А. А. О возмещении ущерба жертвам преступлений во Франции // Журнал российского права. 1999. № 3-4 (28-29). С. 158–165.

12. Слипченко Е. И., Фахретдинова О. В. Сравнительно-правовые аспекты возмещения вреда причиненного жизни и здоровью человека и гражданина по законодательству зарубежных государств // Аллея науки. 2019. Т. 2, № 2 (29). С. 675–679.

13. Сторей Д. Компенсация исполнитель-потерпевший и возмещение ущерба // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 4. С. 123–127. DOI: 10.31085/2310-8681-2018-4-188-123-127.

14. Ткалина А. В., Хисматуллин И. Г. Сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и ряда зарубежных мусульманских стран, регламентирующего возмещение вреда, причиненного преступлением // Евразийский союз ученых. 2018. № 6 (51). С. 62–64.

References

1. Azarov VA. Voluntary compensation in criminal proceedings for material damage caused by a crime. Collection of scientific papers. *Strengthening of legality in the conditions of perestroika.* Volgo-grad: VSSH of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. 1990:148–152. (In Russ.)

2. Harutyunyan AA. Foreign experience of protecting participants in criminal proceedings. *Aktual'nye problemy prava i gosudarstva v XXI veke* [Actual problems of law and state in the XXI century]. 2015;7(4):195–199. (In Russ.)

3. Avtonomov AS, Artemov VYu, Vlasov IS. [and others]. *Compensation for material damage to victims. Comparative legal research.* Moscow: Contract; 2016. (In Russ.)

4. Dubrovin VV. Legal regulation of compensation for damage due to hardware offence, under the laws of the Federal Republic of Germany. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya* [International criminal law and international justice]. 2009;(4)31–36. (In Russ.)

5. Emelyanov SL. Compensation of harm on the initiative of the court and restitution in criminal proceedings: Certain aspects of legal regulation. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]. 2012;(3-1):301–306. (In Russ.)

6. Kobets PN. Functioning of the mechanism for compensation of damage caused by a crime in states with different legal systems. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2021;12(1):53–58. DOI: 10.37973/KUI.2021.64.21.009. (In Russ.)

7. Kobets PN. Legal regulation of compensation for criminal damage in the states of the Anglo-Saxon legal system and the need to use their experience in domestic legislative activity. *Viktimologiya* [Victimology]. 2021;8(1):79–88. (In Russ.)

8. Kobets PN. Genesis of the institute of compensation for damage caused by crime: from punitive measures to stimulating. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual problems of economics and law]. 2020;14(4):800–813. DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.4.800-813. (In Russ.)

9. Mayorov AV. The legal basis for the protection of victims of crime in Russia. *Viktimologiya* [Victimology]. 2016;(2):16–21. (In Russ.)

10. Mayorov AV. International experience in protecting victims of crime. Materials of the 66th Scientific Conference. *Science of SUSU* (Chelyabinsk, April 15-17, 2014). Chelyabinsk: SUSU Publishing Center; 2014:1726–1731. (In Russ.)

11. Menshikh A.A. On compensation for damage to victims of crimes in France. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. 1999;(3-4):158–165. (In Russ.)

12. Slipchenko EI, Fakhretdinova OV. Comparative legal aspects of compensation for damage caused to the life and health of a person and a citizen according to the legislation of foreign states. *Alleya nauki* [Alley of Science]. 2019;2(2):675–679. (In Russ.)

13. Storey D. Compensation of the executor-victim and compensation for damage. *Soyuz kriminalistov i kriminologov* [Union of Criminologists and Criminologists]. 2018;(4):123–127. DOI: 10.31085/2310-8681-2018-4-188-123-127. (In Russ.)

14. Tkalina AV, Khismatullin IG. Comparative legal analysis of the criminal procedure legislation of the Russian Federation and a number of foreign Muslim countries regulating compensation for harm caused by a crime. *Evrazijskij soyuz uchenyh* [Eurasian Union of Scientists]. 2018;(6):62–64. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кобец Петр Николаевич доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник; Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.

121069, г. Москва, ул. Поварская д. 25, стр. 1.

pkobets37@rambler.ru

https://orcid.org/0000-0001-6527-3788

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Peter N. Kobet Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, All-Russia Scientific-research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs Address.

25 Povarskaya st., bldg 1, Moscow 121069, Russia.

pkobets37@rambler.ru

https://orcid.org/0000-0001-6527-3788

Дата поступления статьи / Received: 10.10.2021.

Дата рецензирования статьи / Revised: 20.12.2021.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.03.2022.

Scientific article
UDK 343.988
DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10908

Victimological and Criminal Aspects of Juvenile Crime in Bosnia and Herzegovina

Sadmir Karović[1], Jasmina Igrački[2]
[1]Faculty of Law, University in Travnik, Bosnia and Herzegovina
karovic.s@hotmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1777-0370
[2]Institute for Criminological and Sociological Research, Belgrade, Republic of Serbia
jasminaigracki@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-0533-9033

Abstract. In this paper the authors focus on the victimological and criminal aspects of juvenile delinquency in Bosnia and Herzegovina, respect the protetctive model of law enforcement agencies and entities according to this specific age category. In the centre of interest are juveniles as perpetrators of criminal offenses and on the other hand juveniles as victims, ie victims of committing criminal offenses (police warning and educational recommendations). In the juvenile criminal law of Bosnia and Herzegovina, the component of humanity is clearly recognized and articulated, given that certain international standards have been adopted and accepted, so that the treatment of juveniles differs significantly from the treatment of adult perpetrators of criminal offenses.
Keywords: juveniles, victim, crime, Bosnia and Herzegovina
For citation: Karović S., Igrački J. Victimological and Criminal Aspects of Juvenile Crime in Bosnia and Herzegovina. *Viktimologiya* [Victimology]. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 83-89. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10908

Научная статья

Виктимологические и криминологические аспекты преступности несовершеннолетних в Боснии и Герцеговине

Садмир Карович[1], Жасмина Играчки[2]
[1]Юридический факультет, Университет в Травнике, Босния и Герцеговина
karovic.s@hotmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1777-0370
[2]Институт криминологических и социологических иссл., Белград, Республика Сербия,
jasminaigracki@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-0533-9033

Аннотация. В данной статье авторы фокусируются на виктимологических и криминальных аспектах преступности несовершеннолетних в Боснии и Герцеговине, рассматривают протективную модель правоохранительных органов и структур в отношении этой специфической возрастной категории. В центре внимания находятся несовершеннолетние как исполнители уголовных преступлений и, с другой стороны, несовершеннолетние

© S. Karović, J. Igrački.

как жертвы, т. е. пострадавшие от совершения уголовных преступлений (предупреждение полиции и воспитательные рекомендации). В уголовном праве Боснии и Герцеговины в отношении несовершеннолетних четко признается и формулируется компонент гуманности, учитывая, что были приняты и признаны определенные международные стандарты, поэтому обращение с несовершеннолетними существенно отличается от обращения со взрослыми лицами, совершившими уголовные преступления.
Ключевые слова: несовершеннолетние, жертва, преступление, Босния и Герцеговина
Для цитирования: Карович С., Играчки Ж. Виктимологические и криминологические аспекты преступности несовершеннолетних в Боснии и Герцеговине // Виктимология. 2022. Т. 9, № 1. С. 83–89. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10908

1. Juvenile criminal law in Bosnia and Herzegovina – general considerations

Minors as a special age category deserve special attention of the scientific, professional and general public from the aspect of protection of basic human rights and freedoms when it comes to adequate treatment, attitude and access of specialized law enforcement agencies and entities according to this specific category. Juveniles appear as perpetrators of crimes, but they can also be perpetrators and victims at the same time. The legislator in Bosnia and Herzegovina has shown a special sensibility and interest when it comes to more favourable and adequate treatment, approach and attitude towards minors precisely because of their age.

Juvenile delinquency is sociologically-criminologically distinguished as a special category within general crime due to the specifics related to biological, psycho-social, criminal-political and special place that minors have in the legal system [13]. Finding the most effective way of social response to juvenile delinquency is much more demanding task than simply applying the norms of juvenile criminal law. It seems in no social area is the role of prevention and comprehensive consideration of all criminogenic factors as important as in the case of juvenile delinquency, because juvenile delinquents, due to their age and the life ahead, usually have enough time to adopt proper patterns of behaviour and life, in the society of regulated relations, if the same society helps them in the right way [2, c. 375]. Even in Roman law, the age and criminal responsability of perpetrators of criminal acts were taken into account [11, c. 31]. Also, the intention of the legislator is aimed at harmonizing the substantive, procedural and executive legislation in Bosnia and Herzegovina with international standards relating to a more favourable criminal position of minors in relation to adults. The essential differences between the criminal procedure against a juvenile and the regular (general) criminal procedure are reflected in the more favourable procedural position of the juvenile in relation to the adult suspect or accused [7, c. 196]. With the adoption and entry into force Law on Protection and Treatment of Children and Juveniles in Criminal Procedure at the level of the entities of the Federation of Bosnia and Herzegovina[1] and Republika Srpska[2] and the Brčko District of Bosnia and Herzegovina[3], juvenile criminal law in Bosnia and Herzegovina has gained partial autonomy and independence, giving that the legal provisions relating to the specific criminal status and position of minors have been set aside. However, at the state level in Bosnia and Herzegovina, provisions from the general part of the law to a special law that would legally regulate the specific criminal status, status and treatment of juveniles have not yet been separated. The Criminal Code of Bosnia and Herzegovina prescribes the treatment of juveniles in the general part of the law, in a special chapter relating to the juveniles.

The legislator also showed a special protective attitude towards minors when it comes to the use of certain legal terms in

[1] Law on Protection and Treatment of Children and Juveniles in Criminal Proceedings of the Federation of Bosnia and Herzegovina, Official Gazette of the Federation of Bosnia and Herzegovina, no. 7/14.

[2] Law on Protection and Treatment of Children and Juveniles in Criminal Procedure of Republika Srpska, Official Gazette of the Republika Srpska, no. 13/10,63/11,61/13.

[3] Law on Protection and Treatment of Children and Juveniles in Criminal Proceedings of the Brčko District of Bosnia and Herzegovina, Official Gazette of the Brčko District of Bosnia and Herzegovina, no. 53/11.

order to avoid stigmatizing the personality of minors in society, or in a particular local community. In this sense, the use of certain classical terms specific to classical criminal law is avoided (eg the use of the term guilt is avoided, the term re-education is used instead of the term punishment, etc). A comparative analysis of the individual national criminal justice systems shows that juvenile criminal law in many European countries (Germany, France, Austria, Spain, Belgium, Italy, the Czech Republic, England, etc.) has gained its criminal independence and autonomy, due to special or specific legal solutions towards juveniles that differ significantly in relation to adult perpetrators of criminal offenses [9, c. 110]. Regarding the (non) existence of individual criminal responsability, the provisions related to this issue are identical in content at all laws at different levels in Bosnia and Herzegovina, so that a child who was under 14 years of age at the time of the crime cannot be prosecuted, sanctions or apply other measures provided by criminal law.

What is important to emphasize for the new juvenile criminal law in Bosnia and Herzegovina is the introduction and application of alternative, diversionary or informal treatment of juveniles in conflict with the law. This means that the legislator did not emphasize the expediency of punishing minors, but expressed a special protective or protective approach and attitude that is directly manifested or manifested in re-education, proper development, assistance, care and various forms of support for minors, respecting his age, insufficient psychophysical development and other individual specifics or personal characteristics. Given the very complex constitutional structure of Bosnia and Herzegovina, it is necessary to note that the classical criminal legislation exists at four levels of exercise of legislative power: state level of Bosnia and Herzegovina, entity level: Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska and Brčko District of Bosnia and Herzegovina. At all levels of legislature, special criminal laws and criminal procedure laws are prescribed, which are identical in content with certain slight differences.

2. Application of alternative criminal law measures in juvenile criminal law of Bosnia and Herzegovina

Modern tendencies of humanization of criminal law by their nature require a different approach when it comes to the treatment of bodies or subjects of juvenile justice towards juvenile perpetrators of criminal offences. The prevailing view in scientific knowledge is that the antisocial behaviour of young people is a complex psychological, sociological, criminological and medical problem. For these reasons, the criminal behaviour of young people, both from a phenomelogical and etiological point of view, should be viewed as a special legal-moral and social phenomenon [4, c. 401]. The criminal status of juveniles and young adults is directly conditioned and determined by age or age and certain specifics or personal characteristics of juveniles as perpetrators of criminal offences. Reform processes in Bosnia and Herzegovina as well as in the surrounding countries (Serbia, Croatia, Montenegro) have been particulary pronounced in the last two decades. Youth is a period of increased emotionality [6, c. 152].

In this sense, alternative measures as special or specific criminal measures should be viewed precisely through the prism of protection that is directly manifested in a more favourable criminal status, position and treatment of juveniles, when it comes to mild or so-called trivial crimes, respecting above all the proper psychophysical development of minors [10, c. 584]. By comparative analysis of legislation in European countries, we notice that an alternative or diversionary model is present. However, this model is not unified or unique but differs in individual countries, so there are different types or (sub) models of the diversion model. Each country has adopted this model to its conditions, specifics and needs, so that within the diversion of this model there are certain differences. Also, the situation is identical when it comes to the states created by the disintergration of the former Yugoslavia (Bosnia and Herzegovina, Serbia, Croatia, Montenegro) which have adopted a diversionary model of treatment of minors in conflict with the law where we recognize certain differences in certain legal solutions. The mentioned diversion

model of criminal law response is by its nature aimed at avoiding classic criminal proceedings and imposing criminal sanctions, and implies "turning" and redirecting actions to other branches of law (family law, social law, etc). Following the current tendencies in juvenile criminal law, which among other things, are characterized by wide application of the diversionary model of treatment, as a concept reflected in avoiding or redirecting juvenile criminal proceedings to out-of-court mechanisms for solving juvenile criminal cases, domestic legislation has existed for decades known as educational recommendations [12, c. 72].

Analyzing the legal provisions, we note that juvenile criminal law in Bosnia and Herzegovina recognizes two types of alternative measures: 1) police warning and 2) educational recommendations. The introduction and application of a police warning as an alternative measure against juveniles avoids classic criminal proceedings, and on the other hand opens the possibility that out-of-court measures by police officers may affect the personality and behavior of juveniles. The police warning aims to: a) not to initiate criminal proceedings against a juvenile and b) to influence the proper development of a juvenile and strengthen his personal responsability so that he does not commit criminal offences in the future[1]. In addition to police warnings as alternative measures, juvenile criminal law in Bosnia and Herzegovina also recognizes educational recommendations which, by their legal nature and practical application, contain a protective or protective component in relation to juveniles as perpetrators of certain criminal offences. If the plaintiff deems that the imposition of educational recommendations is possible and justified, he may make one of the following recommendations: a) personal apology to the injured party, b) compesation for damages to the injured party, c) regular school attendance, etc... d) if the juvenile made the educational recommendation in a timely manner, the prosecutor shall make a decision that the request for initiating the preparatory procedure will not be submitted. However, if the prosecutor, for any reasons, submits a request to initiate preparatory proceedings to a juvenile judge, the judge has the obligation to consider the possibility and justification of imposing some of the educational recommendations with his competence before deciding the prosecutor's request (under the same conditions) which are: a) work for the benefit of a humanitarian organization or local community, b) acceptance of appropriate employment, c) placement in another family, home or institution and d) treatment in an appropriate health institution [5, c. 560].

It follows from the above that the legislator has justifiably prescribed numerous and varied educational recommendations which, in their content, nature and purpose, are adapted to the real needs and certain individual specifics of the minor, depending on the realistic and adequate assessment in each case.

3. Juveniles – victims of criminal offences

What increasingly burdens and worries the scientific, professional but general public is the fact that the juveniles are increasingly appearing as victims of a very wide catalog of crimes (property crimes, drug abuse, human trafficking, prostitution, terrorism, etc). Unfortunately, more and more often juveniles of different ages appear as victims of certain crimes with a very destructive component which leaves very long-term and harmful consequences on the juvenile's personality (various mental and physical problems, trauma, stress, inability to adopt the environment, etc). Also, what is worrying is that the rights of minors are also being abused by close relatives (eg. parents or guardians or the other close relatives). However, appreciating the phenomenological diversity and number of criminal offences, juveniles very often appear at the same time as perpetrators and victims of certain criminal offences (eg. criminal offences in the field of human trafficking, drug abuse, etc). It is particulary impossible to quantify all the negative and harmful consequences of crimes where juveniles appear

[1] Article 22, para. 4 in connection with Article 25. of the Law on Protection and Treatment of Children and Juveniles of Criminal Proceedings of the Federation of Bosnia and Herzegovina, Republika Srpska and Brčko District of Bosnia and Herzegovina.

as victims. Namely, numerous studies show that children who have been victims of abuse acquire numerous frustrations and emotional scars, which often acts as a strong impulse to develop their own aggression and tendency to abuse others [6, c. 348].

Despite all the efforts of the legislator and all preventive activities of a legal and social nature, we must state that crime is increasingly improving and modernizing with even more destructive modalities and consequences... economic, demographic, cultural and other conditions and specifies. Young people most often commit property crimes with a pronounced line of aggression. Unlike adults, those crimes are often committed in groups of two or more juveniles, which are mostly informal in nature. They unite in order to commit a certain act or a series of criminal acts, so that stronger ties are not established between them [3, c. 187]. The ways of operationalization of criminal activities are changing and adapting to the stated conditions and specifics, especially when it comes to specific forms of organized crime. In this sense, there are numerous and varied forms of abuse of the rights of the minors. The victimological aspect of the abuse of the rights of the minors in the last two decades is increasingly in the centre of attention and interest of society and the state in order to find the most adequate solutions and answers of a preventive nature. One of the essential problems in Bosnia and Herzegovina, when it comes to the protection of the rights of the minors, is the fact that the reaction of the competent authorities is mainly focused on the consequences. Insufficient attention is paid to etiological or causal factors that affect or lead to the occurrence of consequences, ie. Committing a certain criminal offence where minors appear as victims.

Regarding the adequate protection of the rights of the minors and the reduction of the number of criminal offences where juveniles appear as victims, it is necessary to identify certain causes, and take timely, proportionate and adequate actions to eliminate the causes or at least reduce their negative effects. The preventive process includes, in addition to institutional forms of legal response by the competent bodies of juvenile justice, the participation of all other social (non-legal) entities (eg. family, school, sports teams, religious communities, media, etc) that can significantly contribute to preventing abuse of juvenile rights and reducing the number of recorder crimes where juveniles appear as victims. The most important risk factors at the individual level are hyperactivity, impulsivity, poor behaviour control, problems of attention and concentration, history of aggressive behaviour, early consumption of alcohol and drugs, antisocial beliefs and attitudes, low intelligence and educational attainment, low commitment to school and school success, parental separation or divorce and exposure to domestic violence [3, c. 198]. Observed from the aspect of prevention, it is very important to timely identify and recognize all risky behaviours and react in a timely manner, in order to prevent negative (harmful) consequences and adequately protect the rights of minors. First of all, we must emphasize the preventive role and importance of the family. It is very important when determining the structure of the family as a risk factor for criminal behaviour, to take into account the cause of the structural disorder-whether the parent died, whether the parent left the other parent, whether the parent also abandoned the children [8, c. 216]. However, the problem of juvenile delinquency in a certain society is not only a legal problem, but it is a multidisciplinary problem that it is of interest to experts of various profiles (pedagogy, social work, psychology, etc). Regarding the timely and effective protection of the rights of minors as victims of certain crimes, it is very important to emphasize the necessary specialization and professional competence of all entities that treat minors (police, court and prosecutor's office, social welfare services).

Modern phenomenological forms of crime that include various forms of misuse of information and communication technologies (use of the Internet, use of social networks and applications for communication exchange of information and data) enable various phenomenological forms of victimization of young people. In this sense, the use of the Internet, in addition to its positive characteristics, also has its negative or

destructive side, given that in this way various forms of criminal activity (pedophilia, illegal trafficking in drugs, weapons) can be operationalized. The Internet is also suitable for spreading radical and destructive ideas, and recruiting and engaging young people for the realization forms of destruction, including criminal acts of terrorism as the most destructive form of human activity. Also, peer violence is still current in schools, on the street, in sports stadiums and other suitable places where minors appear as victims.

Conclusion

The treatment of juvenile criminal justice bodies towards juveniles as perpetrators and victims of criminal offences is in the centre of attention of the scientific and professional public. The legislator recognized and expressed a special protective sensibility towards this specific age category with a clear intention to provide timely and adequate protection, as well as proper action to provide assistance, support, proper re-education, re-socialization, social adaptation, and other forms of assistance and support appropriate to that age. In that sense, the legislator has prescribed alternative or diversionary treatment, ie. Alternative measures (police warnings and educational recommendations) towards juvenile perpetrators of criminal offences, so that the treatment of the juvenile differs significantly from that of adult perpetrators. Previous experiences in practice and analysis of the effects of juvenile treatment are quite pessimistic, because the number of recidivists is not decreasing, on the contrary, reintegration into the social environment is increasing or absent, and juveniles who have been sanctioned, very soon after coming of age enter other court proceedings as adults [2, c. 178]. On the other hand, juveniles are increasingly appearing as victims, ie victims of crimes with very destructive and long-term consequences. However, we must emphasize that the problem of juvenile delinquency is a multidisciplinary problem that requires the involvement of experts of various profiles (lawyers, victimologists, criminologists, pedagogues, psychologists, social workers, etc.) so that the specific problem can be comprehensively and fully clarified and solved.

References

1. Stevanović Z, Igrački J. *Primena preventivnih programa u radu sa maloletnim prestupnicima* [Application of preventive programs in work with juvenile delinquents]. *Zbornik Instituta za kriminološka i sociološka istraživanja* [Journal of the Institute for Criminological and Sociological Research]. 2015;XXXIV(1):169–179. URL: https://www.iksi.ac.rs/zbornik_arhiva/zbornik_iksi_1_2015.pdf (In Serbian)

2. Stevanović Z, Ilijić L, Igrački J. *Izvršenje kazne maloletničkog zatvora* [Execution of Juvenile Prison]. *Maloletnici kao učinioci i žrtvekrivičnih dela i prekršaja* [Juveniles as Perpetrators and Victims of crimes and Misdemeanors]. Institute for Criminological and Sociological Research. Belgrade; 2015:365– URL: https://www.iksi.ac.rs/izdanja/maloletnici_kao_ucinioci_i_zrtve_krivicnih_dela_i_prekrsaja.pdf (In Serbian)

3. Igrački J, Ilijić L. *Juvenile Delinquency — Situation in the World and in Serbia* [Criminality of Juvenils — Situation in the World and in Serbia]. Foreign Legal Life, Belgrade; 2016. (In Serbian)

4. Igrački J. *The role of the police in the prevention of juvenile delinquency, tort, punishment and opportunities for social prophylaxis*. Institute for Criminological and Sociological Research, Belgrade; 2012. (In Serbian)

5. Simović MM, Karović S, Restorative Aspects of Juvenile Criminal Law in Bosnia and Herzegovina, *Pravna riječ*. 2020;XVII(63). (In Serbian)

6. Škulić M. *Juvenile Criminal Law*. University of Belgrade; 2011. M. N. Simović, D. Jovašević, L. Mitrović, M. M. Simović, *Juvenile Criminal Law*. 3th edition. Banja Luka; 2021. (In Serbian)

7. Simović MN, Simović VM, Govedarica M. *Criminal Procedure Law II — Special Part*. 5th Amended Edition. East Sarajevo; 2021. (In Serbian)

8. Macanović N. Influence of family structure on the attitude of juvenile delinquence towards school. *Proceedings, 11th International Scientific Conference «Special Education and Rehabilitation Today»*, Faculty of Special Education and Rehabilitation, University of Belgrade; 2021. (In Serbian)

9. Karović S, Maloku A, Shala S. Juvenile Criminal Law in Bosnia and Herzegovina with a Review of the Criminal Status and Responsability of Juveniles. *Criminal Topics (1–2)*, Faculty of Criminology and Security Studies, University of Sarajevo; 2020. (In Serbian)

10. Karović S, Orlić S. Alternative of Diversionary Treatment in Juvenile Criminal Law of Bosnia and Herzegovina — Justification and Purpose of Application. *International Scientific Conference — Law Enforcement and Legal Security, Proceedings of the 34th Meeting of the Kopaonik School of Natural Law*, Slobodan Perović, Vol. 1, Belgrade; 2021. (In Serbian)

11. Orlić S, Pehlić I, Tufekčić N. *Juvenile Delonquency*. Islamic Faculty of Pedagogy, University of Zenica; 2019 (In Serbian)

12. Gurda V, Husić D. Police Warning — A New Alternative Measure in Juvenile Criminal Law of Bosnia and Herzegovina. *Proceedings of the Faculty of Law in Tuzla*. 2015;1(1). (In Serbian)

13. Nikolić-Ristanović V, Konstatinović-Vulić S, ed. *Kriminologija* [Criminology]. Belgrade, «Prometheus»; 2018. (In Serbian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sadmir Karović PhD, Associate Professor, Faculty of Law, University in Travnik, Bosnia and Herzegovina, employed at the State Agency for Investigations and Protection, Bosnia and Herzegovina.
karovic.s@hotmail.com
https://orcid.org/0000-0003-1777-0370

Jasmina Igrački PhD, research associate in the Institute for Criminological and Sociological Research, Belgrade, Republic of Serbia.
jasminaigracki@yahoo.com
https://orcid.org/0000-0002-0533-9033

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Садмир Карович доктор философии, доцент, Юридический факультет, Университет в Травнике, Босния и Герцеговина; Государственное агентство по расследованиям и защите, Босния и Герцеговина.
karovic.s@hotmail.com
https://orcid.org/0000-0003-1777-0370

Жасмина Играчки доктор философии, научный сотрудник Института криминологических и социологических исследований, Белград, Республика Сербия.
jasminaigracki@yahoo.com
https://orcid.org/0000-0002-0533-9033

Дата поступления статьи / Received: 29.01.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 27.02.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.03.2022.

V ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА

Научная статья
УДК 343.988
DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10909

Актуальные направления виктимологической профилактики дистанционных хищений

Инна Ивановна Евтушенко
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь, Россия
inna-evt@yandex.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-1335-5404

Аннотация. Актуальность представленной темы исследования не вызывает сомнения: переход экономики на новый цифровой уровень развития позволяет преступникам находить и использовать слабые места новых цифровых сервисов, оказывающих государственные и финансовые услуги, осуществляющих торговлю в интернете. В статье рассматривается сложившаяся ситуация с распространением дистанционных хищений; существующими факторами, препятствующими эффективному предупреждению и пресечению таких деяний; система виктимологической профилактики дистанционных хищений; анализируются существующие мероприятия противодействия дистанционным хищениям, предпринятые на различном уровне. Автором анализируются не только изменения в динамике дистанционных хищений, но и их структуре, используемых мошенниками способах, которые в свою очередь требуют от государства и общества принятия соответствующих новым угрозам и способам мер противодействия. Кроме того, автором обращается внимание на необходимость обязательного включения в систему мер профилактики кибермошенничества не только мероприятий по их выявлению, нейтрализации детерминант, индивидуальной виктимологической профилактике, но и включение мер восстановительного и компенсационного правосудия: уголовной и имущественной ответственности участников рынка финансовых услуг за упущения в области информационной безопасности их клиентов. Это позволит перенести бремя ответственности с клиента на недобросовестных участников рынка финансовых услуг, повысит их заинтересованность не только в предоставлении новых цифровых сервисов и возможностей, но и имущественных гарантий кибербезопасности сделок в цифровой среде.

Ключевые слова: виктимология, жертва мошенничества, мошенничество, предупреждение мошенничества, дистанционное мошенничество, дистанционное хищение, кибермошенничество, кибербезопасность, теория виктимологической профилактики
Для цитирования: Евтушенко И. И. Актуальные направления виктимологической профилактики дистанционных хищений // Виктимология. 2022. Т. 9, № 1. С. 90–98. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10909

© И. И. Евтушенко

Scientific article

Current Directions of Victimological Prevention of Remote Theft

Inna I. Evtushenko
Branch of Krasnodar University of the of the Interior Ministry of Russia, Simferopol, Russia
inna-evt@yandex.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-1335-5404

Abstract. The relevance of the presented research topic is beyond doubt: the transition of the economy to a new digital level of development allows criminals to find and exploit the weaknesses of new digital services providing public and financial services, trading on the Internet. The article considers the current situation with the spread of remote theft; existing factors that prevent the effective prevention and suppression of such acts; the system of victimological prevention of remote theft; the existing measures to counter remote theft undertaken at various levels are analyzed. The author analyzes not only changes in the dynamics of remote theft, but also their structure, the methods used by fraudsters, which in turn require taking by the state and society measures of counteraction corresponding to new threats and methods. In addition, the author draws attention to the need for mandatory inclusion in the system of measures to prevent cyber fraud, not only measures to identify them, neutralize determinants, individual victimological prevention, but also the inclusion of measures of restorative and compensatory justice: criminal and property liability of participants of financial service market for neglect in the field of information security of their clients. This will shift the burden of responsibility from the client to unscrupulous participants in the financial service market, increase their interest not only in providing new digital services and opportunities, but also property guarantees of cybersecurity of transactions in the digital environment.

Keywords: victimology, victim of fraud, fraud, fraud prevention, remote fraud, remote theft, cyber fraud, cybersecurity, theory of victimological prevention
For citation: Evtushenko I. I. Current Directions of Victimological Prevention of Remote Theft. *Viktimologiya* [Victimology]. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 90-98. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10909 (In Russ.)

Введение

Ежегодное увеличение количества преступлений, совершаемых дистанционно с помощью сотовой связи, интернета и других информационно-телекоммуникационных технологий в целом по России свидетельствует о низкой эффективности предпринимаемых мер противодействия высоко интеллектуальной и технически хорошо оснащённой современной организованной киберпреступности.

Сравнительный анализ официально зарегистрированных данных МВД России о совершенных киберпреступлениях в 2020 и 2021 гг. показал, что в 2020 г. продолжился взрывной рост такого вида преступлений (+73,6 %), но в 2021 г. их рост значительно замедлился (+1,4 %)[1]. Но это не означает, что общее количество совершенных киберпреступлений сократилось, уменьшилось количество фишинговых атак или телефонных звонков гражданам. Их количество так же увеличилось. В прошлом году и потребители финансовых услуг, и организации во многом адаптировались к новым условиям жизни, стали более внимательными,

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184/ ; Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: https://мвд.рф/reports/item/28021552/ (дата обращения: 20.01.2022).

повысили свою финансовую грамотность, стали лучше распознавать мошенников, предприняли меры по защите своих цифровых данных и ресурсов.

Изменились и способы совершения таких преступлений: в 2020 г. подавляющее большинство таких преступлений по степени их распространенности совершались с помощью сотовой связи, в сети «Интернет», с использованием расчетных (платежных) карт (при этом самый большой прирост числа зарегистрированных фактов приходился именно на оборот расчетных (платежных) карт +453,1 %).

По итогам 2021 года прирост в 17 % показали деяния, совершаемые в сети «Интернет», практически без изменений — с помощью сотовой связи, а вот с помощью программных средств и фиктивных электронных платежей значительное падение –28,2 % и –30,6 % соответственно. По данным Центробанка РФ основные способы хищений денег в 2021 г. были связаны именно с фишинговыми сайтами и лжебанками, оплатой услуг и товаров через интернет. В текущем периоде возрастает доля мошенничеств, совершаемых с помощью дистанционного банковского обслуживания (интернет-банкинга)[1].

Примечательно, что именно по этим антилидерам — преступлениям, совершенным с использованием сотовой связи и расчетных карт, отмечалась самая низкая раскрываемость (в 2020 г. — 11,8 и 17,8 %, в 2021 г. — 14 % и 23,6 % соответственно). Напомним, что на эффективность предупреждения преступлений напрямую оказывает влияние неотвратимость наказания за них.

Размер причиненного прямого материального ущерба колоссальный, но данные разнятся. Так за 2019 г. Сбербанк с помощью собственной Антифрод-платформы предотвратил хищение 39,7 млрд рублей, за 6 месяцев 2020 г. — уже 37,4 млрд рублей, за 11 месяцев 2021 г. пресек более 100 миллиардов рублей фрода (от англ. *fraud* — мошенничество). Убытки экономики как результат потерь физических лиц и организаций в 2019 г. составил 2,5 трлн рублей, в 2020 г. ущерб прогнозировался на уровне 3,5–3,6 трлн руб.[2] В 2021 г. в квартал у граждан похищалось 3 млрд. рублей, а за 2020 г. — 9 млрд.[3]

Нельзя забывать и о том, что дистанционные хищения причиняют гражданам не только экономический ущерб, но и моральный, вызывая фрустрацию, депрессию. Как отмечают зарубежные исследователи, «многочисленные специфические виды виктимизации, включая кибератаки, мошенничество и законные, но навязчивые вторжения в частную жизнь, были связаны с ухудшением психологического и физического здоровья» [1].

Именно эти изменения и вызвали необходимость определить наиболее актуальные направления противодействия дистанционным хищениям в ближайшей перспективе.

Описание исследования

В своем исследовании А. Л. Осипенко и В. С. Соловьев выделили основные криминальные угрозы безопасности цифрового пространства: «стремительное нарастание его криминализации из-за наличия привлекательных для преступности качеств (наднациональный характер киберпространства, широкое использование в нем средств анонимизации и шифрования данных, применимость дистанционных способов совершения преступлений и сокрытия их следов и др.); образование и расширение криминогенных зон киберпространства, особое место среди которых занимает DarkNet; применение криминалитетом «цифровых» методов противодействия правоохранительным органам, в том числе использование криптовалют и искусственного интеллекта» [2].

Эффективность предупреждения дистанционных хищений как специфического

[1] Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств: III квартал 2021 года // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/analytics/ib/review_3q_2021/ (дата обращения: 20.01.2022).

[2] Как Сбер защищает своих клиентов от мошенников // Сберометр : [сайт]. URL: https://www.sberometer.ru/rvn/82953/kak-sber-zaschischaet-svoih-klientov-ot (дата обращения: 20.01.2022).

[3] ЦБ считает, что сумма похищенных мошенниками средств в 2021 году будет выше, чем в 2020-м // ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/ekonomika/13247475 (дата обращения: 20.01.2022).

вида преступлений зависит от многих факторов.

Как отмечают К. В. Вишневецкий и Е. О. Кубякин, «в отечественной криминологической литературе принято различать общесоциальную и специально-криминологическую формы виктимологической профилактики… виктимологическое предупреждение преступлений будет эффективным лишь при едином применении всего комплекса мер» [4].

В профилактике дистанционных хищений необходимо строить именно систему мер, реализуемых на всех уровнях: общем, специальном, индивидуальном. И привлекать к ней не только государственные органы, но и негосударственные образования — организации финансовой, IT-сферы, отдельных граждан и их объединения. Данная система должна содержать как меры экономического, социального, идеологического (культурно-нравственного), организационного, технического, так и правового характера.

Индивидуальная профилактика мошенничества предполагает адресную работу с представителями виктимных групп граждан. Как показал проведенный нами анализ эффективности существующих мер профилактики [5], самыми эффективными и наименее затратными все же оказываются методы технической блокировки и исключение влияния социальной инженерии на принятие финансовых решений потерпевшими.

По данным ЦБ, число атак на клиентов банков с использованием методов социальной инженерии в 2020 г. выросло почти в 2 раза (на 88 %) по сравнению с 2019 г. В результате такого воздействия даже уже созданные меры технической блокировки оказывались неэффективными. Проведенное нами изучение жертв дистанционного мошенничества показало, что в равной мере ими могут стать и мужчины, и женщины, и молодые, и пожилые, но чаще всего именно люди трудоспособного зрелого возраста становились жертвами таких деяний [6]. Поэтому сложившаяся ранее модель «контактного» мошенничества, когда определенный тип мошенничества предполагал поиск «соответствующей» ему жертвы [7], с дистанционными хищениями не может использоваться. Преступники достоверно не знают, кто окажется на «том конце провода», кто ответит на звонок, кто поверит мошеннику. Что однозначно объединяет этих людей, так это страх потерять деньги, снижение самоконтроля в критической ситуации, излишняя доверчивость. Это же подтверждается и другими исследователями: кибермошенничество может совершаться анонимно из любой точки мира, при этом преступники в 70,3 % случаев не знакомы с жертвой [8]. Однако во 2 квартале 2021 г. доля методов социальной инженерии при совершении дистанционных мошенничеств снизилась до 47 %[1]. Это свидетельствует о том, что массированное информирование граждан о распространенных способах мошенничеств, а также накопленный самими обманутыми гражданами негативный опыт начали давать первые результаты.

В 2021 г. в подавляющем большинстве случаев мошенники связывались со своими жертвами по телефону, доля таких мошенничеств возросла с 90 % до 97 %. Как свидетельствуют эксперты, телефонное мошенничество переходит на новый уровень: если в 2019 г. в основном были телефонные звонки с подменами номеров от банков, то в 2020 г. это уже звонки роботизированных колл-центров[2]. При чем территориально они часто находятся в недружественных России странах, оперативное сотрудничество правоохранительных органов с которыми не осуществляется вообще или затруднено.

То есть самым слабым звеном в цепи «человек-компьютер» вновь оказывается человек. Становится очевидным необходимость снижения роли человека в принимаемых решениях о распознавании мошенничества и повышения таким образом эффективности именно специальных

[1] Нужно минимизировать ущерб клиентов банков из-за злоумышленников // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=12548 (дата обращения: 20.01.2022).

[2] Ментюкова С. Сбербанк раскрыл новую схему мошенничества с банковскими картам // Российская газета : [сайт]. URL: https://rg.ru/2020/12/10/sberbank-raskryl-novuiu-shemu-moshennichestva-s-bankovskimi-kartami.html (дата обращения: 20.01.2022).

мер виктимологической профилактики мошенничеств. Как отмечают зарубежные исследователи, «теории виктимизации развивались независимо от теорий правонарушений, несмотря на последовательные выводы о сходстве между правонарушителями и жертвами преступлений. Более высокий самоконтроль напрямую снижает виктимизацию и что самоконтроль также косвенно влияет на виктимизацию через возможности (отклонение от нормы)» [9].

Для дистанционных хищений характерная черта — это виктимологический рецидив, когда один и тот же субъект становится жертвой мошенников не один раз. Зарубежные исследователи провели «иерархическое моделирование для изучения влияния факторов, касающихся личности, факторов, связанных с контекстом, и, что наиболее важно, взаимодействия факторов, касающихся личности, и факторов, связанных с контекстом, в моделях как повторной виктимизации (более одного преступления одного и того же типа), так и множественной виктимизации (два или более разных вида преступлений)». Их выводы «показывают, что повторная виктимизация обоих типов существенно различается в зависимости от района, в то время как множественная виктимизация, по-видимому, в большей степени определяется факторами индивидуального уровня» [10]. Эти результаты следует учитывать при применении теории воздействия на повседневную деятельность и/или образ жизни и будущей работы для повторной виктимизации.

Еще одно актуальное направление развития виктимологии — это восстановительное правосудие, возврат утраченного жертвам или компенсация причиненного им вреда. «Восстановительное правосудие предлагает несколько инновационных методов, направленных на исцеление травмы, которую преступник, возможно, нанес жертве. Одним из таких инновационных методов является компенсация жертвам, форма перераспределения доходов, предназначенная для перераспределения богатства от правонарушителей к жертвам преступлений» [11].

Применительно к дистанционным хищениям выделим прежде всего те проблемы, которые на сегодняшний день блокируют или значительно снижают эффективность принимаемых усилий по их виктимологической профилактике:

— не устранена техническая возможность использования злоумышленниками технологий подмены абонентских номеров сотовой или стационарной связи, использования динамических, нераспознаваемых IP-адресов или их подмена;

— система идентификации абонентских номеров, привязка их к паспортным данным реального абонента не работает в полной мере (по-прежнему, организации при использовании корпоративных подключений не идентифицируют их с конкретными лицами, оставляя возможность использования их злоумышленникам);

— не налажено быстрое оперативное информационное взаимодействие в электронном виде с заинтересованными органами государственной власти, кредитными организациями, интернет-провайдерами, операторами связи и интернет-сервисов, в том числе социальных сетей (запросы правоохранительных органов нередко игнорируются или рассматриваются в сроки, превышающие даже 30 дней);

— отсутствует оперативный доступ правоохранительных органов к идентификационным сведениям о лицах, совершивших платежные операции посредством банковских и иных платежных систем, поскольку в данном случае речь идет о посягательстве на банковскую тайну;

— отказ кредитных организаций отменять или приостанавливать транзакции, санкционированные самим абонентом (или иным лицом от его имени), даже при его оперативном сообщении о совершенном в отношении него мошенничестве в саму кредитно-финансовую организацию;

— недоступность для российской банковской системы и правоохранительных органов счетов в зарубежных банках, колл-центров, серверов за рубежом;

— отсутствие механизма оперативной блокировки сайтов финансовых пирамид, фишинговых сайтов и мошеннических колл-центров (в настоящий момент эта деятельность осуществляется через посредничество ЦБ РФ и Роскомнадзора России);

— отсутствие механизма оперативной блокировки номеров телефонов,

с использованием которых осуществляются мошеннические действия, в том числе из мест лишения свободы и СИЗО;

— уязвимости программного обеспечения сервисов «Мобильный банк» различных кредитных организаций, при одновременном расширении их функционала, позволяющего дистанционного производить транзакции и оформлять кредиты без личного обращения клиента;

— распространение вредоносного программного обеспечения под видом антивирусных программ;

— распространение спам-ссылок на онлайн лотереи, казино, социальные выплаты, государственные услуги, налоговые вычеты через социальные сети и мессенджеры (например, открытые группы Вайбер) без ведома и согласия абонентов, от чьего имени они рассылаются;

— неразвитость сервисов электронного межведомственного взаимодействия, повсеместное распространение требования приложить копию личного документа гражданина (паспорта, СНИЛС) или правоустанавливающих документов на его имущество при подаче заявлений, обращений как в государственные, так и частные организации (при заселении в гостиницу, подаче заявления в МФЦ, электросети и т. п.);

— нарушение протоколов безопасности в кредитно-финансовых организациях, несанкционированное копирование клиентской базы, в результате чего в неофициальном сегменте Интернета — Даркнете предлагаются к покупке указанные актуальные базы;

— низкая раскрываемость дистанционных хищений;

— критически низкое количество возмещенного ущерба по делам о дистанционном мошенничестве (доля возвращенных гражданам средств ежегодно снижается — 7,7 % за 2021 г., поскольку одновременно увеличивалась доля транзакций, санкционированных самим клиентом путем передачи кодов мошенникам);

— появление новых рисковых технологий, которые могут быть использованы мошенниками для подмены личности клиента (программная имитация голоса при голосовой идентификации, *Deepfake* — методика синтеза изображения, основанная на искусственном интеллекте при идентификации клиента по изображению или видео);

— появление новых рисковых инвестиционных и псевдо-инвестиционных платформ в Интернете, привлекающих средства граждан, которые не имеют соответствующих знаний и опыта в сфере инвестиций или не могут однозначно проверить достоверность представленной инвестиционной площадкой информации (*краудфандинг*) [3].

В результате всех этих манипуляций мошенники обеспечивают свою анонимность и при этом получают доступ к персональным данным граждан. Указанные обстоятельства мешают правоохранительным органам, ведущими среди которых являются органы внутренних дел, оперативно пресекать, выявлять и расследовать такие категории дел. Это в свою очередь позволяет преступникам длительное время осуществлять противоправную деятельность даже при их обнаружении.

Результаты и выводы

С учетом вышесказанного эффективная профилактика дистанционных хищений помимо уже принятых мер повышения информированности населения, его финансовой грамотности, информационной безопасности сделок в Интернете, должна развиваться в следующих направлениях:

— введение механизмов финансовой ответственности кредитных и иных финансовых организаций за низкий уровень противодействиях дистанционным хищениям как сотрудниками организации, так и третьими лицами с полной компенсацией финансовой организацией причиненного ущерба потерпевшим;

— усиление личной ответственности, в том числе уголовной и имущественной, сотрудников кредитной организации за передачу третьим лицам персональных данных клиентов и сведений, составляющих банковскую тайну;

— расширение применения программных средств предупреждения преступлений, в том числе возможностей искусственного интеллекта для блокировки колл-центров, IP–телефонии, сайтов-двойников;

— запрет анонимности финансовых инструментов (запрет регистрации анонимных электронных кошельков и т. п.) с проверкой введенных паспортных данных через сервисы МВД России;

— временная блокировка денежных средств по заявлению клиента банка-отправителя на счету банка-получателя даже в случае передачи персональных кодов самим клиентом;

— автоматическое блокирование денежных средств на счету получателя средств при наличии подозрения на мошенничество банком-получателем средств (например, множественные переводы в течение короткого времени на один счет), а также при перечислении денежных средств на анонимные электронные кошельки;

— ограничение онлайн-переводов денежных средств по социальным картамбез личного посещения отделения банка по заявлению клиента;

— выдача кредитов только при личном обращении клиента или с использованием многоступенчатой, в том числе биометрической идентификации клиента с помощью фото или видео в режиме реального времени с документами, удостоверяющими личность. При этом подача заявки онлайн и ее предварительное одобрение не ограничивается;

— биометрическая верификация (отпечатки пальцев, фейс–ID) всех транзакций денежных средств с помощью мобильных приложений и дистанционных платежных систем;

— создания для граждан и организаций супер-сервиса «Антифрод-платформы» с искусственным интеллектом и доступом к ней правоохранительных органов, интернет провайдеров, операторов сотовой связи, кредитных организаций в целях оперативного сообщения о совершенном преступлении, выявления IP–адресов мошенников и места нахождения сотовых номеров, с помощью которых осуществлено хищение, блокирования счетов злоумышленников;

— программное блокирование взломов аккаунтов в социальных сетях и спам-рассылки с просьбами перечисления денег, лотереями и онлайн-казино;

— блокирование функции перевода денег через социальные сети, через сайты с объявлениями о купле-продаже имущества, или создание механизма задержки денежных средств на промежуточном счете финансовой организации-партнера;

— разработка и внедрение правовых механизмов реализации указанных мер, внесение изменений в действующее законодательство, ограничивающее внесудебный доступ правоохранительных органов к банковской тайне в случае сообщения о совершенном преступлении через «Антифрод-платформу» и др.

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день технологии предупреждения, выявления и раскрытия дистанционных хищений во многом реализуемы с помощью современных программных средств и искусственного интеллекта. Развитию этого направления профилактики мошенничеств препятствует отсутствие воли кредитных, иных организаций и соответствующей этим возможностям нормативно-правовой базы.

Новые угрозы, вызовы национальной безопасности ставят перед всеми участниками цифровой экономики и новые задачи, предполагают поиск ранее не использовавшихся, неизвестных мер и их системы. И работа по нейтрализации этих угроз должна строиться опережающими темпами, то есть бизнес,предлагая какой-то новый продукт в сфере дистанционного оказания финансовых услуг должен одновременно предлагать и механизм нейтрализации возможных уязвимостей и компенсации потерь клиентам. Отсутствие таких механизмов приводит к падению уровня доверия клиентов к банковской системе в целом, отказу от использования современных цифровых сервисов. Обычный человек оказывается «один на один» с хорошо организованным криминальным бизнесом, где все его участники получают свою выгоду — и мошенники, и сами банки, обвиняя жертву в неосмотрительности.

Новые проблемы должны привести и к обновлению теории виктимологической профилактики и практики предупреждения дистанционных хищений. Теория

профилактики должна обязательно включать не только мероприятия по нейтрализации детерминант преступности и снижению уровня виктимности жертв, но и включать механизмы восстановительного (компенсационного) правосудия.

Список источников

1. Hamby S., Blount Z., Taylor E., Mitchell K., Jones L. The Association of Different Cyber-Victimization Types With Current Psychological and Health Status in Southern Appalachian Communities // Violence and Victims. 2021. Vol. 36, iss. 2. P. 251–271. DOI: 10.1891/VV-D-18-00214.251 URL: https://connect.springerpub.com/content/sgrvv/36/2/251 (дата обращения: 25.01.2022).

2. Осипенко А. Л., Соловьев В. С. Основные направления развития криминологической науки и практики предупреждения преступлений в условиях цифровизации общества // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 6. С. 681–691. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(6).681–691

3. Яценко Т. С., Тищенко Е. В., Овчинников А. И. Краудфандинг: социальное предпринимательство и противодействие преступности в этой сфере // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 2. С. 189–19. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(2).189-198

4. Вишневецкий К. В., Кубякин Е. О. Криминологическая модель виктимности социальных групп как элемент системы профилактики преступности // Виктимология. 2014. № 1 (1). С. 32–37.

5. Евтушенко И. И., Венедиктов А. А. Дистанционные хищения: понятие и признаки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12-2. С. 65–67.

6. Евтушенко И. И. Виктимологическое исследование потерпевших от мошеннических действий в Республике Крым: основные результаты // Общество и право. 2020. № 2 (72). С. 67–71.

7. Майоров А. В., Яременко Н. Е. Виктимологический аспект мошенничества // Виктимология. 2019. № 3 (21). С. 36–41.

8. Хоменко А. Н. К вопросу о виктимизации жертв киберпреступлений // Виктимология. 2021. Т. 8, № 2. С. 143–148.

9. Nofziger S. Victimization and the General Theory of Crime // Violence and Victims. 2009. Vol. 24, iss. 3. P. 337–350. DOI: 10.1891/0886-6708.24.3.337. URL: https://connect.springerpub.com/content/sgrvv/24/3/337 (дата обращения: 25.01.2022).

10. Outlaw M., Ruback B., Britt C. Repeat and multiple victimizations: the role of individual and contextual factors // Violence and Victims. 2002. Vol. 17, iss. 2. P. 187–204. DOI: 10.1891/vivi.17.2.187.33648. URL: https://connect.springerpub.com/content/sgrvv/17/2/187 (дата обращения: 25.01.2022).

11. Smith H. P. Violent Crime and Victim Compensation: Implications for Social Justice. // Violence and Victims. 2006. Vol. 21, iss. 3. P. 307–322. DOI: 10.1891/vivi.21.3.307. URL: https://connect.springerpub.com/content/sgrvv/21/3/307 (дата обращения: 25.01.2022).

References

1. Hamby S, Blount Z, Taylor E, Mitchell K, Jones L. The Association of Different Cyber-Victimization Types With Current Psychological and Health Status in Southern Appalachian Communities. *Violence and Victims*. 2021;36(2):251-271. DOI: 10.1891/VV-D-18-00214. URL: https://connect.springerpub.com/content/sgrvv/36/2/251 (accessed: 01.25.2022)

2. Osipenko AL, Soloviev VS. The main directions of development of criminological science and practice of crime prevention in the conditions of digitalization of society. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal* [All-Russian Journal of Criminology]. 2021;15(6):681-691.—DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(6).681-691 (In Russ.)

3. Yatsenko TS, Tishchenko EV, Ovchinnikov AI. Crowdfunding: social entrepreneurship and combating crime in this area. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal* [All-Russian Journal of Criminology]. 2021;15(2):189–198. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(2).189-198. (In Russ.)

4. Vishnevetsky KV, Kubyakin EO. Criminological model of victimization of social groups as an element of the crime prevention system. *Viktimologia* [Victimology]. 2014;(1):32-37. (In Russ.)

5. Yevtushenko II, Venediktov AA. Remote theft: the concept and signs. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2020;(12-2):65-67. (In Russ.)

6. Yevtushenko II. Victimological research of victims of fraudulent actions in the Republic of Crimea: main results. *Obshchestvo i pravo* [Society and law]. 2020;(2):67-71. (In Russ.)

7. Mayorov AV, Yaremenko NE. Victimological aspect of fraud. *Viktimologia* [Victimology]. 2019;(3):36-41. (In Russ.)

8. Khomenko, A. N. To the issue of victimization of victims of cybercrime. *Viktimologia* [Victimology]. 2021;8(2):143-148.

9. Nofziger S. Victimization and the general theory of crime. *Violence and Victims*. 2009;24(3):337-350. DOI: 10.1891/0886-6708.24.3.337. URL: https://connect.springerpub.com/content/sgrvv/24/3/337 (accessed: 25.01.2022).

10. Outlaw M, Ruback B, Britt C. Repeat and multiple victimizations: the role of individual and contextual factors. *Violence and Victims*. 2002;17(2):187-204. DOI: 10.1891/vivi.17.2.187.33648. URL: https://connect.springerpub.com/content/sgrvv/17/2/187 (accessed: 01.25.2022).

11. Smith HP. Violent crime and victim compensation: implications for social justice. *Violence and Victims*. 2006;21(3):307–322. DOI: 10.1891/vivi.21.3.307. URL: https://connect.springerpub.com/content/sgrvv/21/3/307 (accessed: 01.25.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евтушенко Инна Ивановна кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России.

295053, г. Симферополь, ул. им. академика Х. Х. Стевена, д. 14.

inna-evt@yandex.ru

https://orcid.org/ 0000-0002-1335-5404

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inna I. Evtushenko Master of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of Krasnodar University of the of the Interior Ministry of Russia.

14 akademika Kh. Kh. Steven st., Simferopol 295053, Russia.

inna-evt@yandex.ru

https://orcid.org/ 0000-0002-1335-5404

Дата поступления статьи / Received: 03.02.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 20.02.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.03.2022.

Научная статья
УДК 343.97
DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10910

Понятие и виды антиобщественного поведения

Дмитрий Николаевич Лунин
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД РФ, г. Тюмень, Россия
lunindn77@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6591-9139

Аннотация. Несмотря на общеизвестность формулировки «антиобщественное поведение», на законодательном уровне данное понятие было закреплено сравнительно недавно. Как показывает анализ, использование данной нормы не находит своего практического применения за весь, более пятилетний период своего существования. По мнению автора, понятие «антиобщественное поведение» не отражает истинного его содержания и не позволяет сделать однозначного вывода о действиях, признаваемых в качестве таковых. В статье приводятся доводы, подтверждающие необходимость конкретизации нормы закона, а на основе проведенного анализа обозначены возникающие в связи с этим, сложности применения на практике мер профилактического воздействия. Автором предлагается собственный взгляд на содержание понятия антиобщественного поведения, дана характеристика действиям нарушающих общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц. Внесены предложения по устранению имеющихся противоречий.
Ключевые слова: антиобщественное поведение, нормы поведения, преступление, предостережение, законный интерес, общественный проступок
Для цитирования: Лунин Д. Н. Понятие и виды антиобщественного поведения // Виктимология. 2022. Т. 9, № 1. С. 99–107. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10910

Scientific article

The Concept and Types of Antisocial Behavior

Dmitry N. Lunin
Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russia
lunindn77@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-6591-9139

Annotation. Despite the well-known wording “antisocial behavior”, at the legislative level, this concept was fixed relatively recently. As the analysis shows, the use of this norm does not find its practical application for the entire, more than five-year period of its existence. According to the author, the concept of “antisocial behavior” does not reflect its true content and does not allow us to draw an unambiguous conclusion about the actions recognized as such. The article provides arguments confirming the need to specify the norms of the law, and on the basis of the analysis, the difficulties arising in this regard, the application of preventive measures in practice, are indicated. The author offers his own view on the content of the

© Д. Н. Лунин

concept of antisocial behavior, characterizes the actions that violate the generally accepted norms of behavior and morality, the rights and legitimate interests of others. Proposals have been made to eliminate the existing contradictions.
Keywords: antisocial behavior, norms of behavior, crime, warning, legitimate interest, public misconduct
For citation: Lunin D. N. The Concept and Types of Antisocial Behavior. *Viktimologiya* [Victimology]. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 99-107. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10910 (In Russ.)

Введение

Воспитанию человека, с давних времен уделялось особое внимание. Определялось, что относится к нормальному и правильному поведению, а что является отклонением от нормы в негативном смысле этого слова. Вопросы изучения поведения, относятся к различным научным направлениям, включая социологию, философию, криминологию и другие. Несмотря на обширный круг направлений в исследовании поведения, предлагаем остановиться на понятии антиобщественного поведения и попытаться вникнуть в его суть.

Формулировка «антиобщественное поведение» является общеизвестной. Подавляющее большинство людей сталкивается с этим термином в повседневной жизни, в быту. В Российской Федерации, на законодательном уровне, данное понятие появилось более пяти лет назад. В Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее — 182-ФЗ 2016 г.), *антиобщественное поведение* представляется как не влекущие за собой административную или уголовную ответственность действия физического лица, нарушающие общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц.

На наш взгляд, смысл заложенный законодателем в профилактической работе с антиобщественным поведением состоял в необходимости концентрации общества на воспитательном процессе, позволяющем на ранней стадии противостоять более общественно опасным деяниям, таким как правонарушения. Расширяя кругозор значимости профилактики антиобщественного поведения нельзя не учитывать виктимизацию, неразрывно связанную с этим социальным явлением. Под виктимизацией в данном контексте полагаем понимать определенный процесс взаимосвязи виктимности и преступности, результатом которого является причинение вреда и признание лица потерпевшим [1, с. 30]. Именно провокация или систематическое совершение антиобщественных действий, усугубленные недостаточностью правовых рычагов влиять на ситуацию, часто побуждают отдельных граждан самостоятельно защищать свои права, вплоть до совершения преступлений в отношении нарушителей «общепринятых норм поведения и морали». Исходя из этого возникают вопросы к содержанию понятия антиобщественное поведение.

Описание исследования

Предлагаем рассмотреть два основных момента: 1) Отражает ли данное законодателем определение, истинный смысл, заложенный в термине «антиобщественное поведение»? 2) Что относится к действиям физического лица, которые «нарушают общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц»?

Термин антиобщественное поведение в большей степени ассоциируется с антиобщественными действиями, исчерпывающего перечня которых на сегодняшний день на законодательном уровне не имеется. Вместе с тем, отдельные виды антиобщественных действий указываются в ст. 1 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», как действия, выражающиеся в систематическом употреблении наркотических средств, психотропных и (или) одурманивающих веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции, занятии проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством, а также иные действия, нарушающие права и законные интересы других лиц.

На определенный перечень антиобщественных действий указывает ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий»[1]. Исходя из логики закона, диспозиция указанной статьи определяет в качестве таковых: употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством.

В первую очередь определим, возможно ли действия признать поведением? Формулировка *поведение* и *действие* взаимосвязаны, тем не менее, они разные по своему содержанию. Понятие «поведение» намного шире и включает в себя эти самые «действия». Они могут различаться длительностью, образом жизни человека, его восприятием к содеянному. Если под действием понимается рационально обоснованный поступок, имеющий ясную цель, стратегию, выполняющийся с привлечением конкретных осознанных методов и средств, то поведение — это реакция живого существа на внешние и внутренние изменения. Такая реакция может быть и осознанной, и неосознанной. Поведение подразумевает сформированный в сознании человека, возможно даже естественный для него образ жизни на определённом этапе развития.

В этике и педагогике поведение — это, прежде всего, действия человека по отношению к другому (другим), которые должны быть соотнесены с принятыми в культуре правилами, нормами во взаимоотношениях людей [2, с. 94], т. е. правила поведения в обществе.

Таким образом, указанные выше антиобщественные действия вполне возможно определить, как антиобщественное поведение, при исключении разового характера их совершения. Но как быть с формулировкой закона, которая говорит о действиях, не влекущих, ни уголовную, ни административную ответственность? Из перечисленных антиобщественных действий, под понятие «антиобщественное поведение» безусловно подпадает бродяжничество и попрошайничество, поскольку по крайней мере на федеральном уровне не влекут ни уголовную, ни административную ответственность. В части остальных действий, предусмотрена административная ответственность, например, статьи 6.11 и 20.22 КоАП РФ[2]. Относительно ст. 20.22 КоАП РФ, могут возникнуть определенные вопросы, тем не менее, несмотря на то, что субъектом данного состава правонарушения являются: родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего, объективная сторона правонарушения связана с нахождением несовершеннолетних в состоянии опьянения, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции и т. д. За потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача предусмотрена ответственность по ст. 6.9 КоАП РФ.

Если систематическое употребление алкогольной продукции рассматривать как антиобщественное поведение, то данные действия в большинстве случаях сопровождаются административными правонарушениями, такими как ст. 20.20, 20.21 КоАП РФ. Поэтому констатируем, что не все нормативно закрепленные антиобщественные действия, подпадают под понятие антиобщественное поведение.

Переходя ко второй части поставленного нами вопроса отметим, что формулировка, связанная с действиями физического лица, нарушающих общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц, весьма абстрактная. К действиям, нарушающим общепризнанные нормы поведения и морали, вполне можно отнести грубое высказывание со стороны несовершеннолетнего в адрес взрослого человека, сделавшему ему замечание; демонстративно не уступать место

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.12.2021).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ : ред. от 01.07.2021, с изм. от 09.11.2021 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 06.12.2021). Все последующие обращения к Кодексу взяты с этого же ресурса.

в общественном транспорте пожилым людям; отказ матери от новорожденного ребенка; отказ от престарелых родителей. Будут ли в данном случае иметься основания применять одну из форм профилактического воздействия как, «объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения»[1], с вытекающими правовыми последствиями? Конечно же, нельзя не учитывать в данном вопросе особенности самого общества, поскольку в разных социальных группах одного общества могут быть совершено разные понятия норм поведения и морали. Об этом говорил основатель античной школы скептицизма древнегреческий философ Пиррон (360 до н. э.—275 до н. э.), формулируя принцип морального релятивизма—нет никаких рациональных причин предпочитать одни моральные принципы другим, мораль зависит от общества. Аморальные поступки одних вполне укладываются в моральные нормы для других мест или другого времени[2]. Представляется, что органам власти необходимо самостоятельно определять грань дозволенного, переступив которую будут все основания признавать действия антиобщественным поведением.

Общепринятыми нормами поведения и морали, понятие «антиобщественное поведение» не ограничивается. Продолжая разбирать признаки определения, мы сталкиваемся с таким термином как действия нарушающие *права и законные интересы других лиц*. Сочетание таких слов встречается во многих нормативно-правовых актах не только Российской Федерации. Данная формулировка содержится в Конституции РФ 1993 г., где о правах и законном интересе говорится дважды (ч. 2 ст. 36, ч. 3 ст. 55). В арбитражном процессуальном кодексе РФ посвящена целая глава (28.2) рассмотрению дел о защите прав и законных интересов группы лиц. Законные интересы закреплены в Конституциях Итальянской Республики (ст. 24), Швейцарии (ст. 34). В упомянутом нами Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», аналогичным образом применяется формулировка в определении антиобщественных действий (ст. 1).

В ходе подготовки настоящей статьи, нам не удалось установить официальные случаи фиксации антиобщественных действия (или поведения) исходя из нарушения прав и законных интересов других лиц. Возникает вопрос фактического применения на практике данной формулировки, в части определения действий, подпадающих под антиобщественное поведение. Исходя из контекста определения, в нем фигурируют по сути два разных по содержанию действия: 1) нарушающие права других лиц; 2) нарушающие законные интересы других лиц.

Относительно нарушений прав очевидно, что речь идет о субъективном праве, т. е. правах граждан, которые имеют нормативное закрепление на законодательном или ином уровне и заключаются в гарантированной юридической возможности совершать определенные действия. Тем не менее, не ясно, какие нарушаемые в процессе общественных отношений права, можно признавать антиобщественным поведением? К примеру, согласно отчету судебного департамента, при Верховном Суде Российской Федерации[3], в первом полугодии 2021 г. в суды общей юрисдикции поступило практически 11 млн (10 807 499) дел, возникших из семейных, трудовых, жилищных правоотношений, связанных с правом собственности на землю и других исковых требований. По заявленным искам данной категории сумма, подлежащая взысканию с ответчиков, составила более 500 миллиардов рублей (546 875 067 399). Несложно догадаться, что в судебной практике значительное количество поддержанных

[1] п. 3 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», далее—«Предостережение».

[2] Бабаш А. Добра и зла не существует: Как жить в мире без морали // Нож. 2019. URL: https://knife.media/no-moral-world/ (дата обращения: 20.12.2021).

[3] О работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции Отчет за 1 полугодие 2021 // Судебный департамент при ВС РФ : [сайт]. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 30.11.2021).

гражданских исков являются следствием нарушения прав граждан в различных сферах жизнедеятельности. В этой связи трудно себе представить объявление Предостережения за нарушение таких прав.

Гораздо сложнее обстоят дела с законными интересами, точного понятия которого не существует. Имеются различные мнения ученых относительно содержания этого понятия. Л. А. Морозова определяет законный интерес, как «социальное благо, не противоречащее действующему законодательству и обусловленное допускаемой государством юридической возможностью удовлетворять с помощью этого блага свои потребности» [3, с. 308].

В работе, под редакцией М. Н. Марченко, посвящена целая глава под названием «Проблемы законных интересов», в которой отражены спорные вопросы в понятии «Законный интерес», приводится мнение разных исследователей. Освещена собственная позиция ученого, определяя его как «гарантированное государством дозволение, выражающееся в стремлениях субъекта пользоваться конкретным социальным благом, с возможностью обращаться за защитой к компетентным органам…» [4, с. 375].

Законные интересы существуют в разных сферах общественных отношений, включая политические, социально-экономические, культурные и др. В качестве примеров законного интереса можно привести желание истца получить в полном объеме заявленную им компенсацию морального вреда,работнику получить повышение по должности. Законный интерес граждан пенсионного возраста может быть выражен в повышении пенсионных выплат, кратно превышающих прожиточный минимум. Жители городов могут быть заинтересованы в дополнительных детских и спортивных площадках и многое другое.

Существует противоположное мнение, согласно которому законный интерес практически полностью сливается с понятием субъективного права, что еще больше затрудняет его понимание[1].

Изучив мнения разных авторов, полагаем, что в качестве *законного интереса* можно определить — нерегулируемую, но и не запрещенную нормами права дозволенность, позволяющую законными методами удовлетворять свои потребности, необходимость в которых возникла в рамках существующих общественных отношений, включая возможность обращения за помощью в компетентные органы.

Одна из особенностей, характеризующих законный интерес и отличающего его от субъективного права состоит в том, что желание удовлетворять свои потребности, не обязывает кого бы то ни было совершать действия, направленные на их удовлетворение. Еще в начале XX века Н. М. Коркунов говорил: «Дозволять одному не значит обязать другого. Дозволенное действие может стать правом только, когда будет запрещено совершение всего мешающего дозволенным действовать, потому что только при этом условии будет установлена соответствующая обязанность» [5, с. 124].

Такого же мнения и современные ученые. Как отмечает Л. А. Морозова, «законный интерес не предполагает права его обладателя требовать от других лиц поведения, не нарушающего его интерес» [3, с. 308].

К примеру, поданный в суд иск на возмещение морального вреда в виде денежной компенсации, не означает обязанность суда удовлетворить его в полном объеме. Равно как и желание гражданина получить повышенную денежную премию, не означает в обязательном порядке реализацию его желаний. Не получив желаемое благо, гражданин может обратиться в компетентные органы для их удовлетворения. В рассматриваемых случаях — в вышестоящие инстанции.

По нашему мнению, законный интерес в принципе не может быть нарушен, поскольку удовлетворять желаемые блага никто не обязан, соответственно и нарушать, собственно говоря, не чего. В данном случае больше подходит такая формулировка как, *защита своих законных интересов*, которую на наш взгляд следует трактовать как — принятие самостоятельных законных мер, направленных на достижение

[1] Шепелев Д. В. О понимании категории «законный интерес» // НЭБ «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponimanii-kategorii-zakonnyy-interes (дата обращения: 20.12.2021).

цели в удовлетворении дозволенных потребностей, включая возможность обращения в компетентные органы для признания личных благ, в качестве права.

Вполне уместно законодатель применяет формулировку, связанную с правами и законными интересами в ст. 4 АПК РФ, где определено, что: «Заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов…»[1]. В рассматриваемом случае речь идет как о защите нарушенных или оспариваемых правах, так и о *защите* законных интересов. Вместе с тем, исходя из контекста определения антиобщественного поведения, мы видим, что речь идет о нарушении прав, наряду с *нарушением* законных интересов.

Вполне справедливо заметил В. В. Субочев, говоря о том, что «субъективные права и законные интересы употребляются законодателем, как правило, в едином контексте. Вместе с тем, это не всегда оправдано и, более того, не во всех случаях грамотно» [6].

В связи с этим у нас и возникли сомнения в практической реализации закона, в части оценки действий граждан и уместности применения данной формулировки в определении антиобщественного поведения. Вопросы законного интереса являются дискуссионной и важной темой в правовых отношениях. Однако в нашем случае требуется более конкретная формулировка, позволяющая в первую очередь с практической точки зрения правильно определить и применить норму права.

Отвечая на вопрос о содержании понятия антиобщественного поведения, следует отметить, что термин «антиобщественное поведение» или «действие» относится к социальным патологиям, благодаря чему он воспринимается в качестве негативного явления. Сама по себе приставка «анти» показывает на отрицание принятых в обществе норм поведения. Согласно «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, «анти» (от греч. *anti* — против), обозначает направленность против чего-либо, борьбу с чем-либо, противоречие чему-либо…»[2]. В толковом словаре Ожегова приставка «анти… образует существительные и прилагательные со знач. противоположности, враждебности, направленности против кого-чего-н., то же, что противо…»[3].

Таким образом, исходя из буквального толкования, к антиобщественным действиям вполне обоснованно можно относить не только упомянутые выше бродяжничество и попрошайничество, но и отдельные преступления, и административные правонарушения. Убийство, грабеж, кража, изнасилование, избиение, хулиганство, распитие спиртных напитков в общественных местах и т. д., все эти действия, несомненно противоречат нормальному, общепризнанному, одобряемому поведению в обществе, а их умышленное и систематическое совершение ничто иное как антиобщественное поведение. Поэтому полагаем, что понятие «антиобщественное поведение» должно трактоваться шире, чем указано законодателем. То, что имел в виду законодатель, по нашему мнению, необходимо трактовать не как антиобщественное поведение, а разновидность антиобщественных действий, не влекущих ни административную, ни уголовную ответственность, но выходящих за рамки общепринятых норм поведения и морали, вызывающих осуждение в обществе. Такие действия вполне можно назвать *общественным проступком*.

Отсутствие четкого понимания норм, входящих в общую систему профилактики правонарушений ставит под угрозу весь механизм предупреждения преступности, который представляется, как многоуровневая система целенаправленных государственных и общественных мер по выявлению, устранению, ослаблению и нейтрализации причин и условий преступности [7, с. 50].

На фоне неоднозначности толкования рассматриваемой нормы мы прибегли

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 16.11.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 30.11.2021).

[2] Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург, 1998. URL: http://gramota.ru/slovari/dic/ (дата обращения: 10.12.2021).

[3] Ожегов С. И. Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=518 (дата обращения: 10.12.2021).

к проведению экспресс-опроса, целью и задачами которого являлось определить насколько граждане, (в том числе представители государственных, муниципальных органов власти), понимают суть понятия антиобщественного поведения.

Опрос проходил в июне 2021 г., в котором приняло участие 150 жителей преимущественно Свердловской, Тюменской областей, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Участники опроса представляли различную возрастную категорию, разный образовательный уровень, являлись представителями правоохранительных органов, образования, государственной и муниципальной службы, коммерческих организаций. В анкетировании было предусмотрено описание проблемы, а содержание вопросов отражали знания существующего ФЗ-182 2016 г. Предлагалось выразить мнение о видах антиобщественного поведения из предложенного перечня, а также самостоятельно привести примеры действий, нарушающих права и законные интересы других лиц. Дана возможность высказаться, о необходимости субъектам Российской Федерации самостоятельно определять перечень антиобщественных действий (наряду с общепринятыми) с учетом особенностей регионов, сложившихся традиций и обычаев.

Из общего числа опрошенных, 76,6 % участников имели высшее образование (115), больше половины — юридическое (62), педагогическое — 39. Наибольший интерес вызвали респонденты с юридическим образованием как наиболее подготовленные в вопросах знания законодательства. Практически половина из «юристов» (29) работали в органах внутренних дел, 12 опрошенных занимали должности государственной и муниципальной службы, 8 в сфере образования.

В качестве одного из вопросов, участникам было предложено выбрать из 14 предложенных действий те, которые, по их мнению, относятся к антиобщественному поведению. В перечень предложенных действий умышленно были включены содержащие как признаки административных правонарушений, так и преступлений. Результаты опрошенных «юристов» по данному вопросу показали, что в 39 ответах были перечислены действия содержащие признаки административного правонарушения и преступления. В 9 случаях было указано на все перечисленные варианты. Таким образом, практически 77 % опрошенных «юристов», в качестве антиобщественного поведения поняли, как административные правонарушения, так и преступления.

На вопрос анкеты: «Что Вы понимаете под действиями, нарушающими права и законные интересы других лиц?», было предложено самостоятельно описать эти действия. Результаты опроса показали на разнообразие ответов, включая нарушения прав указанных в Конституции РФ, любых действий и бездействий, нарушающих закон, нарушение общественного порядка и другие ответы.

Аналогичные по содержанию ответы содержались у иных категорий опрошенных лиц. К вопросу о предоставлении возможности в каждом регионе Российской Федерации самостоятельно определять перечень антиобщественных действий с учетом специфики региона, опрошенные подошли неоднозначно. Положительные отзывы поступили от 57 опрошенных граждан, 66 отрицательные, остальные воздержались от однозначного ответа.

Заключение

Таким образом исследование показало, что граждане, а равно представители государственных органов не совсем ясно представляют рамки действия понятия антиобщественное поведение. Основной причиной служит абстрактность определения, закрепленного на законодательном уровне. В ходе проведенного анализа мы сконцентрировали внимание на проблемных вопросах, предложили собственное определение, характеризующее разновидность антиобщественного поведения назвав его общественным проступком. Высказали мнение относительно определения «законного интереса» и «защиты законного интереса». Внесли предложения, в части формирования перечня действий, названных нами «общественными проступками», что позволит устранить разночтение и в полной мере реализовывать функции по их профилактике.

На наш взгляд, правовые основания к этому имеются. Пункт 1 ст. 11 ФЗ-182 2016 г., дает полномочия органам государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществлять нормативно-правовое регулирование в сфере профилактики правонарушений. Таким образом данный вопрос может быть самостоятельно нормативно урегулирован на уровне субъекта РФ, определив виды антиобщественных действий с учетом специфики региона, его традиций, обычаев. Перечень может меняться исходя из развития и изменения общественных отношений. Изучив ряд официальных сайтов субъектов Российской Федерации, (период мониторинга с 01.11.2021 по 30.11.2021), нам не удалось обнаружить сведения, указывающие на наличие подобных перечней, что также может свидетельствовать об отсутствии должного понимания сути определения антиобщественного поведения.

Список источников

1. Майоров А. В. Модель развития виктимологической ситуации // Виктимология. 2018. № 1 (15). С. 30–36.

2. Попов Л. М. Философия поведения личности // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. № 4. С. 93–98.

3. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма ; ИНФРА-М, 2019. 464с.

4. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права : учебное пособие. Москва : Юрист, 2001. 656 с.

5. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / [соч.]. 9-е изд. (без изм.). СПб., 1909. 354, X с. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/58300-korkunov-n-m-lektsii-po-obschey-teorii-prava-spb-1909#mode/inspect/page/5/zoom/4 (дата обращения: 10.12.2021).

6. Субочев В. В. Законные интересы // Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. А. В. Малько. Москва : Юрлитинформ. 2012. С. 362–380. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/f83/f833eaff5edbcb71a9c0ef7d3246245e.pdf (дата обращения: 10.12.2021).

7. Юзиханова Э. Г. Основы криминологии : учебное пособие. Тюмень : Тюменский юридический ин-т МВД России, 2009. 90 с.

References

1. Mayorov AV. Model of victimological situation development. *Viktimologiya* [Victimology]. 2018;(1):30–36. (In Russ.)

2. Popov LM. Philosophy of personality behavior. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Kazan State University. Humanities]. 2008;150(4):93–97. (In Russ.)

3. Morozova LA. *Theory of State and law*. Textbook. 6th ed., reprint. and additional. Moscow. Norm: INFRA-M; 2019. (In Russ.)

4. Marchenko MN. (ed) *Problems of the theory of state and law*. Textbook. Moscow. Lawyer; 2001. (In Russ.)

5. Korkunov NM. *Lectures on the general theory of law* / [op. cit.] 9th ed. (without changes). St. Petersburg; 1909. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/58300-korkunov-n-m-lektsii-po-obschey-teorii-prava-spb-1909#mode/inspect/page/5/zoom/4 (accessed 10.12.2021). (In Russ.)

6. Subochev VV. Legitimate interests // *Problems of the theory of state and law*. Textbook. Edited by A.V. Malko. Moscow. Yurlitinform; 2012:362-380. (In Russ.)

7. Yuzikhanova EG. *Fundamentals of criminology*. Textbook. Tyumen: Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2009. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лунин Дмитрий Николаевич начальник информационного центра УМВД России по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре; адъюнкт, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.

625049, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 72.
lunindn77@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-6591-9139

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry N. Lunin Head of the Information Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra; Adjunct, Tyumen Institute for Advanced Training of Ministry of Internal Affairs Staff.

72 Amurskaya st., Tyumen 625049, Russia.
lunindn77@gmail.com
https://orcid.org/0000-0001-6591-9139

Дата поступления статьи / Received: 10.02.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 20.02.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.03.2022.

V

Научная статья
УДК 343.851
DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10911

Место и роль виктимологической профилактики в учебных заведениях в системе мер по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации

Павел Николаевич Фещенко
Волго-Вятский институт (филиал), университет им. О. Е.Кутафина (МГЮА)
Киров, Россия
fpn2005@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5085-3659

Аннотация. В статье рассматриваются угрозы национальной безопасности России, отраженные в новой Стратегии национальной безопасности 2021 г., и делается вывод относительно их преимущественно криминальном характере — от разведывательной деятельности, экстремизма и терроризма до коррупции и «цветных революций». Это позволило обосновать положение о важном месте предупреждения преступности в целом в системе мер обеспечения национальной безопасности, где неотъемлемой частью являются меры виктимологической профилактики.
На основе анализа содержания угроз национальной безопасности обосновывается особая важность проведения предупредительной работы в молодежной среде, где виктимологическая профилактика является наиболее гуманной и действенной формой противодействия преступности. Приводятся данные, отражающие проблемы в системе предупреждения преступности несовершеннолетних, прежде всего, в системе воспитания подрастающего поколения, что увязывается с необходимостью более эффективного противодействия негативному воздействию на молодежь в информационной сфере и попыткам активизации их участия в протестных экстремистских акциях. В качестве одного их реальных направлений противодействия данной деятельности предлагается привлечение студентов юридического вуза для подготовки и проведения мероприятий по виктимологической профилактике и правовому просвещению среди школьников, что не только снижает их уязвимость от негативной обработки в информационной среде, но и способствует повышению правосознания и виктимологической подготовке самих студентов. Приводятся данные о содержании и положительных результатах такой деятельности с позиций одного из вузов в Кировской области.
Ключевые слова: национальная безопасность, угрозы, экстремизм, виктимологическая профилактика, предупреждение преступности
Для цитирования: Фещенко П. Н. Место и роль виктимологической профилактики в учебных заведениях в системе мер по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации // Виктимология. 2022. Т. 9, № 1. С. 108–118. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10911

© П. Н. Фещенко

Scientific article

Place and Role of Victimological Prevention in Educational Institutions in the System of Measures to Ensure National Security of the Russian Federation

Pavel N. Feshchenko
Volgo-Vyatsky Institute (branch), O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy)
Kirov, Russia
fpn2005@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5085-3659

Abstract. The article examines the threats to the national security of Russia, reflected in the new National Security Strategy of 2021, and concludes about their predominantly criminal nature — from intelligence activities, extremism and terrorism to corruption and "color revolutions". This made it possible to substantiate the position of an important place for crime prevention in general in the system of measures to ensure national security, where measures of victimological prevention are an integral part.
Based on the analysis of the content of threats to national security, the authors substantiate the special importance of carrying out preventive work in the youth environment, where victimological prevention is the most humane and effective form of combating crime. The article provides data reflecting the problems in the juvenile delinquency prevention system, primarily in the upbringing system of the younger generation, which is linked to the need for more effective counteraction to the negative impact on young people in the information sphere and attempts to intensify their participation in extremist protest actions.
As one of their real areas of counteraction to this activity, it is proposed to use law students to prepare and conduct measures for victimological prevention and legal education among schoolchildren, which not only reduces their vulnerability to negative processing in the information environment, but also contributes to increasing legal awareness and victimological training themselves. students. Provides data on the content and positive results of such activities from the standpoint of one of the universities in the Kirov region.
Keywords: national security, threats, extremism, victimological prevention, crime prevention
For citation: Feshchenko P. N. Place and Role of Victimological Prevention in Educational Institutions in the System of Measures to Ensure National Security of the Russian Federation. *Viktimologiya* [Victimology]. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 108-118. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10911 (In Russ.)

Введение

На сегодняшний день принята и реализуется уже третья за последние годы Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, где указаны цели, задачи, основные направления деятельности, национальные интересы и другие имеющие важное значение аспекты, в том числе, угрозы интересам личности, общества и государства как основным объектам национальной безопасности[1]. Анализ указанных угроз — от разведывательной и подрывной деятельности, терроризма, экстремизма, коррупции и т. д. до чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера позволяет сделать вывод, что все они, кроме последней, носят криминальный характер и проявляются в конкретной преступной деятельности. Это позволяет сделать вывод, что в системе мер обеспечения национальной безопасности существенную роль играют меры предупреждения преступности, где важной составной частью является

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 12.01.2022).

виктимологическая профилактика, в том числе, среди наиболее уязвимых категорий населения, к которым криминологи обоснованно относят детей и подростков.

Постановка проблемы

Деятельность по обеспечению национальной безопасности носит постоянный характер и заключается как в созидательных аспектах: строительстве дорог, фабрик, производстве товаров для народа и вооружений для армии, так и выявлении и устранении угроз и их источников: шпионов, террористов, коррупционеров и т. д. Иными словами, такой же постоянной деятельностью является или, по крайней мере, должна являться и деятельность по предупреждению преступности, где криминологи выделяют основные объекты профилактического воздействия: причины и условия, граждан, которые могут перейти или вернуться на преступный путь и виктимное население.

Проблемой, как представляется, является объективная оценка как состояния национальной безопасности, так и ее составной части — предупреждения преступности.

Если первый аспект до недавнего времени был регламентирован п. 115 Стратегии национальной безопасности РФ 2015 г.[1], где были указаны «Показатели…», то в новой Стратегии 2021 г. они исключены, что можно, на наш взгляд, считать в качестве системной проблемы, требующей отдельного исследования. Применительно к обозначенной теме следует сказать, что, как следствие, в Стратеги нет и показателей противодействия криминальным угрозам, что не позволяет объективно оценить эффективность принимаемых мер противодействия.

Тем не менее, как представляется, данную проблему можно попытаться решить через использование положения о «мониторинге профилактики», введенном ФЗ-182 2016 г. «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ»[2]. Это позволит решить одну часть проблемы: оценить состояние установленных показателей, оставив без ответа вторую часть — как это всё в итоге повлияет на состояние национальной безопасности?

В данной статье мы поставили цель раскрыть три основных элемента «мониторинга» в аспекте оценки состояния и проблем снижения виктимности подрастающего поколения и увязать это с возможным влиянием на состояние национальной безопасности для выработки мер устранения выявленных недостатков.

Описание и результаты исследования

Согласно положений ФЗ-182 2016 г., мониторинг предупреждения правонарушений включает три блока: анализ состояния преступности, анализ состояния ее причин и условий и анализ эффективности деятельности субъектов профилактики.

Применительно к состоянию преступности в целом все уже свыклись с тем, что каких-то кардинальным изменений в лучшую сторону в последние десятилетия не наблюдается и не ставится цель ее существенного снижения в обозримом будущем. Как отражается в статистике, одних видов преступности становится чуть больше, других — чуть меньше, но в целом цифра чуть-чуть колеблется около 2 млн зарегистрированных преступлений. И это, вроде бы, и не проблема, что вполне согласуется с сегодняшними утверждениями определенной части криминологов о том, что «преступность — вечное явление» и надо только ее поддерживать в определенных рамках.

Как, например, указал в своем выступлении Министр МВД на Коллегии по итогам 2020 года, «в целом общий массив зарегистрированных в прошлом году преступлений практически не изменился»[3].

В то же время, как отметил выступивший на Коллегии Президент, «по преступлениям в сфере информационных технологий:

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 12.01.2022).

[2] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/ (дата обращения: 12.01.2022).

[3] Расширенное заседание коллегии МВД России // Президент России : [сайт]. URL: http:// kremlin.ru/events/president/news/65090 (дата обращения: 12.01.2022).

за последние 6 лет их число возросло более чем в 10 раз»… и нужно «активнее выявлять в сети тех, кто втягивает несовершеннолетних в противоправные действия.., незаконные несанкционированные уличные акции… Мы с вами, к сожалению, знаем, что такое интернет и как он используется для продвижения совершенно неприемлемого контента: для распространения детской порнографии, проституции, для доведения несовершеннолетних до самоубийств… А то, что каждое четвёртое преступление, совершённое подростками, — это тяжкое и особо тяжкое преступление, — это абсолютно для всех, для всего общества тревожный сигнал»[1].

Если провести анализ применительно к конкретным угрозам, то можно сделать вывод, что ситуация с противодействием разведывательной и иной деятельности ведется активно, ежегодно выявляются сотни разведчиков и агентов иностранных спецслужб[2], что должно позитивно влиять на обеспечение национальной безопасности: чем их выявили больше — тем лучше.

Но, если посмотреть на ситуацию с другой стороны, сотни агентов свидетельствуют о том, что стало значительно больше тех, кто готов работать во вред России, не думая о ее процветании. Как известно, в советские годы таких изменников Родины были всего единицы. И это, на наш взгляд, тоже предмет для отдельного исследования.

Что касается коррупции, то здесь две основных проблемы: ее реальное состояние оценить практически невозможно в силу огромной латентности, на что даже обратил внимание Генеральный прокурор на Коллегии по итогам 2020 г.[3] и, как следствие, влияние на национальную безопасность.

Аналогичная, в принципе, ситуация и применительно к другим двум угрозам, указанным в Стратегии национальной безопасности РФ — организованной и общеуголовной преступности, где ежегодно фиксируются, например, по 500–700 тысяч краж без планов их кардинального снижения и оценки влияния на состояние национальной безопасности РФ.

А вот уже далее, применительно к оставшимся «криминальным угрозам» — терроризму, экстремизму, социальной напряженности и «цветным революциям», мы может обоснованно считать, что всё, что было перечислено выше, как раз и ведет к их росту, где среди потенциальных преступников или их жертв значительное место занимаем молодежь — учащиеся различных школ, колледжей, институтов и университетов — от расстрелявших одноклассников в Керчи, Перми, Казани и других городах до Варвары Карауловой и т. д., поддавшихся на агитацию вербовщиков-террористов и организаторов незаконных протестных акций.

Как справедливо указывает Ю. В. Сапронов, «экстремизм формирует атмосферу социальной напряженности в обществе и является мощным криминогенным фактором» [6, с. 26].

Не требует доказательства тот вывод, что расхищенные коррупционерами средства, украденные ворами и мошенниками деньги и ценности и иная преступная деятельность ухудшает материальное положение семей и, в итоге, прежде всего, негативно сказывается на детях и подростках.

С одной стороны, они не могут получить модные или необходимые вещи и нередко становятся объектами насмешек и издевательств, в силу чего совершают насильственные преступления, с другой стороны — втягиваются в преступную деятельность для повышения своих доходов, с третьей, они становятся свидетелями и участниками проблемных и кризисных ситуаций в семьях бедных, пьющих, больных, судимых, одиноких родителей, постоянно обвиняющих Власть в существующих проблемах и получающих примеры использования насилия для самоутверждения и разрешения конфликтов.

---

[1] Расширенное заседание коллегии МВД России // Президент России : [сайт]. URL: http:// kremlin.ru/events/president/news/65090 (дата обращения: 12.01.2022).

[2] Заседание коллегии ФСБ России // Президент России : [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/catalog/persons/100/events/65068 (дата обращения: 12.01.2022).

[3] Состоялось расширенное заседание коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2020 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2021 год // Генеральная прокуратура РФ : [сайт]. https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=59741739 (дата обращения: 12.01.2022).

Еще не так давно, анализируя данную ситуации, криминологи отметили, что «высоко криминогенно нарастание числа детей в семьях, не обеспечивающих должную социализацию личности, а также количества таких семей…»[1].

При этом, как отмечено в Докладе Уполномоченного по правам ребенка при Президенте РФ в 2020 г., «…вызывает тревогу рост на 28,9 % количества предварительно расследованных тяжких преступлений, совершённых членом семьи в отношении несовершеннолетнего, с 454 в 2017 г. до 585 в 2019 г…

…Кроме того, вызывает беспокойство рост на 45,4 % количества преступлений из числа расследованных, совершённых несовершеннолетними и при их соучастии, против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, с 425 в 2017 г. до 618 в 2019 г.»[2].

В последующем аналогичном Докладе указано, что в 2020 г. «в 2,7 раза возросло число обращений граждан относительно права на жизнь и защиту от насилия… Заметно возросло (на 80,4 %) число обращений граждан по проблемам защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию…»[3].

Как справедливо указано в данном Докладе, «благополучие ребёнка неразрывно связано с благополучием семьи и им определяется… в 2020 г. численность детей, в отношении которых органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних проводилась индивидуальная профилактическая работа, составила 446 873 человек (в 2018 г. — 418 007 чел.)[4].

Анализ подобных данных позволяет сделать вывод, во-первых, о наличии большого числа молодых людей, имеющих проблемы в социализации, а, во-вторых, что требуются дополнительные, более эффективные меры предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними или в отношение них. В обоих случаях субъектов этих деяний справедливо следует считать жертвами.

С учетом изложенного, в аспекте виктимологической профилактики необходимо в отношение несовершеннолетних реализовывать традиционные меры воспитания и защиты, а, с другой стороны, воздействовать на причины виктимизации (бедность, пьянство, пропаганду насилия в СМИ и т. д.) и субъектов виктимизации — неблагополучные семьи, криминальное окружение, неформальные группировки экстремистской направленности и т. д.

Обращая внимание на состояние и проблемы в рассматриваемых сферах, на наш взгляд, необходимо, прежде всего, оценить степень виктимности подрастающего поколения по доступным для анализа показателям, а также выявить проблемы в состоянии мер виктимологической профилактики и предложить меры по их устранению.

Прежде всего, следует рассмотреть причины и субъектов виктимизации. В основном, в последнее время официальными лицами здесь обращается внимание на неблагополучную ситуацию в сфере информационного воздействия на подрастающее поколение.

Как указано в новой Стратегии НБ РФ, «деструктивные силы за рубежом и внутри страны предпринимают попытки использования объективных социально-экономических трудностей в Российской Федерации в целях стимулирования негативных социальных процессов, обострения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, манипулирования в информационной сфере… Международные террористические и экстремистские организации стремятся усилить пропагандистскую

[1] Итоговая Резолюция Всероссийской научно-практической конференции по теме: «Характеристики личности преступника и их изменений» (05–06 июля 2017 года, г. Чебоксары) // Российская криминологическая ассоциация. Хронология событий. 2017 г. Чебоксары. URL: http://crimas.ru/?page_id=3785 (дата обращения: 12.01.2022).

2 Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2019 год // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка : [сайт]. URL: http://deti.gov.ru/documents/reports (дата обращения: 12.01.2022).

[3] Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка в 2020 году // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка : [сайт]. URL: http://deti.gov.ru/documents/reports (дата обращения: 12.01.2022).

[4] Там же.

работу и работу по вербовке российских граждан, созданию на территории России своих законспирированных ячеек… Основным объектом такого деструктивного воздействия является молодежь». При этом в качестве задачи указано «предупреждение проявлений радикализма, профилактика экстремистских и иных преступных проявлений, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи»[1].

Оценивая текущую ситуацию, Председатель СК РФ Бастрыкин отметил, что «сделав ставку на удар по молодежи, они (западные институты) прекрасно понимают, как можно дестабилизировать ситуацию в нашей стране. Не секрет, что такие методы используются по отношению к другим государствам…»[2]

По мнению главы СКР, эту проблему нужно решать оперативно, однако вместо запретов нужно «предложить молодым людям то, что их будет действительно интересовать, мотивировать и двигать вперед».

Ранее Александр Бастрыкин предложил ограничить демонстрацию жестоких сцен на федеральных телеканалах, а также принять дополнительные меры по защите молодежи от информации, которая может угрожать ее развитию. Также он предложил реформировать систему образования. Он говорил об этом после того, как в Перми студент юрфака Пермского государственного национального исследовательского университета пришел в вуз с ружьем и открыл стрельбу. Тогда погибли шесть человек, пострадали 28»[3].

Комплексную оценку состоянию проблемы, на наш взгляд, сформулировала в своем выступлении модератор круглого стола, Вице-президент Российской криминологической ассоциации, профессор кафедры уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, полковник полиции Е. С. Стешич, которая подчеркнула важность межведомственного взаимодействия в противодействии идеологии экстремизма. Профессор отметила: «Новые риски и угрозы для общественной безопасности и жизни людей не должны восприниматься поздно. Их следует рассматривать в центре предупредительной деятельности. Основа успешного предупреждения экстремистских проявлений — эффективная профилактика, состоящая, в частности, в преодолении всех форм неравенства, дискриминации и бедности, организации занятости населения, гарантированности здравоохранения, обеспечении безопасности от техногенных и других катастроф, привития интереса к культуре, искусству, спорту, формирования идеологии населения в духе миролюбия и взаимопомощи. Ориентация только на силовые методы борьбы не является полноценной и эффективной стратегией»[4].

Как указывают исследователи, в условиях наличия длящихся проблем в социально-экономической и иных сферах, растет «социальная напряженность» — массовое недовольство граждан проводимой политикой, акции протеста, куда в последнее время активно вовлекаются дети и подростки. Вроде бы разрозненные недостатки «как песчинки» в итоге складываются в лавину, которая сметает Власть[5]. Агитаторы и провокаторы прекрасно понимают, что подросткам понятны простые лозунги о «коррумпированности власти» и «социальной несправедливости», но пока непонятны меры уголовной и иной ответственности за противоправные деяния.

Применительно к имевшим место массовым молодежным акциям протеста в США эти проблемы достаточно хорошо

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 года № 400. п. 47.9.

[2] Бастрыкин обвинил Запад в радикализации российской молодежи // Новости Mail.ru. URL: https://news.mail.ru/politics/49420869/?frommail=1 (дата обращения: 12.01.2022).

[3] Там же.

[4] Представители практических органов Министерства внутренних дел России и Прокуратуры России приняли участие в межведомственном региональном круглом столе «Осуществление противодействия экстремистским проявлениям и идеологии экстремизма» // Российская криминологическая ассоциация : [сайт]. URL: http://crimas.ru/?p=6318 (дата обращения: 12.01.2022).

[5] Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление ; пер. с англ. // Библиотека LibFox : [сайт]. URL: https://www.libfox.ru/573420-stiven-mann-teoriya-haosa-i-strategicheskoe-myshlenie.html (дата обращения: 12.01.2022).

рассмотрены в работе американского исследователя Э. М. Шура «Наше преступное общество» с вступительным словом уважаемого академика В. Н. Кудрявцева[1].

Оценивая такую ситуацию как проблемную, когда семья, школа, телевидение и интернет не могут(а может и не хотят) нормально воспитать будущего патриота России, мы (юридический вуз[1]) попытались найти свое место и предложить, на наш взгляд, эффективный путь виктимологической профилактики, ориентированный как на объекта, так и на субъекта воздействия.

Прежде всего, была поставлена задача «занять полезным делом» четверокурсников-бакалавров юридического вуза в процессе изучения «Криминологии», предложив им образовать по собственному усмотрению «микрогруппы» из 3–4 человек и подготовить материалы для виктимологической профилактики в родных школах: сценарий, компьютерную презентацию, Памятку по безопасному поведению в виктимогенных ситуациях, опросные анкеты и т. д. по типу «мини-выпускной работы».

Эта работа занимает обычно около месяца с проверкой преподавателем, консультациями, доработками, в процессе чего студенты глубоко изучают проблемы виктимологической профилактики, а затем еще и реализуют задуманное на практике, по сути, готовясь к предстоящим через пару месяцев выпускным экзаменам.

Следует отметить, что кроме планов освещения общего раздела виктимологической профилактики студенты выясняют в школах наиболее актуальные потребности учебного заведения и дополняют материал спецификой виктимологической профилактики конкретных правонарушений. Так, в одной школе попросили раскрыть аспект предупреждения карманных краж, в другой — молодежного экстремизма, в третьей — жертв компьютерного мошенничества, в четвертой — изнасилований и т. д., и даже — суицида среди подростков.

Наш расчет делался на то, что студентам было бы интересно с положительной стороны показать себя в школе, где они учились всего 4 года назад, т. е. они хотели как можно лучше подготовить материал, а с другой — использование в качестве «субъекта профилактики» практически такого же подростка — студента, примерно так же одетого, того же примерно роста и возраста, к которому будет больше доверия, чем к «взрослому в погонах», а, во-вторых, студенты реально демонстрируют возможность в этом микрорайоне «подняться по социальной лестнице». В этом аспекте в конце встречи студенты обязательно рассказывали про Институт, студенческую жизнь, перспективы трудоустройства и т. д.

Таким образом, можно сказать, что основным субъектом профилактики выступал преподаватель Института, затем субъектом становился студент, затем преподаватель школы, который также получал раздаточный материал и присутствовал на занятии, затем — сами школьники, которым рекомендовалось всё это довести до своих друзей и окружения, возможно, могущих находиться в неблагополучных жизненных и виктимогенных ситуациях.

С другой стороны, в деятельности преподавателя Института в качестве объектов виктимологической профилактики выступали студенты 4 курса (в прошлом учебном году — одновременно 10 учебных групп), студенты младших курсов — через широкое освещение результатов данной деятельности на стендах в холле учебного корпуса и профильной учебной аудитории по «Криминологии», а также все молодые люди, посещающие сайт Института[2] (см. фото 1).

Следует отметить, что данная работа проводится абсолютно на добровольной основе, когда в начале семестра студентам предлагается принять участие в подобной деятельности, о которой, конечно же, они уже что-то слышали, видели на стендах,

[1] Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). (Прим. автора.)

[2] Студенты Волго-Вятского института Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) в честь юбилея вуза реализовали проект по профилактике преступности // Волго-Вятский институт (филиал) университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) : [сайт]. URL: http://msalkirov.ru/institute/news/2437-studenty-volgo-vyatskogo-instituta-universiteta-imeni-o-e-kutafina-mgyua-v-chest-yubileya-vuza-realizovali-proekt-po-profilaktike-prestupnosti.html (дата обращения: 12.01.2022).

Фото 1. Стенда с виктимологической информацией

Фото 2. Проведение занятий среди школьников

читали на сайте Института. Показательно, что, возникнув 7 лет назад в качестве эксперимента в трех школах, число желающих с каждым годом увеличивалось, при этом в 2021 г. в ней поучаствовали 123 студента, которые провели 52 встречи в 33 школах с учениками от 4 до 11 классов (см. фото 2).

С учетом того, что занятия проводились в подростковой аудитории, для разъяснения материала использовались ссылки на сюжеты народных сказок, литературных произведений или кинофильмов — для более младших — на «Волка и семерых козлят» и т. д., для более старших — на фильм «Заложница» и т. п.

С другой стороны, коль скоро в школу пришли представители юридического вуза, встреча обязательно начиналась с освещения криминальной статистики, раскрытия вопросов относительно возраста наступления уголовной и иной ответственности, опасности негативного влияния взрослых преступников на доверчивых и недостаточно подготовленных подростков.

В зависимости от ситуации использовались примеры судебно-следственной практики или общеизвестного характера, или имевшие широкий резонанс именно в данном микрорайоне.

Для повышения авторитета выступающих было решено использовать специальную лексику и знания с раскрытием истории возникновения криминологии и виктимологии, понятия виктимности, виктимологической профилактики, основных видов виктимности и т. д.

Ставилась задача не только показать содержание и причины возникновения личностной виктимности, обусловленной уязвимостью подростка для более сильного или опытного преступника, когда ущерб причинялся непосредственно объекту посягательства, а жертва оставалась без денег, вещей, здоровья и даже жизни.

Раскрывался и аспект т. н. «рикошетных жертв» [2], когда в силу легкомысленности подростка оставались без денег или здоровья родные и близкие, что особенно актуально в аспекте профилактики подростковых суицидов.

Еще одним аспектом выделялся «самопричинитель вреда», когда жертвой становился сам потерпевший. Как справедливо указывает О. В.Харченко, «во многих случаях подросток — преступник находится одновременно и в положении жертвы. Можно указать на ряд «комплектующих» это положение позиций: подросток-жертва, потому, что его нравственно искалечили; он – жертва, ибо при совершении преступления нередко именно его подставляют под возможный удар, поручая наиболее опасные роли…» [3, с. 59].

Проводя указанную работу в учебных заведениях, мы исходили из того, что среди школьников обязательно окажутся и те, кто обделен родительским вниманием, имеет различные проблемы, склонен к девиантному поведению и является носителем разного вида виктимности. Как среди них обязательно окажутся и те, кто проникнется актуальностью проблемы и поступит в юридический вуз или применит полученные знания в своей будущей взрослой жизни, в т. ч. и при воспитании детей.

Что касается самих студентов, то косвенным положительным результатом мы выделили три аспекта: во-первых постоянно увеличивающееся количество выпускников-бакалавров, поступающих далее для продолжения обучения на программу «Магистр уголовного права», во-вторых, исключение головным Университетом вопросов и задач для госэкзаменов по разделу «Виктимологии», видимо, потому что студенты стали их решать только «на отлично» и, в-третьих, многочисленные «Благодарственные письма» от руководства учебных заведений и предложения продолжить данную деятельность.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что в последнее время не только много говорится о проблемах в системе воспитания подрастающего поколения и необходимости устранения проблем в социально-экономической и иных сферах, но еще и появились примеры реальной экстремистской активности значительных масс молодежи и даже школьников, включая не имевшие ранее аналогов факты применения огнестрельного оружия в отношении одноклассников, а также насилия в отношении представителей правоохранительных органов.

Изложением представленного материала мы преследовали цель показать одно из возможных, на наш взгляд, направлений снижения виктимности подрастающего поколения, повышения правосознания и в итоге противодействия негативному воздействию на нашу молодежь как один из объектов национальной безопасности.

Как представляется, итоги данной деятельности реально оценить невозможно, но можно говорить о нарастающем год от года количестве охваченных таким образом виктимологической профилактикой молодых людей, которые в перспективе и будут определять лицо нашей Родины.

На наш взгляд, указанная деятельность может также рассматриваться как реакция на результаты исследований криминологов, поднимающих проблему необходимости более эффективного противодействия экстремистским проявлениям в молодежной среде, где, в частности, отмечается «отсутствие у респондентов (студентов

и школьников) знаний о 5 из 13 видов экстремистской деятельности, определяемых федеральным законодательством, что обусловливает насущную потребность в разработке и преподавании на региональном уровне специальной учебной дисциплины, имеющей соответствующую профилактическую направленность, для школьников старших классов, студентов техникумов и вузов» [4, с. 732].

Список источников

1. Schur E. M. Our criminal society. The social and legal sources of crime in America. New Jersey, Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1969. 244 p.

2. Косарева Н. В. Рикошетные жертвы преступлений: Юридические дисциплины // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции курсантов, слушателей, студентов, адъюнктов и соискателей «Состояние и перспективы борьбы с преступностью в России». Воронеж : Изд-во Воронеж. ин-та МВД России, 2007, Ч. 1. С. 185–186

3. Харченко О. В. Криминологическая классификация и типология жертв от преступлений против семьи и несовершеннолетних // Мир юридической науки. 2017. № 7. С. 55–64.

4. Коняхин В. П., Прохорова М. Л., Петровский А. В. Социально-психологические причины молодежного экстремизма в Краснодарском крае // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 6. С. 724–733. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(6).724-733

5. Сапронов Ю. В. К вопросу о социально-криминологической характеристике ксенофобии и экстремизма как взаимосвязанных явлений / Российский следователь. 2012. № 21. С. 26–28.

References

1. Schur EM. Our criminal society.The social and legal sources of crime in America.New Jersey, Englewood Cliffs, PrenticeHall, 1969.

2. Kosareva NV. Ricochet victims of crimes: Legal disciplines. Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference of cadets, listeners, students, adjuncts and applicants "*State and prospects of struggle against criminality in Russia*". Voronezh: Publishing house of Voronezh. institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2007, Part 1. pp. 185–186. (In Russ.)

3. Kharchenko OV. Criminological classification and typology of victims from crimes against the family and minors. *Mir yuridicheskoj nauki* [World of Legal Science]. 2017;(7):55–64. (In Russ.)

4. Konyakhin VP, Prokhorova ML, Petrovsky AV. Socio-psychological reasons for youth extremism in Krasnodar Territory. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal* [All-Russian Criminological Journal]. 2021;15(6):724-733. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(6).724-733 (In Russ.)

5. Sapronov YuV. To the issue of socio-criminological characteristic sofxenophobiaandextremism as interconnected phenomena. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator]. 2012;(21):26–28. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фещенко Павел Николаевич кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Волго-Вятский институт (филиал), университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА).
610002, г. Киров, ул. Ленина, д. 99.
fpn2005@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-5085-3659

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel N. Feshchenko Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Volgo-Vyatka Institute (Branch) of the O. Kutafin University (MSUA).
99 Lenina st., Kirov 610002, Russia.
fpn2005@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-5085-3659

Дата поступления статьи / Received: 15.02.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 10.02.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.03.2022.

V ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10912

Противодействие коррупции: к вопросу о проблемах защиты прав пострадавших[1] от коррупционных преступлений

Мария Генриховна Решняк
МГИМО (У) МИД России, г. Москва, Россия
irbis-7375@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7281-8149

Аннотация. Многофакторное явление коррупции в статье рассматривается через призму вреда, которое оно наносит правам граждан в связи с возникновением препятствий для осуществления ими конституционных прав и свобод. Объектом исследования выступают общественные отношения в сфере реализации гражданами своих прав и свобод, испытывающие на себе негативное воздействие преступлений коррупционной направленности. Предметом исследования являются актуальные проблемы противодействия коррупции, связанные с формированием целостного представления о причиняемых ею социальных последствиях в сфере осуществления прав и свобод человека и гражданина, а также о возможных мерах минимизации таких последствий. На основе анализа научных трудов по исследуемой проблематике, а также законодательства Российской Федерации и международно-правовых актов, автор пришёл к научно обоснованному выводу о том, что социальные последствия коррупции в сфере реализации прав и свобод человека и гражданина требуют отдельного внимания государства при разработке и реализации государственной антикоррупционной политики.
Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, потерпевший, конституционные права и свободы
Для цитирования: Решняк М. Г. Противодействие коррупции: к вопросу о проблемах защиты прав пострадавших от коррупционных преступлений // Виктимология. 2022. Т. 9, № 1. С. 119–126. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10912

[1] В данной статье под пострадавшими от коррупционных преступлений понимаются как физические, так и юридические лица, чьи интересы прямо или опосредовано были нарушены коррупционными преступлениями.

© М. Г. Решняк

Scientific article

Anti-corruption: on the Issue of the Problems of Protecting the Rights of Victims of Corruption Crimes

Maria G. Reshnyak
MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia
irbis-7375@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7281-8149

Abstract. The multifactorial phenomenon of corruption is considered in the article through the prism of the harm it causes to the rights of citizens in connection with the emergence of obstacles to their exercise of constitutional rights and freedoms. The object of the study is public relations in the sphere of citizens' realization of their rights and freedoms, experiencing the negative impact of corruption-related crimes. The subject of the study is the actual problems of combating corruption related to the formation of a holistic view of the social consequences caused by it in the sphere of the exercise of human and civil rights and freedoms, as well as possible measures to minimize such consequences. Based on the analysis of scientific works on the studied issues, as well as the legislation of the Russian Federation and international legal acts, the author came to the scientifically grounded conclusion that the social consequences of corruption in the sphere of the realization of human and civil rights and freedoms require special attention of the state in the development and implementation of the state anti-corruption policy.
Keywords: corruption, corruption crimes, victim, constitutional rights and freedoms
For citation: Reshnyak M. G. Anti-corruption: on the Issue of the Problems of Protecting the Rights of Victims of Corruption Crimes. *Viktimologiya* [Victimology]. 2022, vol. 9, no. 1, pp. 119-126. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-10912 (In Russ.)

Введение

Возникшая несколько тысячелетий назад, коррупция существует и поныне. Ни одно государство в своем развитии не смогло избежать ее появления. Несмотря на немалое количество исследований, посвященных коррупции [1–9 и др.], можно высказать обоснованное предположение, что данное явление неискоренимо и возможна лишь с большей или меньшей степенью эффективности его минимизация [10, с. 757]. Существование коррупции и невозможность ее полной ликвидации обусловлены экономическими и социально-политическими законами развития любого общества.

Постановка проблемы

Современная коррупция — глобальное явление, носящее сугубо негативный социально-значимый характер. В той или иной степени она затрагивает практически все сферы общественных отношений. Не случайно на прошедшем в конце октября 2021 г. в Риме саммите G20 было уделено особое внимание вопросам противодействия коррупции, определены приоритетные направления этой деятельности на 2022–2024 гг.[1]. В своем исследовании автор предлагает обратить внимание на взаимосвязь коррупционных преступлений и прямых или опосредованных нарушений прав и свобод человека и гражданина, на негативные изменения, провоцируемые коррупцией, затрагивающие гарантированные права и свободы.

Согласно Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ), человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита данных прав и свобод — обязанностью государства, включающей в себя признание и гарантирование последних

[1] Саммит G20: краткие итоги для сферы борьбы с коррупцией // Антикоррупционный портал. URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/sammit_g20_kratkie_itogi_dlya_sfery_borby_s_ korruptsiey (дата обращения: 31.01.2022).

в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и положениями Основного закона (ч. 1 ст. 17 Конституции РФ).

Рассмотрение прав и свобод человека и гражданина через призму социальных последствий коррупции позволяет утверждать, что их нарушения являются типичным следствием преступлений и иных правонарушений коррупционной направленности. Говоря о социальных последствиях коррупции как масштабного явления, необходимо учитывать не только совокупность определенных фактов нарушений прав и свобод человека и гражданина в результате совершения конкретных коррупционных преступлений и иных противоправных деяний, но и тот совокупный негативный эффект, вызванный рассматриваемым явлением в целом, обусловливающий определенные разрушающие изменения в сфере осуществления указанных прав и свобод.

Об осознание важности проблемы свидетельствует принятая Советом по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН в 2019 г. Резолюция, посвященная негативному воздействию коррупции на осуществление прав человека (далее — Резолюция 2019)[1]. Анализ содержания указанного документа позволяет сделать вывод о том, что проблема реального осуществления прав человека, затрудняемого вследствие коррупционного «заражения» различных общественных отношений, рассматривается международным сообществом в качестве одной из наиболее сложных социальных проблем, требующих усиления комбинированного разноуровневого противодействия коррупции, где приоритетными признаются меры профилактики, а также меры, направленные на оптимизацию деятельности государственных органов, в том числе, судебной системы и правоохранительных органов.

Так, в Резолюции 2019 г. обращается внимание на то, что коррупция, имеющая широкую распространенность и глобальный характер, оказывает пагубное воздействие на права человека, поскольку ослабляет различные институты, и подрывает доверие общества к правительству, снижает его способность по выполнению всей совокупности присущих ему обязательств в области прав человека. Действительно, коррупция приводит к частичному или практически полному нарушению нормативной деятельности различных государственных, муниципальных и иных институтов, снижает, а иногда и практически нейтрализует эффективность их деятельности, включая выполнение возложенных на них обязанностей по обеспечению реализации гражданами принадлежащих им прав и свобод, причем чиновники указанных институтов не всегда осознают степень нарушения должной их взаимосвязи с социальной средой.

Не случайно коррупцию саму по себе рассматривают в качестве одной из главных дисфункций государства, поскольку она способна свести к минимуму или вовсе перечеркнуть любые «благие начинания» как отдельных лиц, наделённых должностными (служебными) полномочиями, так и соответствующих органов власти, учреждений, коммерческих и иных организаций, а также государства в целом [11, с. 5–18]. В частности, коррупционная составляющая может дискредитировать любые социально значимые реформы и проекты, или негативно отразиться на достижении запланированных результатов последних, как это, к примеру, происходит с рядом реформ последних десятилетий, в частности, с «реформой» образования, здравоохранения и др. В подобных случаях пострадавшими от коррупционной деятельности становятся сотни тысяч граждан, чьи права прямо или косвенно были нарушены действиями чиновников, должностных или иных лиц государственных, муниципальных или иных органов.

Коррупционное поведение различных должностных лиц, особенно ставшее достоянием общественности благодаря средствам массовой информации и ресурсам сети «Интернет», как, например, бывшего министра финансов Московской области А. Кузнецова, бывшего министра по атомной энергии Е. Адамова, бывшего начальника департамента имущественных отношений Министерства обороны РФ

[1] См.: Негативное воздействие коррупции на осуществление прав человека : резолюция, принятая Советом по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН 11 июля 2019 г. 41/9 // Сайт ООН. URL: https://undocs.org/ (дата обращения: 18.01.2022).

Е. Васильевой, бывшего главы республики Коми В. Гайзера, бывшего министра экономического развития РФ А. Улюкаева, бывшего министра путей сообщения РФ Н. Аксененко[1], бывшего главы управления собственной безопасности Следственного комитета России М. Максименко, бывшего начальника Главного следственного управления Следственного комитета РФ Д. Довгия[2] и др., с неизбежностью подрывает авторитет соответствующих органов власти, учреждений, иных организаций и, как следствие, значительно уменьшает доверие к их должностным лицам, а также к разного рода «инициативам», «стратегиям», «концепциям» указанных субъектов. При этом возникает вопрос — после вступления обвинительного приговора в законную силу должностные лица, осужденные за коррупционные преступления, отбывают наказание, возместив (или не возместив) государству причиненный ущерб (часть ущерба). А каким образом восстанавливаются нарушенные их действиями права граждан и юридических лиц? К примеру, после ареста экс-губернатора Пензенской области И. Белозерцева, обвиненного в получении взяток на сумму более 31 млн рублей за обеспечение конкурентных преимуществ в проведении аукционов по оказанию услуг медицинским учреждениям региона, в том числе в рамках борьбы с коронавирусной инфекцией[3], никакой информации о том, что были отменены результаты проведенных аукционов, или были проведены новые, вместо «коррупционных», аукционы, автором не обнаружено. Не нашел автор также информации о том, что фармакологическая компания, которая посредством взяток получила право продвижения своих медикаментов в больницы региона[4], возместила ущерб больницам и гражданам, которые безальтернативно были вынуждены пользоваться данными медикаментами, не факт, что лучшими и эффективными. Аналогичная ситуация и в отношении бывшего министра здравоохранения Республики Алтай С. Коваленко, задержанного в марте 2021 г. за взятки, «общее покровительство» при заключении госконтрактов, и помощь в победе на аукционах на поставку медоборудования[5]. Были ли отменены результаты аукционов? Проведены ли новые аукционы с тем, чтобы все участники могли реализовать свои законные права на честную конкуренцию? И как быть с правами пациентов, которые вынужденно пользовались поставленным медоборудованием? Ведь его качество, не факт, что соответствовало всем предъявляемым требованиям…

Не меньшее значение имеет так называемая повседневная, бытовая коррупция, с которой граждане сталкиваются постоянно [12, с. 158]. Так, согласно данным судебной статистики о судимости за получение взятки в 2020 г. в области здравоохранения и соцобеспечения данное преступление совершили 4,9 % лиц, осуждённых по ст. 290 УК РФ, в сфере образования — 4,3 %, в сфере жилищно-коммунального хозяйства — 1,8 %, на транспорте — 2,9 %, в области торговли и общественного питания — 0,7 %, в сфере культуры — 0,7 %, в сфере строительства — 0,4 %, в сельском хозяйстве — 0,2 % таких лиц[6].

При оценке этих и иных статистических сведений следует учитывать, что в статистику сведения о преступлении попадают только в тех случаях, когда кто-либо

[1] Золотые руки // Новая Газета : [сайт]. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2016/12/11/ 70862-zolotye-ruki (дата обращения: 31.01.22).

[2] 13 крупнейших взяток в новейшей истории России // Forbes : [сайт]. URL: https://www.forbes.ru/obshchestvo-photogallery/376909-13-krupneyshih-vzyatok-v-noveyshey-istorii-rossii (дата обращения: 01.02.22).

[3] Дело экс-губернатора Белозерцева связали с контрактами по борьбе с COVID-19 // Российская газета : [сайт]. URL: https://rg.ru/2021/12/09/reg-pfo/v-dele-eks-gubernatora-belozerceva-poiavilsia-kovidnyj-sled.html (дата обращения: 01.02.22).

[4] Пять самых крупных взяток в России: Откуда у наших полковников и губернаторов дома и миллиардные заначки // KP.Ru : [сайт]. URL: https://www.kp.ru/daily/27262.3/ 4393611/ (дата обращения: 01.02.22).

[5] Крупные российские чиновники — фигуранты уголовных дел о взяточничестве // РИА Новости : [сайт]. URL: https://ria.ru/20210310/vzyatochnichestvo-1600618733.html (дата обращения: 01.02.22).

[6] Обзор статистических данных по уголовным делам, рассмотренным судами Российской Федерации в 2020 году. Москва : Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ, 2021. С. 88.

из потенциальных участников коррупционных отношений по той или иной причине не соглашается с предложением «решить» вопрос посредством взятки либо содействовать такому «решению» и обращается с соответствующим заявлением в правоохранительные органы. Как показывает практика, чаще всего причиной отказа «решить» вопрос «по договоренности» является отсутствие необходимых финансовых средств у нуждающейся в услуге стороны. При отсутствии подобных причин информация о подготавливаемом либо совершенном подкупе не выходит за пределы соответствующего преступного взаимодействия, в связи с чем оно не влечет юридические последствия и не попадает в статистическую отчетность, пополняя скрытую часть коррупции. Следует отметить, что в ряде случаев негативную роль в борьбе с коррупцией играет казалось бы благое законодательное установление о том, что лица, добровольно сообщившие о данной ими взятке, освобождаются от ответственности. Пользуясь подобной преференцией закона, некоторые граждане вынуждают должностных лиц взять взятку, угрожая в противном случае заявить в правоохранительные органы о факте вымогательства.

В рассматриваемой Резолюции также отмечается, что распространенным результатом коррупции выступает «дискриминационный доступ к государственным услугам и товарам», а также ухудшение ситуации, связанной с воздействием негативных социальных и экологических последствий экономической деятельности на наиболее уязвимые слои населения. Иначе говоря, люди, нуждающиеся в той или иной социальной помощи государства и общества, вследствие коррупции испытывают существенные затруднения в доступе к такой помощи [13, с. 66], что еще более ухудшает их положение. Именно эта часть населения является наименее защищенной от угроз, которые несут в себе наблюдаемые в последние годы изменения экономической и экологической ситуации в стране и в мире, усугубляемые коррупцией в соответствующих сферах.

Д. Г. Геращенко обращает внимание на то, что в России развитию правовой аномии в немалой степени способствует поляризированная и дезинтегрированная структура общества, в котором выстраиваются параллельные социальные миры, имеющие автономную нормативную и идейную структуры, а также разнящиеся и даже взаимоисключающие социальные интересы, что в свою очередь является причиной снижения (потери) всеобщей значимости норм права на макро и микро социальных уровнях. При этом дезадаптированными слоями населения, имеющими ограниченный доступ к правовым ресурсам, право воспринимается в запретительном, ограничительном ключе, как способствующее воспроизводству социальной дискриминации. Напротив, для тех социальных групп, что выиграли от перемен в государстве и обществе, правовая аномия своим выражением имеет стремление монопольно обладать правовыми ресурсами, вследствие чего наблюдается узкогрупповая трактовка норм права и их избирательное применение, направленное на создание структурных барьеров и преобразование правовых ресурсов в социальный капитал [14, с. 8–10; 15, с. 69–70]. В таких условиях коррупция, в которой участвуют представители как первой, так и второй групп в структуре общества, воспринимается и теми и другими как естественный процесс, способствующий преодолению выстроенных барьеров на пути к осуществлению прав и свобод человека и гражданина.

Между тем необходимо учитывать, что коррупция препятствует осуществлению не только тех прав и свобод, которые прямо или косвенно связаны с имущественными отношениями, в том числе права на жилье, но и других прав, включая право на жизнь, неприкосновенность и достоинство личности, охрану здоровья и медицинскую помощь, образование [13, с. 66–67; 16, с. 59–70]. Последние сообщения о коррупционной деятельности ректоров известных вузов[1] заставляют поднимать вопрос о том, каким образом органы государственной власти и управления предполагают

[1] Наталья Починок покинула пост ректора РГСУ. Вуз обвиняли в наличии «фабрики диссертаций» // Новая Газета : [сайт]. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/11/natalia-pochinok-pokinula-post-rektora-rgsu-vuz-obviniali-v-nalichii-fabriki-dissertatsii-news (дата обращения: 03.02.2022)

определять и возмещать причиненный подобной деятельностью ущерб обычным гражданам, которые, к примеру, не смогли поступить в вуз по причине «удачной» сдачи экзамена конкурента, или возникли сложности с назначением и получений стипендий, проживанием в общежитиях, и т. п.

Пути решения проблемы

Таким образом, социальные последствия коррупции в сфере осуществления прав и свобод человека и гражданина, имеющие как явный, так и латентный характер, требуют особого внимания государства при планировании и применении антикоррупционных мер, поскольку являются наиболее болезненными для каждого отдельного индивида и общества в целом, существенно подрывают доверие к органам власти и должностным лицам, порождают правовой нигилизм и отрицательно сказываются на международном имидже государства.

Принимая во внимание негативное влияние коррупции на осуществление прав и свобод человека полагаем, что на первый план должны выходить именно превентивные меры, в том числе предлагаемые в указанных и других резолюциях Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН, например, развитие независимых механизмов надзора, подачи и рассмотрения жалоб, а также независимой и беспристрастной судебной системы, обеспечение транспарентности, доступа к общественной информации. Кроме этого, по мнению автора [17, с. 37–38] необходимо изменить подход к оценке коррупционной деятельности, внести соответствующие системные изменения не только в уголовное, но уголовно-процессуальное, административное, гражданское, налоговое, семейное законодательство, обособив подход к коррупционным правонарушениям и преступлениям и их ответственности.

Список источников

1. Лунеев В. В. Коррупция в России // Государство и право. 2007. № 11. С. 20–27.

2. Хабриева Т. Я. Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы // Журнал российского права. 2012. № 6 (186). С. 5–17.

3. Долгова А. И. Реагирование на коррупцию: практика противодействия в России и направления оптимизации борьбы // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы : сб. трудов конференции. М. : Российская криминологическая ассоциация. 2015. С. 7–24.

4. Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. М. : Ин-т гос. и права Рос. акад. наук, 2017.

5. Shorokhov V. E. Anti-corruption policy in the Russian Federation // European Journal of Natural History. 2017. No 3. P. 22–23.

6. Противодействие коррупции: новые вызовы / С. Б. Иванов, Т. Я. Хабриева, Ю. А. Чиханчин [и др.] ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва : Издательский Дом «Инфра-М», 2019. 384 с.

7. Иншаков С. М., Казакова В. А. Уголовно-правовые аспекты исследования коррупции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. № 1 (830). С. 236–245.

8. Кузнецов В. И., Трунцевский Ю. В., Ломакина Л. А. Увольнение государственных гражданских служащих в связи с утратой доверия: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 159–169. DOI: 10.12737/jrl.2020.012

9. Савинов Л. В., Шорохов В. Е. Сравнительный анализ антикоррупционной политики России и зарубежных стран // Сравнительная политика. 2021. Т. 12, № 2. С. 26–37. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10016

10. Решняк М. Г., Гладких В. И. Преступления коррупционной направленности: актуальные проблемы дифференциации уголовной ответственности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 6. С. 756–765. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(6).756-765

11. Идрисов Р. Ф., Костюк Н. Н., Кокунова С. Д. Юрисдикционная форма защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц: субъективные причины неэффективности // Современное право. 2019. № 3. С. 5–18. DOI 10.25799/NI.2019.19.14.010

12. Шафеев Р. Ш., Смотрина О. С. Доктринальная характеристика «бытовой» коррупции в регионах России: особенности и закономерности воспроизводства, перспективные способы профилактики // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 10. С. 157–173. DOI: 10.12737/jrl.2021.130

13. Скобликов П. А. Коррупционные и иные нарушения при рассмотрении обращений граждан. Возможные меры предупреждения // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 1 (52). С. 59–70.

14. Геращенко Д. Г. Правовая аномия в российском обществе: структурно-деятельностное измерение : дис. … канд. социол. наук / Д. Г. Геращенко. Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет. 2011.

15. Бочкарева Е. В. Правовая аномия и криминализация российского общества // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Право. 2018. № 4. С. 69–70.

16. Гилинский Я. И. О противодействии коррупции в высшем учебном заведении // Вестник Герценовского университета. 2010. № 9 (83). С. 65–70.

17. Решняк М. Г. Актуальные проблемы соотношения уголовно-правовых мер противодействия коррупции в частной и публичных сферах в Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2021. № 4. С. 34–38. DOI: 10.18572/2072-3644-2021-4-34-38

References

1. Luneyev VV. Corruption in Russia. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 2007;(11):20–27. (In Russ.)

2. Khabrieva TYa. Corruption and law: doctrinal approaches to the statement of the problem. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2012;(6):5–17. (In Russ.)

3. Dolgova AI. Reaction to corruption: practice of counteraction in Russia and directions of optimization of struggle. Collection of conference proceedings *Korrupciya: sostoyanie protivodejstviya i napravleniya optimizacii bor'by* [Corruption: state of counteraction and directions of optimization of struggle]. Moscow: Russian Criminological Association; 2015:7–24. (In Russ.)

4. Maksimov SV. *Corruption. Law. Responsibility*. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2017. (In Russ.)

5. Shorokhov VE. Anti-corruption policy in the Russian Federation. *European Journal of Natural History*. 2017;(3):22–23.

6. Ivanov SB, Khabrieva TY, Chikhanchin YA et al. *Anti-corruption: new challenges*. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Infra-M Publishing House; 2019. (In Russ.)

7. Inshakov SM, Kazakova VA. Criminal law aspects of the study of corruption. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences]. 2019;(1):236–245. (In Russ.)

8. Kuznetsov VI, Truntsevsky YuV, Lomakina LA. Dismissal of civil servants in connection with the loss of trust: problems of theory and practice. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2020;(1)159–169. DOI: 10.12737/jrl.2020.012. (In Russ.)

9. Savinov LV, Shorokhov VE. Comparative analysis of anticorruption policy of Russia and foreign countries. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics]. 2021;12(2):26–37. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10016. (In Russ.)

10. Reshnyak MG, Gladkikh VI. Crimes of corrupt orientation: topical problems of differentiation of criminal responsibility. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal* [All-Russian Criminological Journal]. 2021;15(6):756–765. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(6).756–765. (In Russ.)

11. Idrisov RF, Kostyuk NN, Kokunova SD. Jurisdictional form of protection of the rights and legitimate interests of individuals and legal entities: subjective reasons for inefficiency. *Sovremennoe pravo* [Modern Law]. 2019;(3):5–18. DOI 10.25799/NI.2019.19.14.010. (In Russ.)

12. Shafeev RSh, Smotrina OS. Doctrinal characteristics of "domestic" corruption in the regions of Russia: features and patterns of reproduction, promising ways of prevention. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2021;25(10):157–173. DOI: 10.12737/jrl.2021.130. (In Russ.)

13. Skoblikov PA. Corruption and other violations in the consideration of citizens' appeals. Possible prevention measures. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow]. 2019;(1):59–70. (In Russ.)

14. Gerashchenko DG. Legal anomie in the Russian society: structural-activity dimension. [dissertation]. Rostov-on-Don: Southern Federal University. 2011. (In Russ.)

15. Bochkareva EV. Legal anomie and criminalization of Russian society. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series Law]. 2018;(4):69–70.

16. Gilinsky YaI. On counteraction to corruption in higher education institution. *Vestnik Gercenovskogo universiteta* [Bulletin of Herzen University]. 2010;(9):65–70. (In Russ.)

17. Reshnyak MG. Actual problems of correlation of criminal-law measures to counteract corruption in private and public spheres in the Russian Federation. *Bezopasnost' biznesa* [Business Security]. 2021;(4):34–38. DOI: 10.18572/2072-3644-2021-4-34-38. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Решняк Мария Генриховна доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, международно-правовой факультет, МГИМО МИД России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный работник науки и образования, профессор РАЕ, почетный доктор наук РАЕ.

143005 Московская обл., г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3.
irbis-7375@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-7281-8149
ScopusID: 57217530236
ResearcherID: AAX-1094-2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria G. Reshnyak Associate Professor Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, International Law Faculty, MGIMO MFA of Russia, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Science and Education, Professor RAE, Honorary Doctor of Science RAE

3 Novo-Sportnaya st., Odintsovo 143005, Moscow Region, Russia.
irbis-7375@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-7281-8149
ScopusID: 57217530236
ResearcherID: AAX-1094-2021

Дата поступления статьи / Received: 07.02.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 28.02.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.03.2022.

V НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и уголовный закон : монография. Москва: Проспект, 2021. 192 с.

В монографии исследуются уголовно-правовые и криминологические аспекты использования искусственного интеллекта в преступных целях. Особое внимание уделено проблеме регулирования правосубъектности искусственного интеллекта как основополагающей в вопросе разграничения ответственности.

В исследовании нашли отражение результаты комплексного теоретико-прикладного анализа основных современных доктрин, посвященных регулированию искусственного интеллекта и робототехники. Представлены результаты сравнительно-правового анализа международного законодательства, направленного на минимизацию криминологических рисков, связанных с применением искусственного интеллекта, и тезисы ключевых повесток ведущих международных организаций.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, атакже широкого круга читателей, интересующихся вопросами уголовно-правового регулирования искусственного интеллекта и робототехники.

Ключевые слова: автономность, закон, искусственный интеллект, криминология, наказание, ответственность, право, правовое регулирование, правосубъектность, преступление, риск, робот, робототехника, уголовное право, цифровая экономика, цифровые технологии, этика

Begishev I. R., Khisamova Z. I. Artificial Intelligence and Criminal Law: monograph. Moscow: Prospekt, 2021. 192p. (in Russ.)

The monograph examines the criminal-legal and criminological aspects of the use of artificial intelligence for criminal purposes. Special attention is paid to the problem of regulating the legal personality of artificial intelligence as fundamental to the issue of the delineation of responsibility.

The study reflects the results of a comprehensive theoretical and applied analysis of the main modern doctrines on the regulation of artificial intelligence and robotics. The article presents the results of a comparative legal analysis of international legislation aimed at minimizing the criminological risks associated with the use of artificial intelligence, and key points on the agendas of leading international organizations.
For students, postgraduates and teachers of law schools and faculties, as well as a wide range of readers interested in the issues of criminal law regulation of artificial intelligence and robotics.
Keywords: autonomy, law, artificial intelligence, criminology, punishment, responsibility, law, legal regulation, legal personality, crime, risk, robot, robotics, criminal law, digital economy, digital technologies, ethics

Аннотация к монографии

Монография представляет собой логический итог цикла авторских публикаций, посвященных различным аспектам правового регулирования искусственного интеллекта, содержит выводы и предложения, сформулированные по результатам проведенных исследований.

Структура книги состоит из трех глав, логично раскрывающих предмет исследования. Впервой главе, поименованной «Юридико-технологические аспекты понимания искусственного интеллекта», рассматриваются исторические этапы становления и развития науки об искусственном интеллекте; анализируются теоретические подходы к толкованию понятия «искусственный интеллект»; решаются проблемы разграничения понятийного аппарата в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники; искусственный интеллект и робот рассматриваются как правовые категории.

Рассуждения главы предваряются ретроспективным исследованием возникновения, развития и становления технологии искусственного интеллекта и учения о нем. Отмечается, что перспектива наделения искусственного интеллекта правовым статусом предполагает необходимость регулярного мониторинга уровня развития цифровых технологий и экономических отношений. При этом необходимо оценивать актуальный уровень технологического развития в целом, а также юридико-экономический риск наделения искусственного интеллекта правосубъектностью.

Рассуждения, развивающиеся во второй главе, обозначенной «Подходы к правовому регулированию искусственного интеллекта в мире», предваряются анализом международно-правовых основ регулирования данный сферы с последовательным переходом к анализу иных аспектов действующих и перспективных механизмов правового, в том числе запретительного, воздействия на общественные отношения с участием искусственного интеллекта. Таким образом, во второй главе рассматриваются международно-правовые основы регулирования развития и применения искусственного интеллекта в мире, саморегулирование отрасли развития и применения искусственного интеллекта в мире и аспекты правового регулирования развития и внедрения искусственного интеллекта в отдельно взятых странах.

Искусственный интеллект посылает новые вызовы различным сферам права: от патентного до уголовного, от охраны частной жизни до антимонопольного. На сегодняшний день наиболее оптимальным видится создание отдельного механизма правового регулирования, четко разграничивающего зоны ответственности между разработчиками и пользователями систем с искусственным интеллектом и непосредственно самой прорывной технологией.

В последующей, третьей главе, носящей название «Уголовно-правовые и криминологические аспекты применения искусственного интеллекта и робототехники», определены этические и криминологические риски применения искусственного интеллекта и робототехники,рассмотрена сущность искусственного интеллекта и проблема установления правосубъектности, предпринята попытка решения проблем соотношения уголовно-правовых норм и деликтов, совершаемых с участием искусственного интеллекта и робототехники.

Темпы развития систем с искусственным интеллектом уже в ближайшей

перспективе приведут к необходимости тотального пересмотра всех отраслей права. В частности,глубокой переработки потребуют институты интеллектуальной собственности, режим налогообложения и др., что в конечном счете приведет к необходимости разрешения концептуальной проблемы наделения искусственного интеллекта набором определенных «прав» и«обязанностей». По мнению авторов, оптимальным видится наделение автономного искусственного интеллекта специфически «ограниченной» правосубъектностью (посредством применения «особой» юридической фикции) в части наделения его обязанностью нести ответственность за причиняемый вред и негативные последствия.

В рамках указанного нового правового института целесообразным видится предусмотреть отличное от традиционного понимание субъекта, основанное на симбиозе технических и иных характеристик искусственного интеллекта, а также альтернативные виды ответственности, такие как деактивация, перепрограммирование или наделение статусом преступника, что будет служить предупреждением для всех участников правоотношений. Такое решение в перспективе способно минимизировать криминологические риски применения искусственного интеллекта.

V ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления рукописей статей в научный журнал «ВИКТИМОЛОГИЯ»

Общие рекомендации

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшихся и не предназначенные для одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, должна соответствовать тематике и требованиям журнала. Объем статьи — 8–15 стр., формат — А4. После текста статьи размещается запись «*Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые*» и ставится подпись автора (соавторов). Ставя свою подпись, автор (соавторы) тем самым передает права на издание статьи редакции и выражает согласие на размещение статьи в базе РИНЦ.

Требования к оформлению статей рукописей

- УДК (указывается перед текстом).
- Фамилия и инициалы автора(ов) на русском и английском языках.
- Название статьи заглавными буквами на русском и английском языках.
- Аннотация (150–250 слов) и список ключевых слов в именительном падеже (5–7 слов) на русском и на английском языках.
- Параметры страницы: формат — А4; поля — по 2 см с каждой стороны.
- Редактор — Microsoft Word. Формат текстового файла — doc; docx. Гарнитура — Times New Roman.
- Размер шрифта (кегль) — 14 пт., без уплотнения или разрежения. В таблицах и подписях к иллюстрациям рекомендуется уменьшение размера шрифта до 12 пт.
- Отступ в начале абзаца — 1,25 см.
- Междустрочный интервал — полуторный. Выравнивание текста — по ширине.
- Автоматическая расстановка переносов не допускается.
- Цитируемая в статье литература приводится *в алфавитном порядке* в виде пронумерованного списка. Отсылки к списку литературы даются в тексте в квадратных скобках (ГОСТ Р 7.0.5.-2008).
- Авторские примечания (не являющиеся названием используемой литературы или ссылкой на источник) размещаются в постраничных сносках.
- После статьи размещается информация об авторе(ах): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы, город, адрес электронной почты автора.

С рукописью необходимо предоставить:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла указывается фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
2. Сведения об авторе(ах) (форма размещена на сайте издания), ORCID.
3. Аспиранты и соискатели ученой степени кандидата наук должны предоставлять рецензию, подписанную научным руководителем и заверенную печатью учреждения (оригинал на бумажном носителе или отсканированную копию).

Подготовленные материалы необходимо направить по адресу электронной почты:
victimologiy@mail.ru.
В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.
Редакция оставляет за собой право редактировать статьи и сокращать материал.
Авторский экземпляр номера журнала высылается на указанный в заявке адрес наложенным платежом.

ВИКТИМОЛОГИЯ
2022. Т. 9, № 1.
Дата подписания 21.03.2022. Дата выхода в свет 30.03.2022. Формат 70×108/16.
Усл. печ. л. 11,46. Тираж 150 экз. Заказ № 122.
Цена свободная
Отпечатано в издательстве Челябинского государственного университета
454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57-б.

VICTIMOLOGY
2022. Vol. 9, no. 1.

Signing Date: 21.03.2022. Date of publication of the 30.03.2022. Format 70×108/16.
Conventional printed sheet 11,46. Circulation 150 issues. Order no. 122.
Open price

Printed by: Chelyabinsk State University Press.
57-b Molodogvardeytsev street, Chelyabinsk 454021.